ФЕДОНЪ

РАЗГОВОРЪ

ПЛАТОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Дмитрія Лебедева.

Изданіе второе, значительно исправленное.

МОСКВА.
Типографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой домъ.
1896.

ФЕДОНЪ,

РАЗГОВОРЪ ПЛАТОНА.

Переводъ съ объяснительными примѣчаніями

Дмитрія Лебедева.

Изданіе второе, значительно исправленное.

МОСКВА.
Типогр. Выс. утв. Т-ва И. Д. Сытина. Валовая ул., свой д.
1896.

Представляемый вниманію читателей переводъ Федона Платона былъ напечатанъ въ первый разъ въ Запискахъ новороссійскаго университета (т. XIII, 1874 г.). Въ настоящемъ, второмъ, изданіи его онъ подвергся переработкѣ настолько значительной, что положительно можетъ считаться новымъ. Переводчикъ поставилъ себѣ цѣлью, при исправленіи своего перевода, придать ему возможно большую близость къ подлиннику, между прочимъ и съ внѣшней стороны, — со стороны выраженія, манеры и пріемовъ платоновской рѣчи, чего по мѣстамъ недоставало переводу въ первомъ его изданіи. Всѣ наиболѣе трудныя мѣста греческаго текста, составляющія нерѣдко предметъ разнорѣчій и споровъ между комментаторами и издателями Платона, пересмотрѣны вновь—позволю себѣ сказать—весьма внимательно, и нѣкоторыя получили новое объясненіе. Отдѣлъ примѣчаній сокращенъ болѣе чѣмъ на половину, вслѣдствіе выпуска зна-

чительной части примѣчаній чисто филологическаго характера, какъ мало интересныхъ для большинства публики. Смѣю думать, что въ этомъ новомъ изданіи переводъ одного изъ самыхъ популярныхъ произведеній Платона не будетъ лишенъ значенія для читателей, сознающихъ необходимость въ ознакомленіи по крайней мѣрѣ съ первостепенными произведеніями древнихъ литературъ.

Петербургъ, 1-го мая
1895 года.

Д. Лебедевъ.

ФЕДОНЪ.

Разговаривающія лица: Федонъ, Эхекратъ и нѣкоторые другіе жители Фліунта. Въ разсказѣ Федона выступаютъ на сцену въ качествѣ говорящихъ лицъ: Сократъ, Аполлодоръ, Симмій, Кевисъ, Критонъ, прислужникъ одиннадцати.

I. *Эхекратъ.* Самъ ли ты, любезный Федонъ, былъ при Сократѣ въ тотъ день, когда онъ выпилъ ядъ въ темницѣ, или же ты знаешь объ этомъ по слуху?

Федонъ. Я самъ находился въ то время при немъ, любезный Эхекратъ.

Эхекратъ. Что же онъ говорилъ передъ смертью и какъ умеръ? Я съ удовольствіемъ послушалъ бы объ этомъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время нѣтъ никого изъ фліунтскихъ гражданъ, [1]) кто находился бы въ Аѳинахъ, равно какъ и изъ Аѳинъ давно уже не было у насъ гостя, который могъ бы сообщить намъ что нибудь другое, кромѣ того, что Сократъ умеръ, выпивъ чашу съ ядомъ; больше этого у насъ ничего не говорятъ.

Федонъ. Слѣдовательно, вы не знаете и о томъ, что относится къ суду,—какъ онъ происходилъ?

Эхекратъ. Нѣтъ, объ этомъ намъ сообщалъ кто то, и насъ еще удивило, что приговоръ былъ исполненъ спустя долгое время [2]), послѣ того какъ былъ произнесенъ. Что было причиной этому, Федонъ?

Федонъ. Случайное обстоятельство, Эхекратъ. Наканунѣ произнесенія приговора увѣнчивали [3]) корму корабля, который аѳиняне ежегодно посылаютъ въ Делосъ [4]).

Эхекратъ. А что это за корабль?

Федонъ. Это, какъ говорятъ аѳиняне, тотъ самый, на которомъ Ѳезей привезъ нѣкогда въ Критъ семь юношей и семь дѣвицъ и спасъ ихъ и себя [5]). Говорятъ, что при отъѣздѣ ихъ аѳиняне дали обѣтъ Аполлону, если Ѳезей и его спутники будутъ спасены, ежегодно отправлять священное посольство [6]) въ Делосъ, которое они дѣйствительно и посылаютъ съ тѣхъ поръ ежегодно въ честь бога досѣлѣ. А законъ ихъ предписываетъ, какъ скоро начнется приготовленіе священнаго посольства, охранять городъ во все время празднества отъ всего нечистаго и не приводить въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, пока корабль не съѣздитъ въ Делосъ и не возвратится обратно, что̀ продолжается иногда долгое время, если пловцовъ застигнутъ противные вѣтры; празднество же начинается тотчасъ послѣ того, какъ жрецъ Аполлона увѣнчаетъ корму корабля. Это какъ разъ и случилось, какъ я сказалъ, наканунѣ произнесенія приговора; поэтому-то Сократу и пришлось пробыть такъ долго въ темницѣ, со дня произнесенія приговора до смерти.

II. *Эхекратъ*. Что же ты разскажешь намъ объ обстоятельствахъ его смерти, Федонъ? Что онъ говорилъ и что дѣлалъ, и кто изъ близкихъ къ нему былъ тогда при немъ? Или начальники [7]) не позволяли присутствовать тамъ никому, и онъ умеръ, лишенный общества друзей?

Федонъ. О нѣтъ, тамъ были нѣкоторые изъ его друзей, и даже многіе.

Эхекратъ. Прими же на себя трудъ разсказать намъ обо всемъ этомъ какъ можно подробнѣе, если ты не занятъ теперь какимъ нибудь дѣломъ.

Федонъ. Я свободенъ и попытаюсь разсказать вамъ; да мнѣ и самому вспоминать о Сократѣ всегда болѣе всего пріятно,—говорить о немъ самому, такъ же какъ и слушать о немъ.

Эхекратъ. Но любезный Федонъ, тѣ, которые приготовились слушать тебя, не меньше чѣмъ и ты любятъ Сократа [8]). Итакъ постарайся передать намъ все, относящееся къ этому предмету, съ тою точностью, какая только для тебя въ данномъ случаѣ возможна.

Федонъ. Я положительно испытывалъ какое то необыкновенное чувство, находившись въ то время у него. Въ душѣ моей не было сожалѣнія, хотя я присутствовалъ при смерти близкаго мнѣ человѣка; онъ, казалось мнѣ, былъ тогда счастливъ, любезный Эхекратъ, какъ это выражалось и въ его наружности и въ его рѣчахъ: такъ безстрашно и съ такимъ достоинствомъ онъ умиралъ! Мнѣ казалось, что онъ переселялся въ аидъ подъ покровительствомъ божества, и что онъ будетъ наслаждаться тамъ блаженствомъ, какимъ едва ли наслаждался кто нибудь когда нибудь.

Поэтому въ душу мою нисколько не проникало чувство жалости, какъ это естественно было бы въ человѣкѣ, присутствующемъ при печальномъ событіи; съ другой стороны, я не чувствовалъ и того удовольствія, какое мы обыкновенно испытывали при нашихъ философскихъ бесѣдахъ. Рѣчи наши касались отчасти и тогда вопросовъ философіи, но я находился въ какомъ то необыкновенномъ состояніи: это было неизвѣданное мною дотолѣ соединеніе радости и печали, раждавшееся во мнѣ при мысли о томъ, что Сократъ долженъ немедленно умереть. Всѣ присутствовавшіе были почти въ такомъ же настроеніи духа,—смѣялись и плакали поперемѣнно; возбужденнѣе другихъ впрочемъ былъ Аполлодоръ, потому что ты знаешь его и его характеръ.

Эхекратъ. Еще бы не знать!

Федонъ. Онъ-то именно отдавался всецѣло этому разнообразію душевныхъ движеній; я самъ былъ сильно взволнованъ, также какъ и другіе.

Эхекратъ. Кто же былъ въ это время у Сократа, любезный Федонъ?

Федонъ. Изъ согражданъ [9]) его былъ этотъ самый Аполлодоръ, Критовулъ и отецъ его Критонъ, Гермогенъ, Эпигенъ, Эсхинъ и Антисѳенъ; кромѣ того, пеаніецъ Ктезиппъ, Менексенъ и нѣкоторые другіе его сограждане; Платонъ же, какъ я думаю, былъ боленъ [10]).

Эхекратъ. А чужестранцы были?

Федонъ. Да, Симмій ѳивянинъ, Кевисъ и Федондъ; изъ Мегары были—Эвклидъ и Терпсіонъ.

Эхекратъ. Ну, а еще? Аристиппъ и Клеомбротъ были?

Федонъ. Нѣтъ; они, говорятъ, находились въ то время въ Эгинѣ [11]).

Эхекратъ. А еще кто нибудь былъ?

Федонъ. Да это кажется почти всѣ, которые тамъ присутствовали.

Эхекратъ. Итакъ о чемъ же шла, ваша бесѣда, о которой ты упоминалъ?

III. *Федонъ.* Постараюсь передать тебѣ все съ самаго начала. Во всѣ предшествовавшіе дни я какъ и прочіе постоянно посѣщали Сократа, собираясь рано поутру въ судилищѣ, въ которомъ былъ произведенъ надъ нимъ судъ и которое находится неподалеку отъ темницы. Здѣсь, на дворѣ судилища, мы ожидали каждый разъ, пока отпирали темницу, проводя время въ бесѣдахъ, потому что она отпиралась нерано; когда же она отпиралась, мы входили къ Сократу и проводили съ нимъ обыкновенно цѣлый день. Въ этотъ же день мы собрались раньше обыкновеннаго, такъ какъ наканунѣ, уходя вечеромъ изъ темницы, узнали, что корабль возвратился уже изъ Делоса. Вслѣдствіе этого мы рѣшили собраться на слѣдующій день въ обычномъ мѣстѣ какъ можно раньше. Мы пришли, а тюремщикъ, который обыкновенно впускалъ насъ, вышедши къ намъ, просилъ подождать и не входить въ темницу, прежде чѣмъ онъ самъ насъ позоветъ. „Одиннадцать судей,—сказалъ онъ,—освобождаютъ теперь Сократа отъ оковъ и объявляютъ ему, что онъ долженъ сегодня умереть“. Спустя немного времени, онъ возвратился и пригласилъ насъ войти. Мы вошли и увидѣли Сократа, съ котораго только что сняли цѣпи, и извѣстную тебѣ Ксантиппу [12]), которая сидѣла подлѣ него съ ребенкомъ на рукахъ. Едва она увидѣла насъ, какъ подняла вопль и начала причитывать, что обыкновенно

причитываютъ въ подобныхъ случаяхъ женщины. „О Сократъ“, повторяла она рыдая, „сегодня въ послѣдній разъ бесѣдуютъ съ тобою твои друзья и ты съ ними“. Сократъ, взглянувъ на Критона, сказалъ: „Критонъ, пусть ее отведетъ кто нибудь домой“. Слуги Критона [13]) увели ее, а она продолжала рыдать и ударяла себя въ грудь. Сократъ, приподнявшись на постели, согнулъ колѣно, началъ тереть его рукой, и повода по немъ сказалъ:

— Что за странную вещь, друзья мои, составляетъ то, что̀ люди называютъ пріятнымъ; какъ чудно соединяется оно съ тѣмъ, что̀ кажется ему противоположнымъ,—съ печальнымъ. Оба эти чувства не могутъ быть въ человѣкѣ въ одно и то же время, а между тѣмъ, какъ скоро человѣкъ стремится достичь одного и получитъ его,—онъ почти всегда бываетъ вынужденъ принять и другое, какъ будто бы оба они были связаны однимъ концомъ. Мнѣ кажется, продолжалъ онъ, что если бы на это обратилъ вниманіе Эзопъ [14]), онъ сложилъ бы басню, какъ богъ, желая примирить эти враждебныя другъ другу противоположности и не успѣвъ этого достичь, соединилъ ихъ концы, отчего и происходитъ, что какъ скоро человѣка посѣтитъ одно чувство, вслѣдъ за нимъ является и другое. Это очевидно происходитъ въ настоящее время, прибавилъ онъ, и со мною самимъ, потому что я прежде чувствовалъ боль въ колѣнѣ отъ оковъ, а теперь это ощущеніе смѣнилось для меня пріятнымъ.

IV. Кевисъ, прервавъ его рѣчь, сказалъ:

— Клянусь Зевсомъ, любезный Сократъ, ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ объ этомъ. Нѣкоторые, и

между прочимъ въ недавнее время Эвенъ [15]), спрашивали меня о стихотвореніяхъ, которыя ты сочинилъ, переложивъ въ стихи басни Эзопа и написавъ гимнъ Аполлону [16]),—какія побужденія руководили тобою, что ты, перешедши въ темницу, началъ писать стихи, никогда не писавши ихъ прежде? Итакъ, если ты желаешь, чтобы я былъ въ состояніи отвѣчать Эвену, когда онъ снова спроситъ меня объ этомъ, — а я знаю, что онъ спроситъ,—то скажи, что̀ я долженъ отвѣчать?

— Отвѣчай ему, любезный Кевисъ, сказалъ Сократъ, согласно съ истиной,—что я написалъ эти стихотворенія не изъ желанія входить въ соперничество съ нимъ и его произведеніями,—я знаю, что это было бы не легко, — но я хотѣлъ опредѣлить значеніе нѣкоторыхъ посѣщавшихъ меня видѣній, чего они отъ меня требовали, и исполнить свой долгъ, если они призывали меня къ занятіямъ поэзіей. Въ протекшей моей жизни меня часто посѣщало одно и то же видѣніе, въ разныя времена въ разныхъ видахъ, но съ одной и той же рѣчью. „Сократъ, говорило оно мнѣ, посвяти себя искусству музъ и упражняйся въ немъ“ [17]). Я думалъ тогда, что оно совѣтуетъ мнѣ и побуждаетъ меня продолжать заниматься тѣмъ, чѣмъ я занимался въ прошлое время. Подобно тому какъ воодушевляютъ бѣгущихъ на ристалищѣ, такъ, думалъ я, и меня мое видѣніе поощряетъ къ продолженію занятій тѣмъ, чѣмъ я уже занимался, — служить искусству музъ, то есть величайшей изъ наукъ— философіи, которой я посвящалъ себя. Но теперь, послѣ того какъ надо мною произнесенъ былъ приговоръ, а праздество въ честь бога замедлило мою

смерть, я счелъ долгомъ — если мое, часто повторявшееся, видѣніе призывало меня къ занятіямъ искусствомъ болѣе обыкновеннымъ—не противиться его голосу, а послѣдовать ему. Для меня очевидно безопаснѣе—не покидать этого міра, прежде чѣмъ я исполню свой долгъ передъ божествомъ и, послушный призыву видѣнія, напишу нѣсколько стихотвореній. Итакъ я прежде всего сочинилъ гимнъ божеству, въ честь котораго совершалось празднество, а послѣ гимна, разсудивши, что поэтъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ быть поэтомъ, долженъ умѣть создавать вымыселъ, а не передавать однѣ только мысли, а самъ я неизобрѣтателенъ въ вымыслѣ, я переложилъ въ стихи басни Эзопа, которыя имѣлъ подъ рукою и зналъ,— первыя, которыя пришли мнѣ на память.

V.—Итакъ, вотъ что, любезный Кевисъ, передай Эвену; передай ему также прощальный отъ меня привѣтъ, и если онъ мудръ, пусть онъ слѣдуетъ за мною. Я же, какъ кажется, ухожу отъ васъ сегодня, потому что такъ хотятъ Аѳиняне.

Симмій на это возразилъ:

— Чего ты этимъ требуешь отъ Эвена, любезный Сократъ? Я часто встрѣчался съ нимъ и, судя по тому, что знаю о немъ,—онъ ни подъ какимъ видомъ не послѣдуетъ добровольно твоему совѣту.

— Какъ, возразилъ Сократъ, развѣ Эвенъ не философъ?

— Мнѣ онъ представляется философомъ, отвѣчалъ Симмій.

— Въ такомъ случаѣ онъ захочетъ послѣдовать совѣту: Эвенъ и всякій другой, кто занимается фи-

лософіей достойнымъ образомъ, и однако философъ не причинитъ себѣ насильственной смерти, потому что по мнѣнію философовъ это непозволительно.

Говоря это, Сократъ спустилъ ноги съ постели наземь и сѣвши велъ въ такомъ положеніи всю дальнѣйшую бесѣду.

Кевисъ спросилъ его:

— Какъ это понимать, любезный Сократъ? Причинять себѣ насильственную смерть непозволительно, а между тѣмъ философъ желаетъ слѣдовать за умирающимъ?

— Э, любезный Кевисъ, развѣ вы—ты и Симмій—не слышали объ этомъ отъ Филолая, когда были его учениками? [18]).

— По крайней мѣрѣ ничего опредѣленнаго, любезный Сократъ.

— Да я и самъ говорю объ этомъ только по слуху, а слышаннаго не имѣю причины скрывать отъ васъ. Да кромѣ того для человѣка, переселяющагося въ другой міръ, быть можетъ приличнѣе всего разсуждать и вспоминать существующіе разсказы о жизни въ новомъ мірѣ [19]),—какова она по нашему мнѣнію должна быть. И чѣмъ же другимъ могъ бы кто нибудь заниматься въ промежутокъ времени до заката солнца?

VI.—На какомъ же основаніи говорятъ, что лишать себя жизни непозволительно, любезный Сократъ? Я слышалъ объ этомъ и отъ Филолая, въ то время когда онъ съ нами жилъ, — обстоятельство, о которомъ ты сейчасъ спрашивалъ—и отъ нѣкоторыхъ другихъ, что этого не должно дѣлать. Но яснаго объ этомъ не слышалъ никогда ничего и ни отъ кого [20]).

— Не надобно терять надежды, возразилъ Сократъ, можетъ быть сейчасъ услышишь. И можетъ быть тебѣ покажется удивительно, что изъ всѣхъ подобнаго рода ученій это одно представляется безусловно истиннымъ, и что въ данномъ случаѣ никогда не бываетъ такъ, какъ во многихъ другихъ, то есть чтобы только при нѣкоторыхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ и только нѣкоторымъ людямъ лучше было бы умереть, нежели жить. Можетъ быть тебѣ покажется удивительнымъ, если я скажу, что для людей, для которыхъ лучше умереть, не было бы дѣломъ невиннымъ — благодѣтельствовать подобнымъ боразомъ себѣ самимъ, но нужно ожидать посторонняго благодѣтеля.

— Это вѣдаетъ Зевсъ, сказалъ Кевисъ, слегка улыбнувшись и выражаясь на своемъ родномъ нарѣчіи.

— Мысль эта съ перваго раза покажется странною, сказалъ Сократъ, но она быть можетъ имѣетъ свое основаніе. То, что содержится объ этомъ предметѣ въ таинствахъ и въ ученіи, сообщаемомъ только посвященнымъ, именно [21]) что мы, люди, находимся здѣсь какъ будто бы на нѣкоторомъ посту и что освобождать себя отъ него или тайно оставлять его мы сами собою не должны,—представляется мнѣ многознаменательнымъ и нелегко объемлемымъ разумомъ. Но во всякомъ случаѣ, любезный Кевисъ, справедливо признаютъ за истину то, что боги заботятся о насъ и что мы, люди, составляемъ собственность боговъ. Не представляется ли тебѣ, что это такъ?

— Совершенно такъ, сказалъ Кевисъ.

— Теперь, продолжалъ Сократъ, если бы кто изъ

твоихъ рабовъ причинилъ себѣ смерть въ то время, какъ ты не опредѣлялъ ему смерти,—не пришелъ ли бы ты въ негодованіе, и если бы имѣлъ возможность наказать виновнаго, то не наказалъ ли бы его строго?

— Конечно, отвѣтилъ тотъ.

— Итакъ въ силу сказаннаго, мнѣ представляется не безосновательнымъ взглядъ, что человѣкъ не долженъ лишать себя жизни, прежде чѣмъ Богъ укажетъ ему необходимость этого, какъ въ настоящее время мнѣ.

VII. — Это, сказалъ Кевисъ, мнѣ кажется естественнымъ; но то, что ты сейчасъ говорилъ, именно что философы должны желать смерти, представляется чѣмъ то страннымъ, если, какъ мы сейчасъ признали, справедливо, что божество о насъ заботится и что мы составляемъ его собственность. Съ разумомъ рѣшительно несогласно, что самые мудрые изъ людей не испытывали тяжелаго чувства, оставляя то служеніе, въ которомъ ихъ руководятъ лучшіе изъ всѣхъ руководителей — боги; потому что человѣкъ мудрый не станетъ думать, что онъ будетъ лучше заботиться о себѣ самомъ, сдѣлавшись свободнымъ. Только безумецъ могъ бы воображать, что отъ господина нужно бѣжать, и не разсудилъ бы, что отъ добраго нужно не бѣжать, а всѣми силами его держаться; поэтому бѣгство его было бы противно разсудку; но кто обладаетъ умомъ, тотъ пожелалъ бы всегда оставаться съ тѣмъ, который лучше его. Такимъ образомъ, любезный Сократъ, мнѣ представляется истиной нѣчто противное тому, что было сейчасъ говорено: мудрымъ естественно умирая скорбѣть, а безумцамъ—радоваться.

Сократъ, выслушавъ это, остался, какъ мнѣ пока-

залось, доволенъ настойчивостью Кевиса и, взглянувъ на насъ, сказалъ:

— Кевисъ на все ищетъ основанiй и не вдругъ соглашается съ тѣмъ, что кто нибудь скажетъ.

— Однако же, Сократъ, замѣтилъ Симмiй, мнѣ и самому представляется, что Кевисъ говоритъ въ данномъ случаѣ справедливо. На какомъ въ самомъ дѣлѣ основанiи истинно мудрые люди должны бѣгать отъ владыкъ, лучшихъ чѣмъ они сами и безъ сожалѣнiя разставаться съ ними? Мнѣ кажется, рѣчь Кевиса направлена противъ тебя, такъ какъ ты такъ легко покидаешь и насъ и благихъ владыкъ, благость которыхъ ты и самъ признаешь,—боговъ?

— Вы говорите справедливо, сказалъ Сократъ, и мнѣ кажется говорите это съ тою цѣлью, чтобы заставить меня защищаться противъ этого, какъ будто бы въ судилищѣ.

— Совершенно такъ, отвѣчалъ Симмiй.

VIII. — Я постараюсь, началъ Сократъ, чтобы моя защита передъ вами имѣла большiй успѣхъ, нежели какой она имѣла передъ судьями. Если бы я не думалъ, друзья мои Симмiй и Кевисъ, что я отхожу къ другимъ богамъ [22]) мудрымъ и благимъ, а потомъ къ умершимъ людямъ, лучшимъ чѣмъ живущiе на землѣ, то я былъ бы неправъ, не скорбя при наступленiи смерти. Но знайте, что я надѣюсь перейти къ людямъ добрымъ, хотя я впрочемъ не буду утверждать этого рѣшительно, но что я отхожу къ богамъ, всецѣло благимъ владыкамъ, то относительно этого да будетъ вамъ извѣстно, что если можно утверждать съ достовѣрностью что нибудь относительно подобнаго рода

предметовъ, то я буду это утверждать. Вотъ почему я не испытываю обычной въ такихъ случаяхъ скорби, но имѣю добрую надежду, что извѣстная участь существуетъ и для умершихъ и, согласно древнему вѣрованію, гораздо лучшая для добрыхъ нежели для злыхъ.

— Но какъ же однако, любезный Сократъ, сказалъ Симмій, неужели ты думаешь покинуть насъ, унесши съ собою твой взглядъ на этотъ предметъ, или ты сообщишь его и намъ? Мнѣ кажется, что это благо общее, благо и для насъ. Да кромѣ того, если ты насъ убѣдишь въ томъ, что высказываешь теперь,—это будетъ вмѣстѣ и твоею апологіей.

— Постараюсь, сказалъ Сократъ. Но послушаемъ прежде, что скажетъ Критонъ: онъ, какъ я замѣчаю, давно собирается что то сказать.

— Что же я скажу, любезный Сократъ, отвѣтилъ Критонъ, другое кромѣ того, что давно повторяетъ мнѣ человѣкъ, который долженъ дать тебѣ ядъ, именно, что тебѣ нужно какъ можно меньше разговаривать; онъ говоритъ, что тѣ, которые слишкомъ много разговариваютъ, разгорячаются, а этого не должно быть при употребленіи яду; въ противномъ случаѣ люди, такъ поступающіе, принуждены бываютъ иногда пить по два и даже по три раза.

— Не обращай на него вниманія, сказалъ Сократъ: пусть только онъ приготовитъ свое питье, какъ будто долженъ дать мнѣ два и, если нужно будетъ, три раза.

— Я почти предвидѣлъ твой отвѣтъ, возразилъ Критонъ, но право этотъ человѣкъ давно не даетъ мнѣ покою.

— Оставь его, сказалъ Сократъ. Итакъ, я намѣренъ теперь представить отчетъ вамъ, моимъ судьямъ, почему мнѣ кажется естественнымъ, чтобы человѣкъ, проведшій жизнь въ серьезныхъ занятіяхъ философіей, сохранялъ мужество при наступленіи смерти и имѣлъ твердую надежду наслѣдовать по смерти величайшія блага. Я постараюсь, друзья мои Симмій и Кевисъ, показать, почему это такъ.

IX.—Люди, занимающіеся надлежащимъ образомъ философіей, остаются неизвѣстны другимъ въ томъ отношеніи, что они желаютъ не иного чего, какъ только умереть и быть для всего мертвыми [23]). А если такъ, то конечно было бы ни съ чѣмъ несообразно, если бы философы, желавши всю жизнь только одного этого, стали бы негодовать при наступленіи смерти, при наступленіи того самаго, чего они давно желали и въ чемъ съ давнихъ поръ упражнялись.

Симмій, засмѣявшись при этомъ, сказалъ:

— Клянусь Зевсомъ, любезный Сократъ, я вовсе не расположенъ былъ смѣяться, но ты меня заставилъ. Я думаю, что большинство людей, услышавъ это, нашли бы, что это сказано о философахъ очень хорошо, а наши сограждане вполнѣ согласились бы съ тѣмъ, что истинные философы дѣйствительно желаютъ смерти [24]), и что они съ своей стороны понимаютъ, что философы ея достойны.

— И справедливо сказали бы, любезный Симмій, кромѣ того, что они это понимаютъ; нѣтъ, они не понимаютъ ни того, почему истинные философы желаютъ смерти, ни того, почему они ея достойны, и какой именно. Но будемъ продолжать нашу бесѣду, сказалъ

Сократъ, оставивъ въ покоѣ этихъ людей. Обозначаемъ ли мы нѣчто, когда произносимъ слово: смерть?

— Конечно, отвѣчалъ Симмій.

—Называемъ ли мы этимъ именемъ что нибудь другое чѣмъ отдѣленіе души отъ тѣла, и сущность смерти не въ томъ ли состоитъ, что тѣло, разлучившись съ душею, существуетъ само по себѣ, а душа, освобожденная отъ тѣла, сама по себѣ? Составляетъ ли смерть что нибудь другое, а не это?

— Не другое, а именно это, сказалъ Симмій.

— Разсмотри внимательно, мой добрый другъ, не представляется ли и тебѣ относительно этого то самое, что представляется мнѣ, потому что такимъ образомъ мы, я думаю, лучше поймемъ то, о чемъ разсуждаемъ. Какъ ты думаешь, прилично ли философу гоняться за такъ называемыми удовольствіями, напр. за удовольствіями пировъ и попоекъ?

— Менѣе всего, любезный Сократъ, отвѣчалъ Симмій.

— А за удовольствіями любви?

— Ни подъ какимъ видомъ.

— Ну, а другія заботы, относящіяся къ тѣлу, считаетъ ли важными философъ? Такъ, напримѣръ, обладаніе красивымъ платьемъ, обувью и другими украшеніями тѣла [25]) —цѣнитъ ли онъ высоко или же ставитъ ни во что, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда крайняя необходимость заставитъ его что нибудь подобное употреблять?

— Я думаю, отвѣтилъ Симмій, что истинный философъ всѣмъ этимъ пренебрегаетъ.

— Слѣдовательно, ты того мнѣнія, что попеченія фи-

лософа вообще не имѣютъ предметомъ тѣла, что онъ уклоняется отъ этого рода заботъ, сколько только возможно, и обращаетъ ихъ къ душѣ?

— Я такъ думаю.

— Итакъ, не ясно ли отсюда, что философъ во всѣхъ подобныхъ предметахъ, преимущественно передъ другими людьми, освобождаетъ душу, насколько это возможно, отъ общенія съ тѣломъ?

— Очевидно.

— Между тѣмъ, любезный Симмій, большая часть людей смотритъ на дѣло такъ, что тѣмъ, которые не видятъ ничего пріятнаго въ подобнаго рода предметахъ или лишены обладанія ими, не стоитъ и жить, а человѣкъ, не дорожащій чувственными удовольствіями источникомъ которыхъ служитъ тѣло, представляется имъ какъ будто уже умершимъ.

— Ты говоришь какъ нельзя болѣе справедливо.

X. — Ну, а въ пріобрѣтеніи знанія [26]) служитъ ли тѣло препятствіемъ или нѣтъ, если его принимаютъ соучастникомъ при изслѣдованіи? Я разумѣю вотъ что: передаютъ ли зрѣніе и слухъ что нибудь людямъ безобманчиво, или же поэты правы, постоянно твердя [27]), что мы ничего не слышимъ и не видимъ съ достовѣрностью? А если эти тѣлесныя чувства не вполнѣ безошибочны, тѣмъ менѣе безошибочны остальныя, потому что всѣ они сравнительно низшаго достоинства. Не такъ ли?

— Совершенно такъ, сказалъ Симмій.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, когда же душа доходитъ до познанія истины? Потому что въ то время когда она изслѣдуетъ что нибудь съ помощію тѣ-

ла, тѣло очевидно обманываетъ ее и вводитъ въ заблужденіе.

— Правда.

— Итакъ, если какимъ нибудь способомъ, не путемъ ли размышленія, становится для нея яснымъ что нибудь въ бытіи? [28]).

— Да.

— А размышляетъ душа лучше всего тогда, когда ничто не развлекаетъ ее, — ни зрѣніе, ни слухъ, ни печаль, ни удовольствіе, когда она всецѣло сосредоточивается въ самой себѣ, отказываясь такъ сказать отъ тѣла и, насколько только это для нея возможно, не соприкасаясь съ нимъ, устремляется въ область бытія?

— Это такъ.

— Не обнаруживается ли такимъ образомъ и здѣсь, что душа философа въ высшей степени презираетъ тѣло́, бѣжитъ отъ него и стремится сдѣлаться чѣмъ то отдѣльнымъ?

— Очевидно.

— Ну, а какъ, любезный Симмій, мы будемъ понимать слѣдующія вещи: называемъ ли мы что нибудь само въ себѣ справедливымъ или нѣтъ?

— О, конечно называемъ, клянусь Зевесомъ.

— А что нибудь другое прекраснымъ или добрымъ?

— Да какже нѣтъ?

— А видѣлъ ты когда нибудь что нибудь такое глазами?

— Никогда, отвѣтилъ Симмій.

— Соприкасался ли съ чѣмъ нибудь подобнымъ какимъ нибудь другимъ изъ тѣлесныхъ чувствъ? Я го-

ворю обо всѣхъ понятіяхъ этого рода, какъ напр. о величинѣ, здоровьѣ, силѣ и другихъ въ этомъ родѣ, словомъ сказать, о сущности всѣхъ вообще предметовъ,—что такое каждая такая сущность сама въ себѣ? Постигаемъ ли мы основы и глубину ихъ съ помощію тѣла, или же это бываетъ такимъ образомъ, что тотъ, кто больше и внимательнѣе другихъ размышляетъ о сущности, которую хочетъ изслѣдовать, больше приближается къ пониманію каждой? [29]).

— Какъ нельзя болѣе справедливо.

— Итакъ, не тотъ ли будетъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ наиболѣе совершеннымъ образомъ, кто устремляется къ каждой такой сущности, насколько возможно болѣе, одною только мыслью, не пользуясь при размышленіи чувствомъ зрѣнія и не соединяя съ мысленнымъ созерцаніемъ дѣйствія какого нибудь другого тѣлеснаго чувства, но отдаваясь чистой мысли, мысли въ самой себѣ, стремится постичь каждую отдѣльную чистую сущность [30]) въ ней самой, отрѣшаясь при этомъ возможно болѣе отъ зрѣнія, слуха, словомъ сказать, отъ посредства тѣла вообще, какъ возмущающаго душу и не позволяющаго ей достигать истины и мудрости во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе. И если кто нибудь, любезный Симмій, то не такой ли именно человѣкъ придетъ къ познанію бытія?

— Ты говоришь, Сократъ, отвѣчалъ Симмій, какъ нельзя болѣе вѣрно.

XI. — Итакъ, въ силу этого, сказалъ Сократъ, не должна ли въ умахъ истинныхъ философовъ явиться мысль, которую они будутъ и высказывать другъ

другу, — именно, что при мысленномъ изслѣдованіи насъ ведетъ какъ будто какая то тропинка [31]), потому что, пока мы облечены тѣломъ, пока наша душа соединена съ этимъ зломъ, мы никогда не будемъ обладать въ надлежащей полнотѣ тѣмъ, къ чему стремимся: я разумѣю истину. Тѣло представляетъ намъ въ этомъ случаѣ безчисленныя препятствія по причинѣ необходимости заботиться о немъ; случающіяся иногда болѣзни служатъ также помѣхой въ изслѣдованіи истины; наконецъ, оно наполняетъ насъ любовными стремленіями, страстями, опасеніями, всякаго рода пустыми мечтами и безразсудными прихотями, такъ что справедливо говорятъ, что мы, благодаря тѣлу, никогда и ни о чемъ не можемъ правильно судить. Не что иное какъ тѣло и его пожеланія производятъ войны, бунты и битвы, потому что всѣ войны возникаютъ изъ-за стремленія къ пріобрѣтенію, а стремиться къ пріобрѣтенію насъ побуждаетъ тѣло, такъ какъ мы раболѣпно отдаемъ себя на служеніе ему. Такимъ образомъ, вслѣдствіе всего этого, у насъ не остается времени для занятія философіей. Но самое худшее изъ всего, что если тѣло и оставляетъ намъ иногда нѣкоторый досугъ, и мы обращаемся къ изслѣдованію чего нибудь, — оно снова, замѣшиваясь всюду въ наши изысканія, производитъ въ насъ волненіе и безпокойство, возмущая нашу внутреннюю тишину до того, что мы, благодаря ему, дѣлаемся неспособны созерцать истину. Итакъ отсюда для насъ очевидно, что если мы желаемъ что нибудь настоящимъ образомъ знать, то намъ необходимо отрѣшаться отъ тѣла и одною только душою созерцать сущность вещей. Такимъ образомъ,

только тогда, какъ кажется и какъ показываетъ наше изслѣдованіе, мы достигнемъ того, къ чему стремимся и чего называемъ себя любителями, то есть знанія, когда окончимъ жизнь, а не теперь, пока мы живемъ. Если же познавать что нибудь совершеннымъ образомъ при участіи тѣла невозможно, то одно изъ двухъ: или для насъ вообще не существуетъ возможности достигать знанія, или мы будемъ обладать имъ по смерти, потому что только тогда душа будетъ существовать въ самой себѣ, разъединенною съ тѣломъ, а не прежде. Но пока мы живемъ, мы можемъ, какъ видно изъ всего этого, только такимъ образомъ приближаться къ истинѣ, если будемъ какъ можно менѣе дружиться и сообщаться съ тѣломъ, кромѣ случаевъ самой крайней необходимости, если не будемъ исполняться его свойствами, но блюсти себя чистыми отъ него, пока самъ Богъ не разрѣшитъ насъ. Тогда, освободившись чистыми отъ всего, что представляетъ неразумнаго наше тѣло, мы будемъ вѣроятно находиться въ общеніи съ такими же сущностями [32]) и познавать сами черезъ себя все чистое, а это быть можетъ и есть истина: нечистому же божественный законъ не дозволяетъ соприкасаться съ чистымъ. Вотъ что, Симмій, какъ мнѣ кажется, должны говорить между собою и предполагать всѣ истинные любители мудрости. Не представляется ли тебѣ такъ?

— Это всего болѣе вѣроятно, любезный Сократъ.

XII. — Итакъ, продолжалъ Сократъ, если это справедливо, дорогой мой другъ, то для человѣка, когда онъ придетъ туда, куда иду я, есть большая надежда достигнуть тамъ, скорѣе нежели гдѣ бы то ни

было, обладанія тѣмъ, что стоило намъ въ протекшей жизни столькихъ трудовъ, такъ что предназначенное мнѣ въ настоящее время переселеніе туда будетъ совершено мною съ доброй надеждой, какъ и каждымъ другимъ, кто можетъ думать, что онъ приготовилъ уже къ этому очищеніемъ свою мысль.

— Безъ сомнѣнія, сказалъ Симмій.

— А очищеніе, какъ мы говорили еще прежде въ нашихъ бесѣдахъ, не состоитъ ли именно въ томъ, чтобы уединять душу какъ можно болѣе отъ тѣла и пріучать ее, отраждаясь отъ тѣла со всѣхъ сторонъ, собираться и сосредоточиваться въ самой себѣ и жить, насколько это для нея возможно въ жизни настоящей какъ и потомъ, только въ себѣ одной, отрѣшившись отъ тѣла, какъ будто отъ оковъ?

— Совершенно такъ.

— А не это ли называютъ смертью — отрѣшеніе и освобожденіе души отъ тѣла?

— Совершенно такъ, отвѣтилъ тотъ.

— Но отрѣшать душу отъ тѣла, какъ мы говоримъ, желаютъ постоянно, болѣе всего и одни изъ всѣхъ людей,—истинные философы, и занятіе ихъ состоитъ въ этомъ самомъ, - въ отрѣшеніи и обособленіи души отъ тѣла. Не такъ ли?

— Очевидно.

— Итакъ, не было ли бы смѣшно, какъ я сказалъ въ началѣ, если бы человѣкъ, который всю жизнь упражнялся въ томъ, чтобы жить жизнью какъ можно болѣе близкой къ состоянію смерти, сталъ бы негодовать при наступленіи смерти. Не смѣшно ли бы это было?

— Еще бы нѣтъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, любезный Симмій, продолжалъ Сократъ, истинные философы упражняются въ томъ, что умираютъ, и умереть для нихъ менѣе страшно, чѣмъ кому бы то ни было изъ людей. Разсмотри это изъ соображенія слѣдующаго. Если философы ненавидятъ тѣло во всѣхъ отношеніяхъ и желаютъ имѣть одну только душу,—не было ли бы крайнею несообразностью, если бы они испытывали страхъ или негодовали при наступленіи желаннаго для нихъ состоянія, если бы они не отправлялись съ радостію туда, гдѣ есть надежда получить то, къ чему они стремились въ теченіе жизни, а стремились они къ мудрости и освобожденію отъ союза съ тѣломъ, которое ненавидѣли. Многіе по смерти дорогихъ имъ существъ, по смерти женъ и сыновей, добровольно сходили въ аидъ въ надеждѣ увидѣть тамъ тѣхъ, кого любили и не разлучаться съ ними: а человѣкъ, который истинно любитъ мудрость и твердо надѣется достичь мудрости, достойной этого имени, не въ иномъ какомъ нибудь мѣстѣ, а только въ аидѣ, будетъ умирая негодовать, а не пойдетъ туда съ радостію? Надобно думать, что онъ пойдетъ туда съ радостію, любезный другъ, если онъ дѣйствительно философъ, потому что онъ глубоко будетъ убѣжденъ, что онъ можетъ достичь совершеннаго знанія только тамъ и нигдѣ болѣе. А если это дѣйствительно такъ, какъ я сейчасъ сказалъ, то не было ли бы крайне несообразно, если бы такой человѣкъ сталъ бояться смерти?

XIII. — Клянусь Зевсомъ, это было бы крайне несообразно, отвѣтилъ тотъ.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, если ты увидишь человѣка, который негодуетъ, когда для него настаетъ пора умереть,—не будетъ ли это для тебя достаточно сильнымъ доказательствомъ, что человѣкъ этотъ любитъ не мудрость, а тѣло [33]); а такой человѣкъ любитъ и деньги и почести, — иногда одно, иногда другое, а иногда то и другое вмѣстѣ?

— Это дѣйствительно такъ, какъ ты говоришь, сказалъ Симмій.

— Такимъ образомъ, любезный Симмій, продолжалъ Сократъ, то, что называютъ мужествомъ, [34]) не есть ли принадлежность людей, попреимуществу настроенныхъ подобнымъ образомъ,—философовъ?

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія, сказалъ Симмій.

— Не точно ли такъ же и воздержаніе, именемъ котораго большинство людей обозначаетъ то, чтобы неувлекаться страстями, но презирать ихъ и господствовать надъ ними, — не принадлежитъ ли оно исключительно этимъ людямъ,—презирающимъ тѣло въ высокой степени и проводящимъ жизнь въ стремленіи къ мудрости?

— Непремѣнно такъ, сказалъ Симмій.

— Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ Сократъ, если ты начнешь разсматривать мужество и воздержаніе другихъ людей, то они покажутся тебѣ странными.

— Какъ это, Сократъ?

— Ты знаешь, отвѣчалъ Сократъ, что всѣ другіе считаютъ смерть величайшимъ изъ золъ.

— Совершенно справедливо, отвѣтилъ тотъ.

— Итакъ, мужественные между ними не подвергаются ли смерти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда под-

вергаются, единственно изъ боязни подвергнуться въ противномъ случаѣ бо̀льшему злу?

— Правда.

— Итакъ всѣ другіе, кромѣ философовъ, мужественны, потому что боятся,—мужественны по страху. Но это право что то странное — быть мужественнымъ изъ страха и боязни.

— Какъ нельзя болѣе справедливо.

— Ну, а воздержные между ними,—не происходитъ ли и съ этими того же самого? Не бываютъ ли они воздержны по невоздержанію? Мы говоримъ, что это невозможно, но на самомъ дѣлѣ бываетъ именно нѣчто подобное съ ихъ глупымъ воздержаніемъ. Они отказываютъ себѣ въ однихъ удовольствіяхъ, боясь лишиться другихъ, стремленіе къ которымъ всецѣло ими управляетъ. Они называютъ невоздержаніемъ подчиняться страсти къ удовольствіямъ, а между тѣмъ съ ними происходитъ именно это самое, когда они побѣждаютъ въ себѣ влеченіе къ однимъ удовольствіямъ, всецѣло одолѣваемые жаждой другихъ; такимъ образомъ это дѣйствительно похоже на то, что было сейчасъ сказано,—что они воздержны по невоздержанію.

— Да, это такъ.

— О дорогой мой Симмій, неправиленъ такого рода обмѣнъ тамъ, гдѣ дѣло касается добродѣтели,—мѣнять удовольствія на удовольствія и печали на печали, и опасенія на опасенія, и большее на меньшее, какъ будто бы монету. Истинная монета, на которую все это должно обмѣнивать, это—мудрость: за нее и съ помощію ея покупается и обмѣнивается все, такъ что и мужество, и воздержаніе, и справедливость, или—что-

бы все сказать однимъ словомъ—истинная добродѣтель неразлучна съ мудростью, бываютъ или не бываютъ при этомъ удовольствія, опасенія и все другое подобное. Но если добродѣтель не имѣетъ своею основою мудрости и мѣняетъ одно на другое, то не призрачна ли такая добродѣтель, не рабская ли она по существу, и не лишена ли она въ характерѣ своемъ всего здороваго и истиннаго? Истинное же въ этомъ случаѣ состоитъ въ очищеніи себя отъ всего подобнаго: и воздержаніе, и справедливость, и мужество, и самая мудрость суть не что иное, какъ религіозное очищеніе [35]). Я думаю, что тѣ, которые установили для насъ это таинственное служеніе, не были люди обыкновенные: уже въ древности они хотѣли показать намъ этими загадочными образами, что тотъ, кто сойдетъ въ аидъ, не будучи посвященъ въ таинства и очищенъ, будетъ погруженъ въ тину, а очищенный и посвященный будетъ жить по переселеніи туда вмѣстѣ съ богами. Завѣдывающіе религіозными посвященіями говорятъ: „Много носящихъ ѳирсъ, но мало истинно вдохновенныхъ“ [36]). А эти послѣдніе, по моему мнѣнію, суть именно люди, занимавшіеся надлежащимъ образомъ философіей. Я по возможности ни въ чемъ не отставалъ отъ нихъ въ теченіе жизни, но всѣми силами стремился принадлежать къ числу ихъ. А были ли мои стремленія направлены надлежащимъ образомъ, и успѣлъ ли я въ чемъ нибудь, это мы узнаемъ достовѣрно, пришедши туда, если угодно будетъ богу, въ непродолжительномъ времени, какъ мнѣ кажется. Все это, любезные друзья мои Симмій и Кевисъ, заключилъ Сократъ, я изложилъ въ оправданіе мое

передъ вами, желая показать, что я справедливо не скорблю и не раздражаюсь, покидая и васъ и владыкъ земнаго міра—боговъ. Я надѣюсь встрѣтить и тамъ не менѣе благихъ повелителей и друзей, хотя многіе и не вѣрятъ этому. Если въ этой защитѣ моей передъ вами я говорилъ убѣдительнѣе, чѣмъ передъ моими аѳинскими судьями,—это было бы хорошо.

XIV. Когда Сократъ кончилъ, Кевисъ въ свою очередь обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью.

— Все другое сказанное, любезный Сократъ, мнѣ представляется, сказано хорошо; но мысли, высказанныя тобою о душѣ, встрѣчаютъ у людей большое сомнѣніе: не прекращаетъ ли душа своего существованія вовсе по освобожденіи отъ тѣла, не разрушается ли она и не погибаетъ ли въ тотъ самый день, когда человѣкъ умираетъ? Разлучаясь съ тѣломъ и выходя изъ него какъ будто паръ или дымъ, не разносится ли она въ разныя стороны, исчезая безслѣдно, и не обращается ли такимъ образомъ въ ничто? Если жъ бы она существовала гдѣ нибудь въ самой себѣ и освобожденною отъ золъ, которыя ты сейчасъ изображалъ, то мы имѣли бы большую и прекрасную надежду, Сократъ, что все, что ты говорилъ,—истина. Но это то именно и нуждается во многихъ соображеніяхъ успокоительнаго свойства и въ доказательствахъ, что душа умершаго человѣка продолжаетъ существовать и сохраняетъ силу и мысль.

— Ты говоришь справедливо, любезный Кевисъ, сказалъ Сократъ. Но что же мы теперь будемъ дѣлать? Не хочешь ли начнемъ изслѣдованіе этого вопроса: вѣроятно ли это или нѣтъ?

— Что касается до меня, то я съ удовольствіемъ выслушалъ бы объ этомъ твое мнѣніе, сказалъ Кевисъ.

— По крайней мѣрѣ, я не думаю, отвѣчалъ Сократъ, чтобы кто нибудь, услышавъ меня теперь—хотя бы это даже былъ писатель комедій—упрекнулъ меня въ болтовнѣ, или сказалъ, что я разсуждаю о вещахъ, меня не касающихся. Итакъ, если вы желаете, приступимъ къ изслѣдованію.

XV. — Разсмотримъ этотъ предметъ съ слѣдующей стороны: дѣйствительно ли души умершихъ людей находятся въ аидѣ или нѣтъ? Дошедшее до насъ объ этомъ сказаніе принадлежитъ древности; оно говоритъ, что души людей, уходящихъ отсюда, продолжаютъ существовать тамъ, и возвращаются снова сюда и раждаются изъ умершихъ. А если такъ, если живущіе раждаются снова изъ умершихъ, то какое другое заключеніе можно вывести изъ этого какъ не то, что души умершихъ находятся въ аидѣ? потому что онѣ не могли бы возвращаться въ міръ, если бы перестали существовать. И это само по себѣ служило бы уже доказательствомъ, что души сохраняютъ свое бытіе, если бы дѣйствительно было очевидно, что живущіе раждаются не инымъ какимъ нибудь образомъ, а только изъ умершихъ. Но если этого нѣтъ, тогда нужно искать другихъ доказательствъ.

— Совершенно вѣрно, сказалъ Кевисъ.

— Для того, чтобы лучше изслѣдовать въ этомъ случаѣ истину, продолжалъ Сократъ, не слѣдуетъ разсматривать этого вопроса только по отношенію къ людямъ, но также по отношенію ко всѣмъ вообще животнымъ и растеніямъ, однимъ словомъ — по отношенію

ко всему, въ чемъ только имѣетъ мѣсто рожденіе. Разсмотримъ все вообще: не раждается ли все именно этимъ способомъ, то есть не иначе, какъ противоположное изъ противоположнаго, разумѣется тамъ, гдѣ противоположности существуютъ, какъ напримѣръ прекрасное противоположно безобразному, справедливое несправедливому и точно такъ же другіе безчисленные предметы. Разсмотримъ, составляетъ ли положительную необходимость, чтобы то, что имѣетъ себѣ противоположное, рождалось не иначе какъ изъ соотвѣтственнаго ему противоположнаго: такъ напримѣръ, если что нибудь дѣлается бо̀льшимъ, то не необходимо ли, чтобы оно сначала было меньшимъ, а потомъ уже сдѣлалось бо̀льшимъ?

— Безъ сомнѣнія.

— И если что нибудь дѣлается меньшимъ, не дѣлается ли оно меньшимъ послѣ, а прежде не было ли оно бо̀льшимъ?

— Очевидно такъ, сказалъ Кевисъ.

— Не точно ли такимъ же образомъ образуется слабѣйшее изъ сильнѣйшаго и болѣе быстрое изъ болѣе медленнаго?

— Совершенно вѣрно.

— Что же далѣе? Если что нибудь дѣлается худшимъ, то не становится ли оно такимъ изъ лучшаго, и болѣе справедливое не образуется ли изъ болѣе несправедливаго?

— Да какъ же иначе?

— Итакъ, сказалъ Сократъ, теперь мы достаточно твердо установили, что все раждается именно такимъ образомъ, — противоположное изъ противоположнаго.

— Вполнѣ достаточно.

— Что же еще? Не существуетъ ли между ними—между всѣми противоположностями вообще—того явленія, чтобы двѣ противоположности представляли двоякое образованіе, какъ переходъ отъ одного противоположнаго къ другому и обратно—отъ второго къ первому? Между бо̀льшимъ и меньшимъ не занимаетъ ли середины увеличеніе и уменьшеніе, и не говоримъ ли мы, что въ одномъ случаѣ нѣчто увеличивается, а въ другомъ—уменьшается?

— Да, отвѣчалъ Кевисъ.

— Не точно ли такимъ же образомъ это бываетъ съ раздѣленіемъ и соединеніемъ, охлажденіемъ и нагрѣваніемъ и со всѣми другими явленіями въ томъ же родѣ, даже если мы иногда не имѣемъ названій для нихъ? На дѣлѣ однако это непремѣнно всюду должно имѣть мѣсто, то есть противоположныя явленія образуются одни изъ другихъ и переходятъ одно въ другое посредствующимъ дѣйствіемъ.

— Несомнѣнно такъ, сказалъ Кевисъ.

XVI. — Теперь далѣе, продолжалъ Сократъ, есть ли что нибудь противоположное жизни, какъ напримѣръ сонъ противоположенъ состоянію бодрствованія?

— Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ Кевисъ.

— Что?

— Смерть.

— Не образуются ли эти явленія одно изъ другого вслѣдствіе ихъ противоположности, и не существуетъ ли между ними по причинѣ ихъ двойственности двухъ переходовъ отъ одного къ другому?

— Де какъ же нѣтъ?

— Теперь, продолжалъ Сократъ, я предложу тебѣ вопросъ объ одной четѣ соотвѣтственныхъ противоположностей, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, — о ней самой и объ образованіи одного явленія изъ другого, а ты скажи мнѣ о другой четѣ. Я разумѣю сонъ и бодрствованіе. Я говорю, что изъ явленія сна образуется явленіе бодрствованія, а изъ бодрствованія — сонъ, а способы образованія ихъ будутъ: въ первомъ случаѣ—засыпаніе, а во второмъ—пробужденіе. Ясно ли это для тебя, прибавилъ онъ, или нѣтъ?

— Совершенно ясно.

— Скажи же мнѣ и ты, продолжалъ Сократъ, точно такимъ же образомъ относительно жизни и смерти. Не говоришь ли ты, что смерть составляетъ противоположность жизни?

— Да.

— И что оба эти явленія раждаются одно изъ другаго?

— Да.

— Итакъ, что же раждается изъ живаго?

— Мертвое, сказалъ Кевисъ.

— А изъ мертваго что? спросилъ Сократъ.

— Необходимо признать, что живое, отвѣтилъ Кевисъ.

— Итакъ, любезный Кевисъ, живое равно какъ и живущіе люди раждаются изъ умершихъ.

— Очевидно, отвѣтилъ тотъ.

— Слѣдовательно, наши души, продолжалъ Сократъ, по смерти находятся въ аидѣ.

— Естественно.

— А изъ способовъ образованія этихъ явленій не

есть ли одинъ очевиденъ? Потому что умираніе составляетъ, конечно, нѣчто очевидное. Не такъ ли?

— Какъ нельзя болѣе вѣрно, отвѣчалъ Кевисъ.

— Ну, какъ же мы будемъ теперь разсматривать вопросъ далѣе? продолжалъ Сократъ. Не признаемъ ли мы, что долженъ существовать другой, противоположный, способъ образованія другаго, противоположного явленія, или природа окажется на этотъ разъ хромою? Не составляетъ ли необходимости принять рожденіе, какъ противоположность умиранію?

— Непремѣнно такъ, отвѣтилъ Кевисъ.

— Какое именно?

— Возрожденіе.

— Итакъ, сказалъ Сократъ, если возрожденіе существуетъ, не должно ли оно представлять возврата умершихъ въ міръ живущихъ,—воскресенія?

— Конечно.

— Мы согласились слѣдовательно въ томъ, что живые образуются изъ умершихъ, равно какъ и умершіе изъ живыхъ. А если это такъ, то это мнѣ представляется достаточнымъ доказательствомъ, что души умершихъ должны существовать гдѣ то, откуда онѣ снова возвращаются въ міръ.

— Мнѣ кажется, любезный Сократъ, сказалъ Кевисъ, что на основаніи началъ, которыя мы признали, необходимо должно быть такъ.

XVII. — Обрати однако вниманіе, любезный Кевисъ, продолжалъ Сократъ, что мы не безъ основанія, какъ мнѣ кажется, признали эти начала. Если бы явленія не находились постоянно во взаимномъ соотвѣтствіи и не возникали одни изъ другихъ, совер-

шая какъ будто круговое движенiе, но каждое явленiе переходило только въ противоположное и не обращалось бы снова въ то, чѣмъ было прежде, если бы не происходило этого круговорота: то ты понимаешь, что все окончилось бы тѣмъ, что приняло одинъ и тотъ же видъ, подверглось бы одной и той же участи, и образованiе новыхъ явленiй не могло бы имѣть болѣе мѣста.

— Какъ это? спросилъ Кевисъ.

— Не трудно понять, что я говорю, отвѣчалъ Сократъ. Если бы напримѣръ существовало засыпанiе и не было противоположнаго явленiя — пробужденiя спящаго, то ты понимаешь, что кончилось бы тѣмъ, что разсказъ объ Эндимiонѣ потерялъ бы всякое значенiе [37]), такъ какъ въ этомъ случаѣ все вообще очутилось бы въ такомъ же состоянiи какъ и онъ,—въ состоянiи сна. И если бы все только смѣшивалось и не раздѣлялось, то скоро исполнилось бы, о чемъ говоритъ Анаксагоръ [38]): „Всѣ вещи находились въ смѣшенiи“. Точно такъ же, другъ мой Кевисъ, если бы все причастное жизни только умирало, а умершее оставалось въ этомъ состоянiи, не возрождаясь снова къ жизни, то не представляется ли совершенно необходимымъ, чтобы все наконецъ пришло къ состоянiю смерти и живущаго не осталось бы? Потому что, если бы живое раждалось изъ чего нибудь другаго а не изъ мертваго и продолжало умирать, то какое же средство существовало бы къ тому, чтобы все наконецъ не было поглощено смертью?

— Никакого средства, мнѣ кажется, любезный Сократъ, сказалъ Кевисъ. Ты, представляется мнѣ, говоришь какъ нельзя болѣе справедливо.

— Это, мнѣ представляется, любезный Кевисъ, сказалъ Сократъ, несомнѣнно такъ, и мы не обманываемся, соглашаясь въ этомъ съ тобою; все это на самомъ дѣлѣ существуетъ: и возрожденіе и то, что живые раждаются изъ умершихъ, и то, что души умершихъ продолжаютъ существовать, и то, что участь добрыхъ лучше, а злыхъ—хуже.

XVIII. —Дѣйствительно, любезный Сократъ, началъ, прерывая его, Кевисъ: это совершенно необходимо и на основаніи того, что ты часто высказывалъ въ своихъ бесѣдахъ. Если справедливо, что ученіе есть для насъ не что иное какъ припоминаніе, то и въ силу этого представляется необходимымъ, чтобы мы узнали когда то прежде припоминаемое нами теперь. Припоминаніе было бы очевидно невозможно, если бы наша душа не существовала гдѣ нибудь, прежде чѣмъ воплотилась въ человѣческій образъ. Такимъ образомъ, и въ силу этого основанія душа представляется чѣмъ то безсмертнымъ.

— Но, любезный Кевисъ, сказалъ, прерывая его, Симмій, какія существуютъ на это доказательства? Напомни мнѣ, потому что я ихъ не помню теперь хорошо.

— Я напомню тебѣ, отвѣчалъ Кевисъ, только одно, но въ данномъ случаѣ — самое лучшее. Люди, когда ихъ о чемъ нибудь спрашиваютъ, если вопросъ сдѣланъ хорошо, находятъ въ самихъ себѣ правильные на все отвѣты, чего не могло бы быть, если бы они не обладали врожденнымъ знаніемъ и здравымъ сужденіемъ. Далѣе, если кто нибудь укажетъ имъ на геометрическія фигуры или на что нибудь другое въ этомъ

родѣ, то отсюда откроется какъ нельзя болѣе ясно, что это дѣйствительно такъ.

— Если ты не убѣждаешься этимъ, любезный Симмій, продолжалъ Сократъ, то не согласишься ли ты съ нами, разсматривая этотъ предметъ слѣдующимъ образомъ. Ты сомнѣваешься, что такъ называемое ученіе есть припоминаніе?

— Я не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Симмій, но мнѣ необходимо испытать то самое, о чемъ идетъ рѣчь, то есть припомнить [39]). Я почти уже на основаніи того, что началъ говорить Кевисъ, припоминаю и убѣждаюсь; тѣмъ не менѣе мнѣ желательно было бы теперь слышать снова, какъ будешь доказывать это ты.

— Я доказываю это, сказалъ Сократъ, слѣдующимъ образомъ. Мы конечно всѣ согласны въ томъ, что если кто нибудь что нибудь припоминаетъ, то надобно, чтобы онъ зналъ припоминаемое имъ—когда нибудь прежде.

— Конечно такъ, сказалъ Симмій.

— Не будемъ ли мы согласны также и въ томъ, что если знаніе приходитъ къ намъ этимъ способомъ, то оно есть припоминаніе? Я разумѣю въ данномъ случаѣ вотъ что. Если кто нибудь, послѣ того какъ увидитъ или услышитъ что нибудь или получитъ понятіе объ извѣстномъ предметѣ съ помощію какого нибудь другого чувства, восприметъ представленіе не только этого предмета, но подумаетъ при этомъ и о другомъ предметѣ, котораго познаніе не такое же, а иное,—то не справедливо ли мы говоримъ въ такомъ случаѣ, что человѣкъ этотъ припомнилъ то, о чемъ подумалъ?

— Какъ это?

— А вотъ возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее: познаніе человѣка и лиры конечно различно?

— Да какъ же иначе?

— А развѣ ты не знаешь, что это испытываютъ любовники, увидѣвъ лиру или платье или вообще что бы то ни было, что привыкъ употреблять предметъ ихъ привязанности? Они узнали лиру, и въ мысли ихъ является образъ мальчика, которому эта лира принадлежитъ. Это и есть воспоминаніе. Точно такъ же случалось, я думаю, часто, что кто нибудь, видя Симмія, вспоминалъ Кевиса, и примѣровъ въ этомъ родѣ можно бы привести безчисленное множество.

— Безчисленное множество, клянусь Зевсомъ, отвѣтилъ Симмій.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, не составляетъ ли все подобное воспоминанія, особенно если дѣло касается предметовъ, которые кто нибудь, за давностію времени или оттого что долго не видѣлъ ихъ, забылъ?

— Совершенно вѣрно, отвѣтилъ Симмій.

— Далѣе, продолжалъ Сократъ, можно ли, видя нарисованную лошадь или нарисованную лиру, вспоминать о человѣкѣ, или видя нарисованнаго Симмія, вспоминать Кевиса?

— Безъ сомнѣнія.

— И не точно ли такимъ же образомъ, видя нарисованнаго Симмія, вспоминать самого Симмія?

— Конечно можно.

XIX. — Итакъ, не бываетъ ли въ этомъ случаѣ такимъ образомъ, что воспоминаніе вызывается въ насъ то сходствомъ, то несходствомъ предметовъ?

— Да, это такъ.

— Но когда кто нибудь вспоминаетъ что нибудь по сходству, то не бываетъ ли въ этомъ случаѣ необходимо, чтобы вмѣстѣ съ этимъ являлась мысль и о томъ, — не оказывается ли, что извѣстному предмету чего нибудь недостаетъ для совершеннаго сходства съ тѣмъ предметомъ, о которомъ кто нибудь вспомнилъ, или же недостающаго въ этомъ смыслѣ въ предметѣ нѣтъ?

— Это необходимо должно быть такъ, отвѣчалъ Симмій.

— Разсмотри, продолжалъ Сократъ, не такъ ли будетъ слѣдующее. Говоримъ ли мы, что равенство есть нѣчто? Я не разумѣю равенства одного куска дерева другому, или камня камню, или равенства какихъ бы то ни было другихъ предметовъ, но помимо всего этого я разумѣю нѣчто иное, — я разумѣю равенство въ самомъ себѣ: будемъ ли мы утверждать, что оно есть нѣчто, или же ничто?

— О, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симмій, мы рѣшительно будемъ утверждать, что оно есть нѣчто.

— А знаемъ ли мы, что такое равенство въ самомъ себѣ?

— Конечно, отвѣчалъ Симмій.

— Откуда же мы получили понятіе о немъ? не изъ тѣхъ ли предметовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, — видя напр. равные куски дерева, или камни, или другіе предметы въ этомъ родѣ: не изъ наблюденія ли этихъ предметовъ мы составили понятіе о самомъ равенствѣ, которое есть нѣчто совершенно отличное отъ предметовъ? Потому что, и въ самомъ дѣлѣ,

не представляется ли оно тебѣ отличнымъ? Разсмотри это еще и съ такой стороны: не представляются ли тебѣ равные камни или куски дерева, хотя они иногда остаются тѣми же самыми, то равными, то неравными?

— Конечно такъ.

— Ну, а бываетъ ли когда нибудь, чтобы равное въ самомъ себѣ явилось для тебя неравнымъ, или равенство—неравенствомъ? [40]).

— Рѣшительно никогда, Сократъ.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, равные предметы и равенство—не одно и то же?

— Очевидно, ни подъ какимъ видомъ, Сократъ.

— А между тѣмъ, продолжалъ далѣе Сократъ, не изъ этихъ ли равныхъ предметовъ, отличныхъ отъ самаго равенства, ты образовалъ въ мысли представленіе о равенствѣ?

— Ты говоришь какъ нельзя болѣе справедливо Сократъ, отвѣчалъ Симмій.

— Въ то время когда оно представляло сходство или несходство съ этими предметами?

— Конечно.

— Впрочемъ, это не дѣлаетъ разницы, сказалъ Сократъ, потому что какъ скоро ты, видя извѣстный предметъ, представляешь при видѣ его и другой, сходный или несходный съ нимъ, то это необходимо будетъ воспоминаніе.

— Конечно такъ.

— Ну, а какъ будетъ слѣдующее? продолжалъ Сократъ. Какъ намъ представляются равные куски дерева и вообще равные предметы, о которыхъ мы сей-

часъ говорили: представляются ли они намъ равными, какъ само равенство, или же имъ чего нибудь для этого недостаетъ, такъ что они не одно и то же съ равенствомъ, или же наконецъ недостающаго для этого въ нихъ нѣтъ?

— Имъ многаго для этого недостаетъ, отвѣтилъ Симмій.

— Итакъ мы должны признать, что если кто нибудь, видя извѣстный предметъ, думаетъ: предметъ, который я теперь вижу, стремится быть равнымъ другому, но ему чего то для этого недостаетъ, и онъ не можетъ быть совершенно такимъ же, какъ другой, но отличается отъ него, — мы должны признать, говорю, что тотъ, кто думаетъ такимъ образомъ, долженъ предварительно знать то, вслѣдствіе чего онъ говоритъ, что хотя извѣстный предметъ похожъ на извѣстный другой, но не совершенно ему равенъ.

— Необходимо такъ.

— Ну, такъ какъ же? Не испытываемъ ли того же и мы по отношенію къ равнымъ предметамъ и самому равенству?

— Совершенно такъ.

— Итакъ очевидно необходимо, чтобы мы узнали самое равенство прежде того времени, когда увидѣвъ въ первый разъ равные предметы, пришли къ мысли, что всѣ они стремятся быть такими, какъ само равенство, однако отстаютъ отъ него.

— Конечно такъ.

— Мы должны признать также, что мы не иначе пришли къ этой мысли и не могли притти къ ней иначе, какъ посредствомъ зрѣнія, осязанія или какого-

нибудь другого изъ тѣлесныхъ чувствъ, потому что въ данномъ случаѣ это все равно.

— Это рѣшительно все равно, Сократъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ предмету нашего разсужденія.

— Итакъ необходимо съ помощію чувствъ придти къ той мысли, что все, воспринимаемое подобнымъ образомъ чувствами, стремится къ самому равенству, однако не стоитъ въ уровень съ нимъ. Не такъ ли?

— Такъ.

— Слѣдовательно необходимо, чтобы прежде нежели мы начали видѣть, слышать и вообще воспринимать впечатлѣнія посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ, мы получили гдѣ то понятіе о равенствѣ въ самомъ себѣ, если мы начали возводить къ нему получаемыя нами съ помощію чувствъ впечатлѣнія равныхъ предметовъ и замѣчать, что предметы эти стремятся быть равными какъ само равенство, однако стоятъ ниже его.

— Это необходимо вытекаетъ изъ прежде сказаннаго, любезный Сократъ.

— А не правда ли, что мы тотчасъ по рожденіи видѣли, слышали и пользовались употребленіемъ другихъ чувствъ?

— Совершенно вѣрно.

— Итакъ, говоримъ мы: мы должны были получить понятіе о самомъ равенствѣ прежде этого?

— Да.

— На основаніи этого кажется необходимо, чтобы мы получили понятіе о немъ до нашего рожденія.

— Да, кажется такъ.

XX.—Если же мы, получивъ понятіе о немъ до рожденія, родились съ нимъ, то не очевидно ли, что мы

знали и прежде рожденія и тотчасъ по рожденіи не только равное въ самомъ себѣ, но и большее и меньшее, и все другое въ этомъ родѣ? Потому что у насъ рѣчь идетъ теперь столько же о равномъ въ самомъ себѣ, сколько о прекрасномъ въ самомъ себѣ, о добромъ, справедливомъ и святомъ, словомъ сказать—обо всемъ, что мы опредѣляемъ въ нашихъ бесѣдахъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ,—какъ сущности, существующія въ самихъ себѣ, такъ что очевидно необходимо, чтобы мы получили знаніе всего этого прежде рожденія.

— Конечно такъ.

— И если бы мы, получивъ это знаніе, не забывали его каждый разъ, при новомъ рожденіи, то мы раждались бы знающими и сохраняли бы знаніе всю жизнь, потому что знать есть не что иное, какъ сохранять однажды пріобрѣтенное знаніе и не терять его, а подъ забвеніемъ, другъ Симмій, не разумѣютъ ли потери полученнаго знанія?

— Какъ нельзя болѣе справедливо, любезный Сократъ, отвѣтилъ Симмій.

— Если же мы, какъ я думаю, получивъ знаніе до рожденія и потерявъ его черезъ рожденіе, потомъ при посредствѣ чувствъ, снова пріобрѣтаемъ знанія, которыя имѣли когда то прежде, то не будетъ ли то, что мы называемъ ученіемъ, возобновленіемъ присущаго намъ знанія, и, говоря, что это есть припоминаніе, не выражаемся ли мы правильно?

— Совершенно.

— Потому что мы признали уже возможнымъ, чтобы тотъ, кто воспринимаетъ впечатлѣніе отъ предмета съ помощію зрѣнія и слуха или какого бы то

ни было чувства, представлялъ при этомъ въ мысли и нѣчто другое, что онъ забылъ и съ чѣмъ предметъ, подлежащій его чувствамъ, имѣетъ близость вслѣдствіе сходства или несходства. Такимъ образомъ, какъ я говорю, нужно принять одно изъ двухъ: или мы родимся съ этимъ знаніемъ и сохраняемъ его во всю жизнь, или же тѣ, о которыхъ мы говоримъ, что они учатся, дѣлаютъ впослѣдствіи не что иное, какъ припоминаютъ—и ученіе есть припоминаніе.

— Это непремѣнно должно быть такъ, любезный Сократъ.

XXI. —Что же изъ этого ты примешь, другъ Симмій: то ли, что мы родимся знающими, или же—припоминаемъ впослѣдствіи вещи, знаніемъ которыхъ обладали прежде?

— Въ настоящую минуту, Сократъ, я затрудняюсь выборомъ.

— Но что однако ты изберешь въ слѣдующемъ случаѣ, и какъ ты думаешь объ этомъ? Можетъ ли человѣкъ знающій отдать отчетъ въ томъ, что онъ знаетъ или нѣтъ?

— Это совершенно необходимо, Сократъ, отвѣтилъ Симмій.

— А какъ тебѣ кажется,—всѣ ли способны дать отчетъ относительно того, о чемъ мы сейчасъ говорили?

— Я очень бы этого желалъ, сказалъ Симмій, но я сильно боюсь, что завтра, въ это время, не найдется никого, кто могъ бы это сдѣлать какъ слѣдуетъ.

— Итакъ тебѣ не кажется, любезный Симмій, сказалъ Сократъ, чтобы всѣ это знали?

— Ни подъ какимъ видомъ.

— Итакъ люди припоминаютъ то, что узнали нѣкогда?

— Непремѣнно такъ.

— Когда же наши души получили знаніе всего этого? Потому что очевидно, — не съ того времени, какъ мы родились на свѣтъ, воплотившись въ человѣческій образъ.

— Очевидно нѣтъ.

— Слѣдовательно прежде?

— Да.

— Очевидно слѣдовательно, любезный Симмій, что души наши существовали прежде, чѣмъ воплотились въ человѣческій образъ, существовали безъ тѣлъ и обладали знаніемъ.

— Если однакожъ мы не получаемъ этихъ знаній при самомъ рожденіи, Сократъ, потому что это время еще у насъ остается.

— Допустимъ, любезный другъ, но въ такомъ случаѣ, когда же мы ихъ теряемъ? потому что мы не родимся съ ними, какъ мы сейчасъ признали. Развѣ теряемъ въ то же время, какъ и получаемъ? Или ты можешь указать какое нибудь другое время?

— Рѣшительно нѣтъ, Сократъ. Но я право, незамѣтно для самого себя, сказалъ нѣчто лишенное всякаго значенія.

XXII. — Итакъ, любезный Симмій, продолжалъ Сократъ, дѣло представляется для насъ въ слѣдующемъ видѣ. Если, какъ мы постоянно твердимъ, дѣйствительно существуютъ прекрасное, доброе и всѣ подобнаго рода сущности, и мы возводимъ къ нимъ какъ

къ первообразу все, получаемое нами посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, находя прежде всего эти сущности въ насъ самихъ, если мы приравниваемъ эти послѣднія къ тѣмъ, находящимся внѣ насъ, то необходимо, чтобы точно такъ же, какъ существуютъ эти сущности, существовала наша душа, прежде чѣмъ мы родились! Если же эти сущности не существуютъ, то все настоящее разсужденіе наше теряетъ значеніе. Но не представляется ли дѣйствительнымъ и равно необходимымъ и то, что эти сущности существуютъ, и то что наша душа имѣла бытіе до нашего рожденія, или если нѣтъ одного, то нѣтъ и другого?

— Выше всякой мѣры, Сократъ, сказалъ Симмій, мнѣ представляется это одинаково необходимымъ, и наше разсужденіе приходитъ теперь къ прекрасному заключенію, именно, что душа наша существовала прежде нашего рожденія точно такъ же, какъ и тѣ сущности, о которыхъ ты теперь ведешь рѣчь; потому что для меня нѣтъ ничего очевиднѣе, что все подобное существуетъ какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ образомъ,—прекрасное и доброе и все другое, о чемъ ты сейчасъ говорилъ; для меня дѣло достаточно доказано.

— А какъ для Кевиса? сказалъ Сократъ, потому что нужно убѣдить и Кевиса.

— Я думаю достаточно и для него, сказалъ Симмій, хотя никто изъ людей не упоренъ такъ въ сомнѣніи при разсужденіяхъ. Но я думаю, сказанное тобою достаточно убѣдило и его, что душа наша существовала прежде, чѣмъ мы родились на свѣтъ.

XXIII.—Тѣмъ не менѣе вопросъ: будетъ ли она существовать и послѣ того, когда мы умремъ, и мнѣ,

любезный Сократъ, представляется неразрѣшеннымъ, продолжалъ Симмій. Но мнѣніе по этому предмету большинства людей, которое привелъ сейчасъ Кевисъ, еще сохраняетъ силу, именно—не разсѣевается ли душа умирающаго человѣка и не оканчивается ли этимъ ея бытіе? Потому что и въ самомъ дѣлѣ, что мѣшаетъ ей раждаться, слагаться гдѣ нибудь и существовать, прежде чѣмъ она воплотится въ человѣческое тѣло, а послѣ воплощенія и освобожденія отъ тѣла—умирать и уничтожаться?

— Ты справедливо говоришь, любезный Симмій, сказалъ Кевисъ, потому что мнѣ кажется, мы разрѣшили только половину вопроса, который нужно разрѣшить; мы разрѣшили, что душа наша существовала прежде, чѣмъ мы родились; но чтобы разсужденіе наше достигло цѣли, нужно еще доказать, что она будетъ существовать и послѣ того, когда мы умремъ, точно такъ какъ она существовала прежде, чѣмъ мы родились.

— Но это уже и теперь доказано, друзья мои Симмій и Кевисъ, сказалъ Сократъ, если вы захотите соединить въ одно доказательство, приводимое нами теперь, съ тѣмъ, въ чемъ мы согласились передъ этимъ, — а именно, что все живое родится изъ мертваго. Потому что если справедливо, что наша душа существовала прежде нашего рожденія и если она, отправляясь въ этотъ міръ и раждаясь, должна была родиться не инымъ какимъ нибудь образомъ, какъ изъ смерти и изъ умершаго, то не очевидно ли необходимо, чтобы она продолжала существовать и по смерти, такъ какъ ей необходимо снова родить-

ся? Итакъ то, о чемъ вы теперь говорите, уже доказано.

XXIV.—Тѣмъ не менѣе я думаю, что ты и Симмій охотно углубились бы больше въ предметъ нашего изслѣдованія и что вы боитесь какъ дѣти, чтобы вѣтеръ и въ самомъ дѣлѣ не развѣвалъ и не разносилъ въ разныя стороны душу, выходящую изъ тѣла, особенно если кому случится умирать не при безвѣтріи, а при сильномъ вѣтрѣ.

Кевисъ, засмѣявщись при этомъ, сказалъ:

— Постарайся переубѣдить насъ, любезный Сократъ, какъ будто бы мы въ самомъ дѣлѣ этого боялись, или лучше сказать, представь себѣ, что боимся не мы, а что среди насъ есть дитя, которое боится этого. Постараемся убѣдить и его не бояться смерти, какъ будто бы какого то страшилища.

— Для этого нужно, сказалъ Сократъ, напѣвать ему ежедневно очарованную пѣснь [41]), до тѣхъ поръ пока этими чарами не исцѣлите его отъ его страха.

— Но гдѣ же, любезный Сократъ, замѣтилъ Кевисъ, найдемъ мы чародѣя, способнаго пѣть такія пѣсни, послѣ того какъ ты, прибавилъ онъ, насъ покидаешь?

— Греція велика, другъ Кевисъ, сказалъ Сократъ: въ ней много способныхъ къ этому людей; много также народовъ чужеземныхъ, которыхъ всѣхъ нужно посѣтить для отысканія такого чародѣя и не жалѣть для этого ни денегъ ни трудовъ, такъ какъ нѣтъ ничего, на что бы вы могли употребить лучше ваши деньги. Нужно также искать и среди самихъ себя, потому что можетъ быть вы не легко най-

дете людей, которые могли бы сдѣлать это лучше чѣмъ вы.

— Это непремѣнно такъ будетъ, отвѣчалъ Кевисъ. Но возвратимся къ тому, на чемъ мы остановились, если ты этого желаешь.

— Разумѣется желаю: какъ не желать!

— Прекрасно сказано, сказалъ Кевисъ.

XXV. — Итакъ, началъ Сократъ, намъ нужно задать самимъ себѣ вопросъ: какому классу предметовъ свойственно это испытывать, то есть разсѣеваться; за какiе предметы мы должны бояться, чтобы съ ними этого не случилось, и за какiе нѣтъ? А потомъ нужно разсмотрѣть, къ которому изъ двухъ классовъ относится наша душа, и на основанiи этого имѣть твердую надежду за нее, или же напротивъ опасаться.

— Ты говоришь правильно, сказалъ Кевисъ.

— Итакъ не тому ли, что образовалось черезъ сложенiе, или сложному по природѣ свойственно это претерпѣвать—разлагаться точно такъ же, какъ то или другое сложилось? Если же что нибудь является несложнымъ, то не такому ли, преимущественно передъ всѣмъ другимъ, свойственно не разлагаться?

— Мнѣ кажется это такъ, сказалъ Кевисъ.

— А не представляется ли какъ нельзя болѣе вѣроятнымъ, чтобы то было несложнымъ, что неизмѣнно и находится въ одномъ и томъ же состоянiи, а то что въ разныя времена различно и никогда не остается неизмѣннымъ, было сложно?

— Мнѣ по крайней мѣрѣ это представляется такъ.

— Теперь обратимся, продолжалъ Сократъ, къ тому, о чемъ мы вели рѣчь въ предыдущемъ раз-

сужденіи. Сущность сама въ себѣ, которой мы и въ вопросахъ и въ отвѣтахъ приписываемъ понятіе бытія—всегда ли она остается тою же самой, неизмѣнной, или же бываетъ въ одно время такой, а въ другое—другой? Равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ и каждая сущность сама въ себѣ—подвергаются ли онѣ когда нибудь какому бы то ни было измѣненію? Или же каждая такая, сама въ себѣ существующая сущность, будучи по природѣ простою и равною только самой себѣ, остается всегда тою же самою и неизмѣнной и никогда, ни въ чемъ, ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ никакой перемѣны?

— Эти сущности, любезный Сократъ, отвѣчалъ Кевисъ, необходимо должны оставаться тѣми же самыми и неизмѣнными.

— А какъ бываетъ съ большинствомъ прекрасныхъ предметовъ, какъ напримѣръ съ людьми, лошадьми, одеждами или другими какими бы то ни было подобными предметами, — равными, прекрасными и наконецъ со всѣми вообще, одноименными съ тѣми или другими сущностями? Остаются ли и предметы неизмѣнными или же, въ противоположность сущностямъ, никогда, ни подъ какимъ видомъ не остаются неизмѣнными, ни сами въ себѣ, ни въ отношеніи своемъ одинъ къ другому?

— Съ предметами, отвѣчалъ Кевисъ, бываетъ иначе: они никогда не остаются неизмѣнными.

— Не сообщаешься ли ты съ этими послѣдними чувствомъ осязаніи, зрѣнія и не ощущаешь ли ихъ съ помощію другихъ чувствъ, въ то время какъ неизмѣнныхъ сущностей нѣтъ возможности постигать инымъ

образомъ, какъ только мысленнымъ созерцаніемъ, такъ какъ онѣ невещественны и недоступны для зрѣнія?

XXVI. — Совершенно такъ, — отвѣчалъ Кевисъ: ты говоришь правду.

— Итакъ примемъ, сказалъ Сократъ, если ты на это согласенъ, двѣ сферы въ области бытія—видимое и невидимое.

— Допустимъ, отвѣчалъ Кевисъ.

— Допустишь ли ты также, что невидимое всегда остается неизмѣннымъ, а видимое не бываетъ неизмѣнно никогда?

— Допустимъ и это, сказалъ Кевисъ.

— Теперь, продолжалъ Сократъ, составляетъ ли въ насъ самихъ нѣчто отличное отъ этихъ двухъ сферъ, —съ одной стороны тѣло, а съ другой душа?

— Нѣтъ, не составляетъ, сказалъ Кевисъ.

— Съ которою же изъ этихъ двухъ сферъ, сказали бы мы, болѣе сходно и родственно тѣло?

— Для всякаго очевидно, отвѣчалъ Кевисъ, что со сферою видимаго.

— А душа какъ? Есть ли она нѣчто видимое или же невидимое, невещественное?

— Для людей, по крайней мѣрѣ, она невидима, Сократъ, отвѣчалъ Кевисъ.

— Но мы говорили о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ только для природы людей. Или ты думаешь для чьей нибудь другой?

— Для природы людей.

— Какъ же мы говоримъ о душѣ: видима она или невидима?

— Невидима.

— Слѣдовательно, она невещественна?

— Да.

— Итакъ душа, болѣе нежели тѣло, походитъ на то, что невещественно, а тѣло—на то, что видимо?

— Это какъ нельзя болѣе необходимо, Сократъ.

XXVII. — Не говорили ли мы передъ этимъ и того, что душа, какъ скоро она пользуется помощію тѣла при изслѣдованіи чего нибудь, участіемъ ли въ подобномъ случаѣ зрѣнія, слуха или какого нибудь другого чувства,—потому что изслѣдовать что нибудь съ помощію тѣла, значитъ изслѣдовать что нибудь съ помощію чувствъ,—тогда она увлекается тѣломъ къ тому, что никогда не остается неизмѣнно, начинаетъ перебѣгать отъ предмета къ предмету, приходитъ въ волненіе и кружится какъ опьянѣлая вслѣдствіе того, что она пришла въ соприкосновеніе съ подобными предметами.

— Совершенно такъ.

— Когда же она изслѣдуетъ что нибудь сама черезъ себя, она устремляется къ тому, что чисто и вѣчно и безсмертно и неизмѣнно, и такъ какъ она родственна по природѣ своей со всѣмъ этимъ, то при каждомъ такомъ случаѣ она остается со всѣмъ этимъ до тѣхъ поръ, пока остается сосредоточенною въ самой себѣ и пока это для нея возможно. Тогда она перестаетъ перебѣгать отъ предмета къ предмету, и въ общеніи съ тѣмъ, что всегда неизмѣнно, сама приходитъ въ такое же состояніе, такъ какъ соприкасается съ подобными сущностями. Не такое ли состояніе души называютъ размышленіемъ?

— Ты говоришь, любезный Сократъ, сказалъ Кевисъ, прекрасно и какъ нельзя болѣе вѣрно.

— Итакъ, спрошу опять: съ какою изъ двухъ сферъ бытія на основаніи того, что было говорено прежде и теперь, кажется тебѣ ближе и родственнѣе душа?

— Мнѣ кажется, любезный Сократъ, сказалъ Кевисъ, что каждый, какъ бы онъ ни былъ мало способенъ понимать, согласится на основаніи этого способа изслѣдованія, что душа всецѣло и во всѣхъ отношеніяхъ ближе къ тому, что всегда неизмѣнно, нежели къ разряду измѣняющихся предметовъ.

— А тѣло какъ?

— Тѣло относится къ этому послѣднему классу предметовъ.

XXVIII. — Разсмотри это самое еще слѣдующимъ образомъ. Когда душа и тѣло находятся вмѣстѣ, то тѣлу природа указываетъ повиноваться и находиться подъ управленіемъ, а душѣ начальствовать и повелѣвать [42]). На основаніи этого, что представляется тебѣ подобнымъ божественному и что походитъ на смертное? И не представляется ли тебѣ, что божественное по природѣ должно начальствовать и руководить, а смертное находиться подъ управленіемъ и повиноваться?

— Мнѣ представляется именно такъ.

— Съ чѣмъ же болѣе представляетъ сходства душа?

— Очевидно, любезный Сократъ, что душа походитъ на то, что божественно, а тѣло—на смертное.

— Смотри же, другъ Кевисъ, сказалъ Сократъ, не вытекаетъ ли изъ всѣхъ нашихъ разсужденій, что душа чрезвычайно похожа на то, что божественно, без-

смертно, постижимо только умомъ, просто по существу, неразрушимо, всегда неизмѣнно и равно самому себѣ, а тѣло, въ свою очередь, какъ нельзя болѣе уподобляется тому, что—человѣческое, смертное, невоспринимаемое мысленнымъ созерцаніемъ, сложное, разрушимое и никогда не остающееся неизмѣннымъ и равнымъ самому себѣ. Можемъ ли мы, дорогой мой Кевисъ, привести противъ этого что нибудь въ доказательство, что это не такъ?

— Не можемъ.

XXIX. — Что же далѣе? Если все это такъ, то не прилично ли тѣлу тотчасъ разрушаться, а душѣ напротивъ быть всецѣло неразрушимой, или близко къ этому?

— Да какъ же нѣтъ?

— Ты знаешь однакожъ, продолжалъ Сократъ, что послѣ того когда человѣкъ умретъ, видимая часть его, тѣло, — то, что представляется взору и что мы называемъ трупомъ, чему свойственно разрушаться, распадаться и разсѣеваться, не испытываетъ ничего подобнаго вдругъ, но продолжаетъ существовать довольно долгое время. Если же кто умретъ, сохранивъ красоту тѣла и въ цвѣтущемъ возрастѣ жизни,—тѣло сохраняется очень долго. А тѣло, опавшее и набальзамированное какъ египетскія муміи, избѣгаетъ разрушенія почти въ цѣломъ составѣ невѣроятно продолжительный срокъ. Нѣкоторыя же его части: кости, нервы и все другое подобное, даже когда самое тѣло сгніетъ, остаются, почти можно сказать, безсмертными. Не такъ ли?

— Справедливо.

— А душа, невещественное по природѣ начало, переходя въ міръ, подобно ей прекрасный, чистый и невещественный, который справедливо носитъ поэтому имя міра невидимаго [43]), къ благому и мудрому божеству, куда, если будетъ на это его воля, должна отправиться немедленно и моя душа,—ужели эта душа, будучи такою по своимъ свойствамъ и такой природы, едва только освободится отъ тѣла, тотчасъ разсѣевается и погибаетъ, какъ утверждаетъ большая часть людей? Далеко отъ этого, друзья мои Симмій и Кевисъ: гораздо скорѣе имѣетъ мѣсто слѣдующее. Если душа освобождается чистою, не унося съ собой ничего тѣлеснаго, такъ какъ она ни въ чемъ не сообщалась добровольно съ тѣломъ при жизни, но избѣгала его и сосредоточивалась въ самой себѣ, потому что постоянно объ этомъ заботилась,—а это означаетъ не что иное, какъ то, что она здраво философствовала и самымъ дѣломъ приготовилась спокойно встрѣтить смерть,—или приготовленіе къ смерти состоитъ не въ этомъ?

— Именно въ этомъ.

— Итакъ, не отходитъ ли подобнымъ образомъ настроенная душа къ тому, что сродно по природѣ съ нею самой,—къ невещественному, божественному, безсмертному и разумному? Переселившись туда, она получаетъ въ удѣлъ блаженство, освободившись отъ заблужденій, безразсудства, опасеній, отъ неукротимыхъ пожеланій любви и всѣхъ другихъ человѣческихъ золъ и, какъ передаютъ посвященные въ таинства, дѣйствительно проводитъ вѣчность съ богами. Такъ ли намъ лучше говорить въ этомъ случаѣ, любезный Кевисъ, или иначе?

XXX.—Совершенно такъ, отвѣчалъ Кевисъ, клянусь Зевсомъ.

— Но я думаю также, что если душа оставляетъ тѣло оскверненною и нечистою вслѣдствіе того, что постоянно жила одною съ нимъ жизнію, служила ему и любила его, постоянно очаровываясь имъ,—страстями и удовольствіями до того, что ей ничто уже не представлялось истиннымъ, кромѣ того что тѣлесно, что можно осязать или видѣть, пить, ѣсть или чѣмъ можно пользоваться для удовольствій любви, если она привыкла съ другой стороны ненавидѣть, бояться и избѣгать того, что сокровенно и невидимо для глазъ, что мысленно и пріемлется только философіей,—думаешь ли ты, что душа такъ настроенная, освобождается отъ тѣла заключенною только въ самой себѣ,—чистою?

— Конечно нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ Кевисъ.

— Напротивъ, я думаю, что она бываетъ проникнута насквозь тѣмъ тѣлеснымъ, съ которымъ ее соединило какъ бы въ одно постоянное общеніе и единеніе съ тѣломъ, ея общая съ нимъ жизнь и многочисленныя заботы, которыя она о немъ прилагала.

— Несомнѣнно такъ.

— Эта оболочка души, дорогой другъ, надобно думать, есть нѣчто плотное, тяжелое, земное по природѣ и видимое. Облеченная этою оболочкой и съ такими склонностями душа удручается чувствомъ тягости и стремится снова къ видимому міру, пугаясь невещественнаго и той области, которую называютъ аидомъ. Тогда она начинаетъ блуждать вблизи надгробныхъ памятниковъ и могильныхъ кургановъ, вокругъ кото-

рыхъ дѣйствительно бываютъ иногда видимы мрачныя привидѣнія [44]),—образъ, который представляютъ всѣ подобныя души, не разрѣшившіяся отъ тѣла чистыми, но имѣющія свою часть въ области видимаго, вслѣдствіе чего и бываютъ видимы.

— Это весьма вѣроятно, любезный Сократъ.

— Конечно вѣроятно, любезный Кевисъ, равно какъ и то, что это не суть души людей добрыхъ, но злыхъ, которыя бываютъ принуждены блуждать вокругъ подобныхъ мѣстъ, неся наказаніе за свою прежнюю порочную жизнь. И онѣ блуждаютъ до тѣхъ поръ, пока по присущей имъ склонности къ тѣлесному, которое всюду за ними слѣдуетъ, не заключатся въ какое нибудь тѣло опять.

XXXI.—Естественно, что онѣ соединяются при этомъ съ такими существами, нравы которыхъ были свойственны этимъ душамъ, во время земной ихъ жизни.

— Какія же существа разумѣешь ты подъ этимъ, любезный Сократъ?

— Такъ напримѣръ люди, которые предавались обжорству, разврату и пьянству и не имѣли сдержанности, естественно должны входить въ разныя породы ословъ и подобныхъ животныхъ. Не такъ ли представляется тебѣ?

— То, что ты говоришь, совершенно естественно.

— А люди, которые выказывали особенную наклонность къ разнаго рода несправедливостямъ, тиранствамъ и грабежамъ, переселяются въ волковъ, ястребовъ и коршуновъ. Или мы будемъ утверждать, что такія души отправляются куда нибудь въ другія мѣста?

— Нѣтъ сомнѣнія, отвѣчалъ Кевисъ, что именно въ такія.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, не очевидно ли и относительно остальныхъ, куда каждая душа должна идти по сходству своего прежняго образа жизни?

— Очевидно, отвѣчалъ Кевисъ: какъ же иначе?

— Между ними, продолжалъ Сократъ, не самыя ли счастливыя и не отправляются ли въ самое лучшее мѣсто души, ознаменовавшія себя при жизни добродѣтелью общественной и государственной, которую называютъ воздержаніемъ и справедливостью, и которую онѣ пріобрѣли путемъ навыка и упражненія, безъ помощи философіи и размышленія?

— Въ какомъ же отношеніи эти души самыя счастливыя?

— Потому что онѣ вѣроятно снова войдутъ въ тѣла такихъ же существъ, общительныхъ и мирныхъ, какъ напримѣръ пчелъ, шмелей или муравьевъ, или въ такихъ же точно людей, и тогда отъ нихъ будутъ рождаться люди благоразумные.

— Это вѣроятно.

XXXII. — Войти же въ сонмъ боговъ тому, кто не посвящалъ себя занятіямъ философіей и не отошелъ совершенно чистымъ, невозможно; это доступно только любителю знанія. Вотъ почему, друзья мои Симмій и Кевисъ, истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ пожеланій тѣла, остаются въ этомъ воздержаніи тверды и не предаютъ себя ихъ власти, а вовсе не изъ боязни разоренія и бѣдности, какъ бываетъ съ большею частью людей и людьми любостяжательными, или не изъ боязни подвергнуться поношенію и безславію, какъ

бываютъ воздержны по этимъ причинамъ люди властолюбивые и честолюбивые.

— Подобный образъ дѣйствій, любезный Сократъ, былъ бы недостоинъ философовъ, замѣтилъ Кевисъ.

— Конечно нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ Сократъ. Вотъ по этой-то причинѣ, любезный Кевисъ, продолжалъ онъ, всѣ тѣ, которые заботятся о своей душѣ и живутъ не для того, чтобы служить тѣлу, презираютъ чувственныя пожеланія и не идутъ вслѣдъ за другими, которые сами не знаютъ, куда идутъ. Думая напротивъ, что не должно дѣлать ничего противнаго философіи и тому освобожденію и очищенію, которое она даетъ, они ввѣряются ей, слѣдуя по пути, по которому она ихъ ведетъ.

XXXIII.—Какъ это, Сократъ?

— Я тебѣ скажу, отвѣчалъ Сократъ. Любители мудрости, началъ онъ, знаютъ, что философія, принимая на свое попеченіе ихъ душу, всецѣло связанную съ тѣломъ и прикрѣпленную къ нему, которая принуждена поэтому созерцать бытіе черезъ тѣло какъ будто черезъ стѣны темницы, но не сама черезъ себя, и которая постоянно находится въ силу этого, въ состояніи полнаго незнанія и чувствуетъ крѣпость этой тюрьмы,—крѣпость, которую создаютъ страсти, такъ какъ самъ связанный подобнымъ образомъ всего болѣе является помощникомъ въ дѣлѣ связыванія себя,—любители мудрости, говорю, знаютъ, что философія, принимая на свое попеченіе ихъ душу въ такомъ состояніи, кротко увѣщеваетъ ее и начинаетъ освобождать, показывая ей, что изслѣдованіе чего нибудь съ помощію зрѣнія обманчиво, точно такъ же какъ черезъ

слухъ и другія тѣлесныя чувства, убѣждая ее отрѣшаться отъ нихъ, какъ скоро нѣтъ необходимости пользоваться ими, и предписывая ей собираться и сосредоточиваться въ самой себѣ и не довѣрять ничему кромѣ самой себя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она изслѣдуетъ сама черезъ себя сущности въ самихъ себѣ. Философія убѣждаетъ душу не считать истиннымъ ничего, что душа изслѣдуетъ съ помощію другихъ способовъ и что въ одномъ случаѣ является такимъ, а въ другомъ — другимъ, такъ какъ все подобное воспринимается чувствами и представляетъ собою видимое, а то, что созерцаетъ она, — мысленно и невидимо. Въ силу этого душа истиннаго философа будучи убѣждена, что этому освобожденію не должно противиться, избѣгаетъ, насколько только для нея возможно, всякаго рода удовольствій, пожеланій, печалей и опасеній, принимая при этомъ во вниманіе то, что если кто нибудь предается слишкомъ сильно удовольствіямъ или страхамъ, или печалямъ, или пожеланіямъ, тотъ терпитъ отъ всего этого зло не въ такой степени, какъ бы кто нибудь могъ думать, какое терпитъ напримѣръ человѣкъ, подвергшійся болѣзни или расточившій имущество на удовлетвореніе страстей, но величайшее и крайнее изъ золъ, и притомъ терпитъ, даже не сознавая зла.

— Какое же это зло, Сократъ, спросилъ Кевисъ.

— То, что душа каждаго человѣка, предаваясь сильной радости или печали, необходимо приходитъ при этомъ къ мысли, что то, что приводитъ ее въ такое состояніе, есть нѣчто какъ нельзя болѣе существенное и истинное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно не

таково, потому что это бываютъ большею частью предметы видимые. Не такъ ли?

— Конечно.

— Не при такомъ ли состояніи душа́ попреимуществу связывается тѣломъ?

— Какъ это?

— Всякое удовольствіе и всякая печаль, прикрѣпляетъ душу къ тѣлу и соединяетъ ее съ нимъ, какъ будто гвоздемъ, дѣлая ее нѣкоторымъ образомъ подобною тѣлу, такъ что она начинаетъ считать истиннымъ только то, въ истинности чего ее убѣждаетъ тѣло. Поэтому я думаю, что душа вслѣдствіе того, что она приходитъ въ понятіяхъ своихъ въ согласіе съ тѣломъ и увлекается имъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, пріобрѣтаетъ и свойства тѣла, начинаетъ питаться одною съ нимъ пищею [45]) и навсегда становится неспособною отойти чистою въ область аида, но покидаетъ тѣло, полная тѣлеснымъ, такъ что поэтому скоро снова входитъ въ другое тѣло и укореняется въ немъ какъ будто посѣянная, лишаясь черезъ это общенія съ божественнымъ и чистымъ и неизмѣннымъ.

— Ты говоришь вещи какъ нельзя болѣе истинныя, любезный Сократъ, сказалъ Кевисъ.

XXXIV. — Итакъ, вотъ вслѣдствіе чего, дорогой Кевисъ, истинные любители мудрости воздержны и мужественны, а вовсе не вслѣдствіе тѣхъ причинъ, которыя приводитъ большинство людей. Или и ты также думаешь?

— Нѣтъ, я рѣшительно смотрю на это иначе.

— Конечно, это мнѣніе несправедливо. Душа истин-

наго философа будетъ разсуждать именно такъ и не будетъ думать, что философія должна ее освободить, а когда освобожденіе совершится, то душа можетъ предоставить удовольствіямъ и печалямъ связать себя снова и производить такимъ образомъ безконечную работу, которая представляла бы въ обратномъ смыслѣ работу станка Пенелопы [46]). Напротивъ, душа философа, пріобрѣтая душевный миръ, не возмущаемый удовольствіями или печалями, слѣдуя разуму и никогда съ нимъ не расходясь, созерцая истинное, божественное и неизмѣнное для мысли [47]) и находя въ созерцаніи всего этого для себя пищу, считаетъ, что такъ должно жить, пока она живетъ на землѣ. Когда же она окончитъ земную жизнь, то переселяясь къ тому, что сродно и близко съ нею по природѣ, она освобождается отъ человѣческихъ золъ. Питавшись подобною пищею и проводивъ жизнь въ подобныхъ занятіяхъ, она не боится, друзья мои Симмій и Кевисъ, ничего для нея опаснаго, не боится, чтобы она не разсѣевалась при выходѣ изъ тѣла, не развѣвалась и не разносилась въ разныя стороны вѣтромъ и не обратилась бы такимъ образомъ въ ничто.

XXXV. Когда Сократъ окончилъ эту рѣчь, наступило продолжительпое молчаніе: казалось, онъ весь углубился въ то, что было имъ доселѣ говорено, также какъ и большая часть изъ насъ. Симмій и Кевисъ вступили между собою въ недолгій разговоръ. Замѣтивъ это, Сократъ спросилъ ихъ:

— Какъ вы находите сказанное? вамъ представляется вопросъ недостаточно разсмотрѣннымъ? потому что въ самомъ дѣлѣ еще остается много сомнѣній и

возраженій для того, кто задался цѣлью изслѣдовать все это надлежащимъ образомъ. Итакъ, если вы бесѣдуете между собою о чемъ нибудь другомъ, то я ничего не имѣю сказать; но если вы имѣете еще сомнѣнія по тому же самому предмету, то начинайте немедленно въ свою очередь говорить и разсматривать вопросъ, какъ скоро находите, что объ этомъ можно сказать лучше. Примите соучастникомъ вашихъ бесѣдъ и меня, если надѣетесь, что обсуждая предметъ вмѣстѣ со мною, будете имѣть больше успѣха.

— Я тебѣ скажу всю истину, любезный Сократъ, отвѣчалъ Симмій. Оба мы, давно уже имѣя сомнѣнія, понуждаемъ и просимъ одинъ другого предложить ихъ тебѣ, желая слышать твое мнѣніе, но медлимъ тебя безпокоить, чтобы это не было тебѣ непріятно при твоемъ настоящемъ несчастіи.

Сократъ, услышавъ это, кротко улыбнулся и сказалъ:

— Полно, другъ мой Симмій! Мнѣ въ самомъ дѣлѣ трудно убѣдить другихъ, что я не считаю несчастіемъ настоящей моей участи, если я не могу убѣдить въ этомъ даже васъ. Вы боитесь, чтобы я не чувствовалъ себя теперь въ болѣе тяжеломъ положеніи, нежели это бывало со мною въ прошлой моей жизни. Вы представляете, какъ видно, что я обладаю даромъ предвѣдѣнія будущаго въ меньшей степени, нежели лебеди, которые почувствовавъ, что имъ пришла пора умереть, поютъ [48]) именно тогда самыя прекрасныя свои пѣсни, какихъ никогда не пѣвали прежде, радуясь что они отходятъ къ божеству, кото-

рому служатъ. Но люди, по свойственному имъ страху смерти, клевещутъ на лебедей, говоря что они поютъ съ печали, оплакивая наступленіе смерти. Люди не разсуждаютъ, что ни одна птица не поетъ, когда терпитъ голодъ, холодъ или какое нибудь страданіе,— ни самый соловей, ни ласточка, ни удодъ, о которыхъ говорятъ, что они поютъ жалобныя пѣсни печалясь. Мнѣ же представляется, что и эти птицы поютъ не по причинѣ печали и лебеди. Напротивъ, я думаю, что лебеди, какъ птицы Аполлона [49]), обладаютъ даромъ предвѣдѣнія будущаго, и прозрѣвая блага аида, поютъ и радуются въ послѣдній свой день болѣе, чѣмъ пѣли и радовались прежде. Но я полагаю, что я и самъ сослужитель лебедей въ служеніи тому же богу и посвященъ ему, что я получилъ отъ нашего общаго повелителя даръ предвѣдѣнія будущаго не въ меньшей степени, чѣмъ онѣ, и что я печалюсь, покидая эту жизнь не болѣе, чѣмъ печалятся онѣ [50]). Поэтому вамъ нужно говорить и спрашивать меня, о чемъ хотите спросить, доколѣ это позволяютъ одиннадцать судей аѳинянъ.

— Ты говоришь прекрасно, сказалъ Симмій. Я сообщу тебѣ, что возбуждаетъ сомнѣніе во мнѣ, а потомъ скажетъ и онъ, въ силу чего онъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, что было говорено. Я думаю, любезный Сократъ, обо всѣхъ подобнаго рода предметахъ то же самое что и ты: знать что нибудь въ этомъ случаѣ вполнѣ достовѣрно въ жизни настоящей или невозможно или необыкновенно трудно. Но съ другой стороны, не изслѣдовать всѣми способами того, что о подобныхъ предметахъ говорятъ, и отставать

отъ изслѣдованія прежде, нежели вопросъ будетъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, — это свойственно человѣку крайне малодушному. Въ этомъ случаѣ нужно одно изъ двухъ: или узнать истину отъ другихъ или найти ее самому. Если же то и другое окажется невозможнымъ, то нужно выбрать изъ существующихъ по этому предмету человѣческихъ мнѣній дѣйствительно лучшее и наиболѣе недоступное для опроверженія и, ввѣрившись ему какъ не вполнѣ безопасной ладьѣ, переплывать жизнь, какъ скоро нѣтъ возможности проходить ее болѣе вѣрнымъ и безопаснымъ образомъ,—на болѣе прочномъ кораблѣ или съ помощію какого нибудь божественнаго наставленія. Итакъ я не буду стѣсняться предлагать тебѣ вопросы, потому что и ты этого желаешь, да и я самъ не буду обвинять себя впослѣдствіи, что не высказалъ всего, что мнѣ представляется по этому предмету. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ, любезный Сократъ, и когда я обсуждаю вопросъ самъ съ собою или вдвоемъ съ нимъ, все сказанное доселѣ не представляется еще достаточно убѣдительнымъ.

XXXVI. — Можетъ быть тебѣ представляется это справедливо, любезный другъ, замѣтилъ Сократъ, но скажи, въ чемъ именно находишь ты наши разсужденія недостаточными?

— Въ томъ, отвѣтилъ тотъ, что точно то же самое могъ бы кто нибудь сказать о гармоніи, лирѣ и струнахъ,—что гармонія въ издающей стройные звуки лирѣ есть нѣчто невидимое, безтѣлесное, всецѣло прекрасное и божественное, а самая лира и струны тѣлесны, матеріальны и сложны, принадлежатъ землѣ и

сродны смертному. Итакъ, если бы кто нибудь разломалъ лиру или разсѣкъ на части и порвалъ струны, онъ могъ бы на томъ же основаніи какъ и ты признавать необходимымъ, чтобы самая гармонія продолжала гдѣ нибудь существовать и не погибла, такъ какъ невозможно, чтобы лира съ порванными струнами и струны, представляющія собою смертное, продолжали существовать, а гармонія, присущая и сродная по природѣ божественному и безсмертному, погибла прежде смертнаго. Можно бы утверждать, что гармонія непремѣнно должна гдѣ нибудь сохраняться, и что дерево и струны сгніютъ раньше, нежели потерпитъ что нибудь она. Я думаю, Сократъ, ты и самъ обратилъ вниманіе на то, что мы обыкновенно понимаемъ нашу душу почти слѣдующимъ образомъ: какъ тѣло наше представляетъ взаимодѣйствіе и соединеніе теплаго, холоднаго, сухаго и влажнаго, такъ точно и наша душа есть смѣсь и гармонія тѣхъ же началъ, образующаяся изъ соразмѣрнаго, надлежащаго сочетанія ихъ между собою. Итакъ если душа есть нѣкотораго рода гармонія, то очевидно необходимо, чтобы въ то время, когда тѣло чрезмѣрно ослабляется или напрягается вслѣдствіе болѣзней и другихъ золъ, душа, хотя по природѣ своей всецѣло божественная, погибала немедленно, подобно тому какъ погибаютъ другіе роды гармоніи, выражающейся въ звукахъ и во всѣхъ вообще произведеніяхъ художниковъ, а то, что остается отъ каждаго тѣла, сохранялось бы долгое время, до тѣхъ поръ, пока не будетъ сожжено или сгніетъ. Итакъ обрати вниманіе, Сократъ, что мы можемъ возразить на подобныя

разсужденія, если кто нибудь станетъ утверждать, что душа, будучи соединеніемъ началъ, составляющихъ тѣло, погибаетъ первою въ такъ называемой смерти.

XXXVII. Сократъ, обведши насъ внимательнымъ взглядомъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, и улыбнувшись сказалъ:

— Симмій однако говоритъ дѣло. Итакъ, если кто изъ васъ скорѣе умѣетъ выпутываться изъ подобнаго рода затрудненій чѣмъ я, то почему онъ не отвѣтилъ? Мнѣ кажется, онъ въ самомъ дѣлѣ возразилъ на мое разсужденіе недурно. Впрочемъ, я полагалъ бы, что прежде отвѣта нужно выслушать еще и Кевиса, — что онъ въ свою очередь скажетъ? Этимъ мы выиграемъ время, для того чтобы общими силами лучше обсудить, что̀ мы можемъ отвѣтить на возраженія, а потомъ выслушавъ обоихъ, или согласиться съ ними, если найдемъ, что они смотрятъ на дѣло правильно, или же въ противномъ случаѣ защищать наше мнѣніе. Ну, любезный Кевисъ, продолжалъ онъ, скажи, что̀ возбуждаетъ въ тебѣ сомнѣніе?

— Я тебѣ скажу, отвѣчалъ Кевисъ. Мнѣ кажется, что наше разсужденіе стоитъ на одномъ мѣстѣ, и возраженія, которыя мы привели прежде, еще сохраняютъ силу. Что наша душа существовала прежде, чѣмъ воплотилась въ человѣческій образъ, я не отрицаю, что это доказано прекрасно и - если не будетъ съ нашей стороны нескромностью сказать — вполнѣ удовлетворительно; но что она будетъ существовать и послѣ того, когда мы умремъ,—мнѣ не представляется доказаннымъ съ равной очевидностью. Я не согласенъ съ возраженіемъ Симмія, что душа не есть нѣчто бо-

лѣе сильное или долговѣчное чѣмъ тѣло, потому что она, какъ представляется мнѣ, всѣми подобными качествами далеко превосходитъ тѣло. Такъ что же ты — могъ бы спросить меня разсудокъ — все еще сомнѣваешься, когда самъ видишь, что послѣ того какъ человѣкъ умретъ, слабѣйшая часть его продолжаетъ существовать: какъ же тебѣ не представляется необходимымъ, чтобы болѣе долговѣчное по природѣ также сохранялось въ теченіе этого времени? Обрати однако вниманіе, не покажется ли тебѣ важнымъ то, что̀ я противъ этого скажу. Но, я думаю, что въ данномъ случаѣ и я какъ Симмій, нуждаюсь въ сравненіи. Мнѣ представляется, что все, что мы говоримъ, похоже на то, какъ если бы кто нибудь сталъ разсуждать совершенно такъ же объ умершемъ въ старости ткачѣ, то есть, что онъ не погибъ, а можетъ быть продолжаетъ гдѣ нибудь существовать, и въ доказательство представилъ бы сотканную этимъ ткачомъ и бывшую у него въ употребленіи одежду, выставляя, что одежда цѣла и не погибла, и когда такое разсужденіе нашли бы страннымъ, спросилъ: что долговѣчнѣе — человѣкъ или одежда, которая ему служитъ и которую онъ носитъ, и послѣ отвѣта: что человѣкъ гораздо долговѣчнѣе,— счелъ бы доказаннымъ, что въ силу этого несомнѣнно сохранился невредимымъ самый человѣкъ, такъ какъ то, что имѣетъ менѣе продолжительное существованіе не погибло. Но я думаю, Симмій, что это не такъ; поэтому разсмотри внимательно, что я говорю. Каждый понимаетъ, что тотъ, кто сталъ бы это утверждать, утверждалъ бы нѣчто несообразное. Ткачъ этотъ, соткавшій и износившій много такихъ одеждъ, окончилъ

свое существованіе, переживши ихъ всѣ, и только относительно послѣдней одежды, думаю я, окончилъ существованіе прежде. Тѣмъ не менѣе человѣкъ въ силу этого не представляетъ собою чего нибудь болѣе слабаго или менѣе долговѣчнаго. Я думаю, что это сравненіе хорошо выражаетъ отношеніе души къ тѣлу, и тотъ, кто сказалъ бы это самое о нихъ, сказалъ бы справедливо, что душа есть нѣчто болѣе долговѣчное, а тѣло—болѣе слабое и менѣе долговѣчное. Онъ могъ бы при этомъ сказать, что каждая душа изнашиваетъ много тѣлъ, особенно если долго живетъ на землѣ; потому что если тѣло постоянно разрѣшается и уничтожается еще при жизни человѣка, а душа постоянно возсоздаетъ уничтожаемое, то очевидно что въ то время, когда душа должна умереть, она носитъ свою послѣднюю сотканную ею одежду и относительно одной этой одежды своей оканчиваетъ свое существованіе раньше. А какъ скоро погибаетъ душа, тогда и тѣло тотчасъ выказываетъ свою слабость и уничтожается, быстро согнивая. Итакъ, на основаніи этого разсужденія ни подъ какимъ видомъ нельзя имѣть твердой увѣренности, что душа наша продолжаетъ гдѣ нибудь существовать и послѣ нашей смерти. Если бы кто нибудь согласился даже съ мнѣніемъ человѣка, утверждающаго больше нежели сколько утверждаешь ты, уступивъ ему, что душа наша существовала не только во время, предшествовавшее нашему рожденію, но что ничто не мѣшаетъ душамъ нѣкоторыхъ людей сохраняться и послѣ того, когда мы умремъ, и продолжать существовать далѣе и много разъ воплощаться и разрѣшаться отъ тѣла снова, потому что природа души

до того сильна, что она выдерживаетъ многократныя рожденія,—если бы, говорю, кто нибудь согласился со всѣмъ этимъ: то ни въ какомъ случаѣ не согласился бы съ тѣмъ, что душа не утомляется наконецъ этими многочисленными рожденіями и не погибаетъ въ которой нибудь изъ смертей совершенно. Онъ прибавилъ бы къ этому, что той смерти и того разрушенія тѣла, которое приноситъ съ собой уничтоженіе для души, никто не можетъ чувствовать, такъ какъ чувствовать это кому бы то ни было невозможно. А если такъ, то очевидно, что никому не слѣдуетъ спокойно и съ увѣренностью встрѣчать смерть, потому что увѣренность въ этомъ случаѣ была бы безразсудна, какъ скоро нѣтъ возможности доказать, что душа всецѣло безсмертна и не разрушима. Если же доказать этого нельзя, то очевидно опять, что каждый, для кого наступаетъ смерть, всегда долженъ опасаться за свою душу, чтобы она не погибла при настающемъ для нея разлученіи съ тѣломъ.

XXXVIII. Когда мы выслушали рѣчи обоихъ, у всѣхъ явилось непріятное чувство, какъ мы послѣ сообщали другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, едва только мы твердо убѣдились предыдущими разсужденіями, какъ эти новыя смутили насъ опять и породили въ насъ недовѣріе не только къ тому, что было говорено прежде, но и къ тому, что могло быть сказано по этому предмету далѣе. Мы начали опасаться, что или мы— ничего не стоющіе въ этомъ дѣлѣ судьи, или же самый предметъ можетъ возбуждать одни только сомнѣнія.

Эхекратъ. Клянусь богами, любезный Федонъ, я извиняю васъ въ этомъ; потому что, когда я слушаю тебя

теперь, то и мнѣ приходитъ на мысль сказать самому себѣ: какія же доказательства мы будемъ признавать несомнѣнными, когда доводы совершенно для насъ убѣдительные, которые изложилъ Сократъ, теперь потеряли въ глазахъ нашихъ довѣріе? На меня и теперь, какъ было со мною прежде, производитъ удивительное впечатлѣніе взглядъ, что душа наша есть нѣкотораго рода гармонія. Высказанный теперь онъ только напомнилъ мнѣ, что мнѣ и самому всегда такъ представлялось, и я снова, какъ будто съ самаго начала, сильно нуждаюсь въ новомъ доказательствѣ, которое бы убѣдило меня, что вмѣстѣ съ умирающимъ не умираетъ его душа. Итакъ, ради Зевса, разскажи намъ, какъ Сократъ излагалъ свои доказательства далѣе: былъ ли и онъ замѣтнымъ образомъ пораженъ при этомъ, какъ ты сообщаешь относительно васъ самихъ, непріятнымъ чувствомъ или нѣтъ, и онъ спокойно продолжалъ защищать свое мнѣніе, и доказалъ ли онъ его удовлетворительно или же недостаточно? Разскажи намъ все это, сколько только можешь, точнѣе.

Федонъ. Любезный Эхекратъ, я часто удивлялся Сократу, но никогда болѣе, какъ находившись у него въ этотъ разъ. Что онъ не затруднился отвѣтомъ, тутъ можетъ быть нѣтъ ничего удивительнаго; но я больше всего удивлялся въ немъ при этомъ случаѣ во первыхъ тому, съ какимъ удовольствіемъ, какъ благосклонно и одобрительно онъ выслушалъ рѣчи молодыхъ людей, потомъ, какъ тонко подмѣтилъ впечатлѣніе, произведенное ими на насъ, и наконецъ какъ искусно при этомъ случаѣ намъ помогъ, и насъ какъ будто бы бѣгущихъ и побѣжденныхъ возвра-

тилъ назадъ, ободривъ присоединиться къ нему снова и вмѣстѣ съ нимъ продолжать изслѣдованіе.

Эхекратъ. Какъ же именно?

Федонъ. Я тебѣ разскажу. Я случайно сидѣлъ по правую сторону у его постели, на небольшомъ возвышеніи, а онъ занималъ мѣсто гораздо выше меня. Вотъ, начавъ поводить рукою по моей головѣ и сжимая мнѣ волосы на шеѣ—онъ имѣлъ привычку играть при случаѣ моими волосами — онъ сказалъ:

Завтра, любезный Федонъ, ты быть можетъ обрѣжешь себѣ эти прекрасные волосы [51]).

— Конечно, любезный Сократъ, отвѣтилъ я.

— Ну, нѣтъ, сказалъ Сократъ, если только ты меня послушаешься.

— Что это значитъ? спросилъ я.

— Мы должны сегодня же, отвѣчалъ Сократъ, обрѣзать себѣ,—я свои, а ты вотъ эти волоса, если нашему разсужденію пришелъ конецъ и мы не въ силахъ его болѣе воскресить. Я по крайней мѣрѣ, если бы былъ на твоемъ мѣстѣ и мое доказательство погибло, поклялся бы, какъ дѣлали Аргивяне [52]), не прежде начать растить себѣ волосы, чѣмъ я одолѣю, возобновивъ бой, разсужденіе Симмія и Кевиса.

— Однако, замѣтилъ я, говорятъ, что съ двумя и Геркулесу трудно бороться [53]).

— А ты, сказалъ Сократъ, призови въ качествѣ Іолая [54]) меня, пока не кончился день.

— Ну, въ такомъ случаѣ призову, отвѣтилъ я, не какъ Геркулесъ, а какъ Іолай Геркулеса.

— Это все равно, сказалъ Сократъ.

XXXIX. — Но прежде всего надобно остерегаться, чтобы съ нами не случилось несчастія.

— Какого? спросилъ я.

— Того, чтобы мы не сдѣлались врагами изслѣдованій, какъ нѣкоторые дѣлаются врагами людей, потому что для человѣка нѣтъ большаго зла, какъ возненавидѣть изслѣдованія. Ненависть къ изслѣдованіямъ и ненависть къ людямъ образуются одинаковымъ образомъ. Ненависть къ людямъ проникаетъ въ нашу душу тогда, когда мы слишкомъ кому нибудь довѣряемъ безъ достаточныхъ основаній и, считая извѣстнаго человѣка вполнѣ искреннимъ, безупречнымъ и заслуживающимъ довѣрія, спустя нѣкоторое время находимъ его злымъ и вѣроломнымъ, и точно также потомъ — другаго. Если бы это испыталъ кто нибудь много разъ, особенно по отношенію къ людямъ, которыхъ онъ считалъ наиболѣе близкими и дружески преданными ему, такой человѣкъ, много разъ обманувшись, кончилъ бы тѣмъ, что возненавидѣлъ бы всѣхъ людей вообще и началъ бы считать, что ни въ одномъ человѣкѣ нѣтъ рѣшительно ничего нравственно хорошаго. Не замѣчалъ ли ты, что это происходитъ подобнымъ образомъ?

— Совершенно такъ, отвѣтилъ я.

— Не постыдно ли это, сказалъ Сократъ, и не очевидно ли, что такой человѣкъ входитъ въ общеніе съ людьми, не обладая пониманіемъ того, что̀ относится къ дѣламъ человѣческимъ, потому что, если бы онъ сообщался съ людьми, обладая пониманіемъ этого, онъ видѣлъ бы дѣло такъ, какъ оно есть, то есть, что число людей вполнѣ хорошихъ или дурныхъ, —

то и другое не велико, а люди, занимающіе средину между одними и другими,—многочисленны.

— Какъ это? спросилъ я.

— Точно такъ, отвѣчалъ Сократъ, какъ бываетъ съ очень малыми и большими предметами. Думаешь ли ты, что существуетъ что нибудь болѣе рѣдкое, чѣмъ найти человѣка очень большаго или очень маленькаго, собаку или что нибудь въ этомъ родѣ? Или точно такимъ же образомъ,—быстрое или медленное, прекрасное или безобразное, бѣлое или черное? Не замѣчалъ ли ты, что во всѣхъ подобнаго рода предметахъ крайности рѣдки и ограниченны въ числѣ, а явленія, представляющія средину, часты и многочисленны?

— Конечно, отвѣтилъ я.

— Не будешь ли ты согласенъ и съ тѣмъ, что если бы было предложено состязаніе въ злобѣ, то и здѣсь очень немногіе оказались бы первыми.

— Естественно, отвѣтилъ я.

— Конечно естественно, сказалъ Сократъ, но не въ этомъ изслѣдованія представляютъ сходство съ людьми,—я слѣдовалъ въ моей рѣчи куда ты меня велъ—а въ томъ, если кто нибудь принимаетъ извѣстное разсужденіе за истинное, не обладая способностью разсуждать, а потомъ немного спустя оно покажется ему ложнымъ, хотя бы самое разсужденіе въ одномъ случаѣ было, а въ другомъ не было такимъ, и затѣмъ это разсужденіе представится ему инымъ, а потомъ снова—инымъ. Это попреимуществу бываетъ съ людьми, которые любятъ разсуждать за и противъ извѣстной истины; ты знаешь, что эти люди кончаютъ убѣжденіемъ, что они достигли высшей степени мудро-

сти и одни изъ всѣхъ поняли, что ни въ предметахъ, ни въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего истиннаго и постояннаго, но что все движется впередъ и назадъ, какъ въ Еврипѣ [85]), и не остается ни минуты въ томъ же положеніи.

— Совершенно такъ, отвѣтилъ я; ты говоришь справедливо.

— Такимъ образомъ, не было ли бы печально, любезный Федонъ, если бы кто нибудь, въ то время какъ существуетъ разсужденіе истинное и здравое и понятное для ума, выслушавъ разсужденія такого рода, которыя въ одно время представляются истинными, а въ другое нѣтъ, сталъ бы обвинять не самого себя или свою неумѣлость, а кончилъ бы тѣмъ, что въ досадѣ охотно перенесъ бы вину съ самого себя на разсужденія вообще и въ остальное время жизни ненавидѣлъ бы ихъ и порицалъ, лишивъ себя такимъ образомъ истины и познанія бытія?

— Клянусь Зевесомъ, отвѣтилъ я; это было бы крайне печально.

XL. — Итакъ, сказалъ Сократъ, будемъ остерегаться этого прежде всего, не позволяя входить къ намъ въ душу той мысли, что едва ли разсужденія заключаютъ въ себѣ что нибудь здравое; будемъ лучше смотрѣть на дѣло такъ, что мы сами не находимся въ здоровомъ состояніи: нужно имѣть мужество и заботиться о томъ, чтобы возвратить себѣ здоровье. Тебѣ и другимъ это необходимо ради остальной вашей жизни, а мнѣ—ради смерти, потому что я опасаюсь, что я и самъ, при изслѣдованіи настоящаго вопроса, нахожусь не въ философскомъ настроеніи, а въ такомъ, которое

свойственно чуждымъ знанія любителямъ преній. Извѣстно, что люди этого рода, когда ведутъ о чемъ нибудь споръ, заботятся не объ истинѣ, о которой идетъ рѣчь, а о томъ, чтобы то, что они утверцили, показалось истиной присутствующимъ. И мнѣ кажется, что я въ настоящемъ случаѣ отличаюсь отъ нихъ только тѣмъ, что забочусь не о томъ, чтобы то, что я высказываю въ моихъ разсужденіяхъ, явилось истиной въ глазахъ присутствующихъ,—это для меня вопросъ второстепенный — а о томъ, чтобы все это получило значеніе какъ нельзя болѣе очевидной истины для меня самого. Я веду это разсужденіе, мой дорогой другъ, и посмотри—съ какою выгодою лично для себя. Если то, что я говорю, истина, то въ этомъ хорошо убѣдиться. Если же для человѣка, окончившаго жизнь, ничего болѣе нѣтъ, то въ теченіе времени, которое мнѣ остается еще до смерти, я не буду возбуждать моими сѣтованіями непріятнаго чувства въ присутствующихъ, и незнаніе въ этомъ случаѣ не будетъ для меня продолжительно, потому что это было бы зло, а окончится черезъ небольшой промежутокъ времени. Приготовившись такимъ образомъ, друзья мои Симмій и Кевисъ, сказалъ Сократъ, я приступаю къ изслѣдованію. Вы же, если хотите быть мнѣ послушны, придавайте мало значенія Сократу, а гораздо болѣе истинѣ. Если вамъ покажется, что я говорю справедливо,—согласитесь со мною. Если же вы этого не найдете,—сопротивляйтесь мнѣ всѣми возможными способами, остерегаясь, чтобы я не обманулъ отъ большаго усердія и себя и васъ и не ушелъ потомъ, оставивъ въ васъ подобно пчелѣ свое жало.

XLI.—Однако нужно начинать, сказалъ Сократъ. Но прежде напомните мнѣ то, что вы говорили, если найдете, что я не помню хорошо. Симмій, какъ мнѣ кажется, сомнѣвается и боится, чтобы душа, хотя она есть нѣчто болѣе божественное и прекрасное, чѣмъ тѣло, не погибала прежде его, будучи нѣкотораго рода гармоніей. Кевисъ же, какъ мнѣ показалось, согласился со мною въ томъ, что душа дѣйствительно долговѣчнѣе тѣла, но прибавилъ къ этому, что никому неизвѣстно,— не бываетъ ли такъ, что послѣ того какъ душа износитъ въ многократныхъ рожденіяхъ своихъ много тѣлъ и покинетъ послѣднее, — погибаетъ наконецъ и сама, и это собственно и составляетъ смерть—уничтоженіе души, потому что тѣло находится въ состояніи постояннаго разрушенія. Это ли именно, друзья мои Симмій и Кевисъ, нужно намъ изслѣдовать?

Оба согласились, что это самое.

— А предыдущія наши разсужденія,- спросилъ Сократъ,—отвергаете ли вы ихъ всѣ, или же только нѣкоторыя, а другія нѣтъ?

— Одни, отвѣчали они, принимаемъ а другихъ нѣтъ.

— Какъ же вы смотрите, продолжалъ Сократъ, на то разсужденіе, въ которомъ мы доказывали, что ученіе есть припоминаніе, и если такъ, то необходимо, чтобы наша душа существовала гдѣ нибудь прежде, чѣмъ воплотилась въ тѣло?

— Что касается до меня, сказалъ Кевисъ, то я и тогда удивительно какъ былъ имъ убѣжденъ и теперь держусь его тверже чѣмъ какаго бы то ни было другаго мнѣнія.

— И я также, сказалъ Симмій, и я бы очень удивлялся, если бы это мнѣ когда нибудь представилось иначе.

— Но тебѣ необходимо, мой дорогой ѳиванскій гость, возразилъ Сократъ, думать иначе, если только ты остаешься при томъ мнѣніи, что гармонія представляетъ собою нѣчто сложное, а душа есть нѣкотораго рода гармонія, слагающаяся изъ началъ, образующихъ тѣло; потому что ты конечно не призналъ бы за истину даже своихъ собственныхъ словъ, если бы сказалъ, что гармонія образовалась прежде, чѣмъ явилось то, изъ чего ей нужно образоваться. Или ты это допустишь?

— Ни подъ какимъ видомъ, Сократъ, отвѣтилъ Симмій.

— Но не замѣчаешь ли ты, возразилъ Сократъ, что ты утверждаешь именно это самое, когда говоришь, что душа существовала прежде, чѣмъ воплотилась въ образъ и тѣло человѣка? Очевидно, что она образовалась изъ того, что еще не существовало, потому что и въ самомъ дѣлѣ гармонія не походитъ на то, съ чѣмъ ты ее сравниваешь: лира, струны и звуки, еще не приведенные въ согласованіе, существовали прежде; гармонія же является послѣ всего этого и погибаетъ первою. Какимъ же образомъ это разсужденіе твое будетъ находиться въ гармоніи съ тѣмъ?

— Рѣшительно нѣтъ, сказалъ Симмій.

— А между тѣмъ возразилъ Сократъ, если какое разсужденіе должно заключать въ себѣ гармонію, то конечно прежде всего разсужденіе о гармоніи.

— Совершенно необходимо, сказалъ Симмій.

— Но это разсужденіе, возразилъ Сократъ, не

представляетъ у тебя согласія съ тѣмъ. Теперь смотри: которое изъ двухъ разсужденій ты предпочтешь,— то ли, что ученіе есть припоминаніе, или что душа есть гармонія?

— Гораздо болѣе то, первое, любезный Сократъ, отвѣтилъ Симмій, потому что послѣднее образовалось у меня безъ доказательства, на основаніи вѣроятности и кажущейся стороны дѣла, какъ представляется это же самое и большей части людей. Но я знаю, что разсужденія, которыя основываются на вѣроятностяхъ, шатки, и если ихъ не остерегаться, то они жестоко обманываютъ,—въ геометріи какъ и во всемъ другомъ. А то разсужденіе — о припоминаніи и ученіи утверждено нами на началѣ, которое заслуживаетъ того, чтобы его принять. Потому что тогда было сказано, что душа наша существовала прежде, чѣмъ воплотилась въ человѣческое тѣло, такъ какъ ей принадлежитъ сущность, носящая имя бытія. Я призналъ тогда это мнѣніе за истину, какъ я убѣжденъ, основательно и справедливо. Итакъ въ силу этого мнѣ представляется необходимымъ, чтобы я уже не слушалъ ни самого себя ни другаго, кто сталъ бы говорить, что душа есть гармонія.

XLII. — А что ты скажешь, Симмій, продолжалъ Сократъ, разсматривая предметъ съ слѣдующей стороны. Думаешь ли ты, что гармоніи или какому нибудь другому сочетанію, свойственно находиться въ иномъ состояніи, нежели въ какомъ находятся начала, изъ которыхъ что нибудь сложилось?

— Ни подъ какимъ видомъ.

— И точно также, представляется мнѣ, что нибудь

дѣлать или претерпѣвать отличное отъ того, что дѣлаютъ или претерпѣваютъ начала?

Тотъ согласился что нѣтъ.

— Не должна ли поэтому гармонія не руководить началами, изъ которыхъ она сложилась, а подчиняться имъ.

Онъ былъ того же мнѣнія.

— Итакъ далеко отъ того, чтобы гармонія двигалась или звучала иначе, или представляла вообще какое бы то ни было противорѣчіе съ образующими ее началами?·

— До этого далеко, сказалъ Симмій.

— Что же далѣе? Не является ли всякая вообще гармонія по природѣ своей гармоніей въ той степени, въ какой она приведена въ согласованіе?

— Я этого не понимаю, сказалъ Симмій.

— Не бываетъ ли обыкновенно такъ, что чѣмъ больше, чѣмъ въ высшей степени она приведена въ согласованіе, — если только это можно допустить вообще—тѣмъ болѣе совершенной и высшей она является гармоніей; а чѣмъ меньше и въ низшей степени, тѣмъ менѣе совершенной и въ меньшей степени?

— Совершенно вѣрно.

— А имѣетъ ли это мѣсто относительно души, чтобы одна душа была хоть на самую малость больше и въ высшей степени душою, или наоборотъ—меньше и въ низшей степени душою, чѣмъ другая?

— Ни подъ какимъ видомъ.

— Теперь скажи мнѣ, ради Зевса, продолжалъ Сократъ,—не говорятъ ли объ одной душѣ, что она обладаетъ умомъ и добродѣтелью и что она хороша,

а о другой,—что она отличается глупостью и порочностью и что она зла? И не говорятъ ли въ этомъ случаѣ справедливо?

— Конечно справедливо.

— Ну, а изъ числа людей, принимающихъ душу за гармонію, какъ назоветъ кто нибудь такія присущія душамъ свойства какъ добродѣтель и порокъ? Приметъ ли онъ опять то и другое за какую нибудь другую гармонію и дисгармонію и будетъ говорить, что одна душа – душа добрая—находится въ состояніи гармоніи, и будучи гармоніей по природѣ, носитъ въ себѣ еще другую гармонію, а другая душа—злая—находится въ состояніи дисгармоніи и не носитъ въ себѣ гармоніи?

— Я, по крайней мѣрѣ, не буду такъ говорить, сказалъ Симмій, но очевидно, что именно нѣчто подобное утверждалъ бы тотъ, кто принимаетъ душу за гармонію.

— Но мы уже согласились прежде, сказалъ Сократъ, что ни одна душа не есть въ большей или меньшей степени душа чѣмъ каждая другая, а это есть признаніе того, что ни одна гармонія не есть въ большей или высшей, или напротивъ въ меньшей или низшей степени гармонія, чѣмъ другая, – не правда ли?

— Конечно.

— А не будучи гармоніей въ большей или меньшей степени, гармонія не представляетъ большаго или меньшаго согласованія. Не такъ ли?

— Такъ.

— Не представляя же согласованія въ большей или меньшей степени, можетъ ли гармонія быть гармоніей

въ большей или меньшей степени, или только въ равной?

— Въ равной.

— Итакъ душа—въ силу того, что ни одна душа не есть въ большей или меньшей степени душа, чѣмъ каждая другая—не представляетъ бо̀льшаго или меньшаго согласованія?

— Такъ.

— А если такъ, то душа не можетъ быть причастна дисгармоніи или гармоніи въ большей степени?

— Конечно нѣтъ.

— А въ такомъ случаѣ можетъ ли одна душа быть болѣе порочною или добродѣтельною, нежели другая, если порокъ есть дисгармонія, а добродѣтель – гармонія?

— Ни подъ какимъ видомъ--болѣе.

— По здравому разсужденію, любезный Симмій, правильнѣе будетъ сказать, что ни одна душа не можетъ быть причастна порока, если она есть гармонія, потому что гармонія будучи этимъ всецѣло, то есть гармоніей, никогда не можетъ быть поэтому причастна дисгармоніи.

— Разумѣется нѣтъ.

— А слѣдовательно, и душа—въ силу того, что она есть всецѣло душа—порока.

Какъ это возможно послѣ того, что сказано?

— На основаніи этого разсужденія слѣдовательно всѣ души всѣхъ живыхъ существъ будутъ для насъ одинаково добры, если только въ природѣ всѣхъ душъ заключается одинаково это свойство – быть душами.

— Мнѣ по крайней мѣрѣ представляется такъ, Сократъ, сказалъ Симмій.

— А признаёшь ли ты, что это разсужденіе основательно, и что оно должно придти къ такому выводу, если бы справедливо было положеніе, что душа есть гармонія?

— Ни подъ какимъ видомъ это разсужденіе не представляется мнѣ основательнымъ.

XLIII. — Теперь скажи мнѣ вотъ что, продолжалъ Сократъ: изъ всего, что только есть въ человѣкѣ, можешь ли ты указать что нибудь, что господствовало бы въ немъ кромѣ души, а особенно если это будетъ душа мудрая?

— Я по крайней мѣрѣ не могу.

— Уступаетъ ли душа тѣлеснымъ влеченіямъ, или же противится имъ? Я разумѣю напр. слѣдующее: при ощущеніи жара или жажды душа направляетъ насъ къ тому, чтобы не пить, при ощущеніи голода къ тому чтобы не ѣсть, и въ тысячѣ другихъ случаевъ мы видимъ, что душа противится пожеланіямъ тѣла. Не такъ ли?

— Совершенно справедливо.

— Но не согласились ли мы съ другой стороны въ прежде сказанномъ, что душа, будучи гармоніей, никогда не могла бы звучать иначе, чѣмъ то, что ее напрягаетъ или ослабляетъ или приводитъ въ движеніе, и вообще—какія бы ни происходили измѣненія въ началахъ, которыя ее образуютъ,—она можетъ только повиноваться имъ, но не руководить ими?

— Да, мы въ этомъ согласились, сказалъ Симмій: да какъ же этого и не признать?

— А между тѣмъ что же мы видимъ? Не оказывается ли, что душа дѣйствуетъ совершенно противо-

положнымъ образомъ, управляя началами, изъ которыхъ она, какъ сказалъ бы кто нибудь, сложена, противится имъ почти во всемъ всю жизнь и повелѣваетъ имъ всѣми способами, укрощая однѣ наклонности сурово и болѣзненно — съ помощію гимнастики и медицины, а другія болѣе кротко, угрожая тѣмъ и увѣщевая эти, — желанія, гнѣвъ и страхъ, и бесѣдуя съ ними, какъ что то отличное съ чѣмъ то отличнымъ другимъ? Это самое представляетъ въ Одиссеѣ Гомеръ, гдѣ онъ говоритъ объ Одиссеѣ:

Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
„Сердце, смирись: ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло".

Ужели ты думаешь, что поэтъ написалъ это, считая душу гармоніей и чѣмъ то способнымъ руководиться пожеланіями тѣла, а не руководить ими и повелѣвать, или не представляя души чѣмъ то гораздо болѣе божественнымъ, чтобы ее можно было приравнивать къ гармоніи?

— Клянусь Зевсомъ, любезный Сократъ, мнѣ по крайней мѣрѣ не представляется такъ.

— Итакъ, дорогой другъ мой, намъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ называть душу гармоніей: иначе мы очевидно не будемъ, согласны ни съ Гомеромъ, божественнымъ поэтомъ, ни сами съ собою.

— Это такъ, отвѣчалъ Симмій.

XLIV. — Ну и хорошо, сказалъ Сократъ. Теперь ѳиванская гармонія [56]), какъ кажется, нѣсколько утихла; но какъ, любезный Кевисъ, — какими доводами успокоимъ мы Кадма?

— Ты, я думаю, найдешь, сказалъ Кевисъ, потому что это разсужденіе о гармоніи ты велъ удивительно какъ выше моего ожиданія. Когда Симмій изложилъ то,

въ чемъ онъ сомнѣвался, я съ удивленіемъ представлялъ, чтобы кто нибудь могъ противопоставить что нибудь его разсужденіямъ. Тѣмъ болѣе я былъ пораженъ, что онъ тотчасъ же не могъ выдержать перваго натиска твоей рѣчи. Итакъ я не удивился бы, если бы и разсужденіе Кадма испытало ту же участь.

— О мой добрый другъ, сказалъ Сократъ, не выражайся такъ высокомѣрно, чтобы чья нибудь зависть не уничтожила заранѣе разсужденія, къ которому мы хотимъ приступить [57]). Впрочемъ, предоставимъ это попеченію бога; сами же мы, сошедшись другъ съ другомъ на бой, какъ герои Гомера, изслѣдуемъ,—имѣетъ ли силу твое возраженіе? Сущность того, что ты ищешь разрѣшить, заключается въ слѣдующемъ: ты требуешь доказательствъ на то, что душа наша неразрушима и безсмертна; ты боишься, чтобы философъ, который сохраняетъ твердость духа при наступленіи смерти и думаетъ, что онъ будетъ несравненно блаженнѣе въ другомъ мірѣ, нежели какъ если бы онъ умеръ, проведши иначе земную жизнь, — ты боишься, говорю, чтобы философъ этотъ не питалъ въ этомъ случаѣ безразсудной и напрасной надежды. По твоему мнѣнію показать, что душа есть нѣчто сильное и богоподобное, что она существовала прежде, чѣмъ мы сдѣлались людьми, вовсе не значитъ доказать ея безсмертіе, а только то что она долговѣчна, что она существовала гдѣ то до этого безконечное число лѣтъ, многое знала и дѣлала, но тѣмъ не менѣе не была безсмертна. Ты говоришь, что самый приходъ ея въ человѣческое тѣло составляетъ для нея начало погибели, какъ будто бы нѣкотораго рода болѣзнь, такъ

что она проводитъ земную жизнь, претерпѣвая страданія, а окончивая ее, уничтожается совершенно въ такъ называемой смерти. Ты говоришь, что по отношенію къ опасеніямъ, которыя каждый изъ насъ можетъ въ этомъ случаѣ имѣть, рѣшительно все равно, — входитъ ли она въ тѣло одинъ или много разъ, и что каждый, кто только не безуменъ, долженъ имѣть опасенія, не зная и не имѣя возможности доказать; что она безсмертна. Это, я думаю, любезный Кевисъ, составляетъ приблизительно то, что ты говоришь. Я съ намѣреніемъ повторяю слова твои много разъ для того, чтобы что нибудь не ускользнуло отъ насъ, и ты, по своему желанію, могъ бы что нибудь прибавить или убавить.

А Кевисъ отвѣчалъ:

— Я въ настоящемъ случаѣ не имѣю нужды ни убавлять ни прибавлять ничего: это то самое, что я хочу сказать.

XLV. Сократъ послѣ долгаго молчанія и размышшленія сказалъ:

Ты ищешь разрѣшить, другъ мой Кевисъ, не легкій вопросъ, потому что для этого нужно изслѣдовать причину рожденія и уничтоженія вообще. Итакъ если хочешь, я разскажу тебѣ, какъ было въ этомъ случаѣ со мною, а ты, если что нибудь изъ того, что я скажу, покажется тебѣ годнымъ для твоего собственнаго убѣжденія въ предметѣ изслѣдованія, воспользуешься имъ.

— Само собою разумѣется, отвѣчалъ Кевисъ, что я этого желаю.

— Итакъ выслушай мой разсказъ. Я, любезный

Кевисъ, началъ Сократъ, въ молодости имѣлъ удивительно сильное стремленіе къ той наукѣ, которую называютъ наукой о природѣ. Мнѣ представлялось выше всякаго другаго знанія — знать причины всего существующаго: въ силу чего явленіе образуется, въ силу чего исчезаетъ и въ силу чего существуетъ. Я долго переходилъ отъ одного мнѣнія къ другому, стараясь разрѣшить прежде всего слѣдующее: не бываетъ ли такъ, что послѣ того какъ что нибудь теплое или холодное подвергнется извѣстному разложенію, какъ утверждали нѣкоторые [58]), тогда образуются живыя существа? И не есть ли кровь та сила [59]), помощію которой мы мыслимъ, или воздухъ [60]), или огонь [61]), или же ни одинъ изъ этихъ предметовъ а мозгъ [62]), производитъ въ насъ впечатлѣнія слуха, зрѣнія и обонянія; изъ впечатлѣній образуются потомъ воспоминаніе и представленія, а изъ воспоминанія и представленія, установившихся и утвердившихся въ насъ, образуется знаніе? Потомъ, когда я разсматривалъ преходимость всего этого, равно какъ и перемѣны, происходящія на небѣ и на землѣ я кончилъ тѣмъ, что нашелъ себя неспособнымъ къ такому изслѣдованію болѣе, чѣмъ къ чему бы то ни было другому. Я вслѣдствіе этого способа изслѣдованія такъ ослѣпъ даже относительно того, что прежде зналъ хорошо, какъ по крайней мѣрѣ казалось мнѣ самому и другимъ, что отвыкъ понимать даже то, что до этого времени, какъ я представлялъ, я зналъ, и въ частности — какимъ образомъ растетъ человѣкъ. Прежде я считалъ очевиднымъ для каждаго, что это совершается черезъ посредство пищи и питья. Такъ какъ черезъ

употребленіе пищи плоть прибавляется къ плоти, а къ костямъ кости, и точно также въ той же соразмѣрности ко всѣмъ другимъ частямъ прибавляется то, что каждой изъ нихъ сродно, то черезъ это происходитъ что то, что было сначала немногимъ, становится многимъ, и человѣкъ маленькій дѣлается большимъ. Такъ я тогда объ этомъ думалъ: находишь ли ты это основательнымъ?

— Да, мнѣ представляется такъ, сказалъ Кевисъ.

— Разсмотри также слѣдующее. Я всегда находилъ разумнымъ мнѣніе, что человѣкъ большаго роста, стоящій подлѣ человѣка маленькаго роста, выше послѣдняго головой, и точно такимъ же образомъ одна лошадь — выше другой. Еще очевиднѣе слѣдующее. Десять казалось мнѣ больше восьми по причинѣ присутствія въ первомъ числѣ двухъ лишнихъ единицъ, и все двухлоктевое больше однолоктеваго черезъ то, что первое половиной превосходитъ послѣднее.

— А теперь, спросилъ Кевисъ, какъ ты думаешь объ этомъ?

— Клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Сократъ, я очень далекъ отъ мысли, что я знаю причину котораго нибудь изъ этихъ явленій, — я, который не могу представить, чтобы послѣ того какъ кто нибудь прибавитъ единицу къ единицѣ, — превращалась бы въ два или та единица, къ которой прибавлена другая, или же прибавленная и та, къ которой прибавлено, черезъ прибавленіе ихъ одной къ другой образовали два. Меня удивляетъ, что въ то время какъ каждая единица, одна безъ другой, была единицей и обѣ онѣ не были двумя, послѣ того какъ онѣ приблизились

одна къ другой,—это составило причину, по которой онѣ сдѣлались двумя, то есть поставленіе ихъ одной подлѣ другой. Точно также я не могу увѣрить себя, что если кто нибудь раздѣлитъ единицу надвое, то раздѣленіе опять составляетъ причину образованія двухъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ причина образованія двухъ противоположна первой. Въ первомъ случаѣ это произошло такимъ образомъ, что двѣ единицы были помѣщены одна подлѣ другой и одна прибавлена къ другой, а теперь—черезъ то, что одна единица отдаляется и разъединяется съ другою. Точно такимъ же образомъ я не увѣренъ, что знаю, какъ образуется единица, ни того — чтобы все сказать однимъ словомъ — почему, на основаніи этого способа изслѣдованія, что нибудь раждается, погибаетъ или существуетъ. Я принялъ въ этомъ случаѣ другой способъ изслѣдованія, какой только наугадъ могъ придумать самъ, а этого одобрить никакимъ образомъ не могу.

XLVI.—Когда же я однажды услышалъ, какъ нѣкто читалъ въ книгѣ, написанной, какъ онъ сказалъ, Анаксагоромъ, что умъ есть устроитель и виновникъ всего, я обрадовался этой причинѣ. Мнѣ показалось въ извѣстномъ отношеніи правильнымъ, что виновникъ всего — умъ. И я началъ думать, что если это такъ, то приводящій все въ порядокъ умъ все устрояетъ и помѣщаетъ каждый отдѣльный предметъ такимъ образомъ, чтобы это представляло самое лучшее. Итакъ если бы кто захотѣлъ найти причину, вслѣдствіе которой то или другое раждается, погибаетъ или существуетъ, то надобно опредѣлить относительно каждаго предмета, какъ ему лучше всего существовать

или что претерпѣвать или дѣлать. Такимъ образомъ на основаніи этого начала, человѣку нужно изслѣдовать какъ относительно себя такъ и относительно всего другаго не иное что, какъ самое лучшее и совершенное, при чемъ онъ необходимо узнаетъ и самое худшее, потому что познаніе того и другаго одинаково. Такъ разсуждая, я съ радостію думалъ о томъ, что нашелъ въ Анаксагорѣ учителя, который объяснитъ мнѣ причины всѣхъ вообще явленій согласно моему желанію, который сообщитъ мнѣ сначала, плоская земля или круглая, а сообщивъ это, объяснитъ причину и необходимость того или другаго, возводя ихъ къ началу наилучшаго и показывая, что ей лучше быть именно такою. Сказавши далѣе, что земля находится въ центрѣ міра [63]), покажетъ, что ей лучше находиться въ центрѣ міра; и если бы онъ мнѣ это доказалъ,—я былъ бы готовъ не искать болѣе никакой другой причины. Точно такое же изслѣдованіе я готовъ былъ предпринять относительно солнца, луны и прочихъ свѣтилъ, ихъ взаимной скорости, обращенія и всего вообще происходящаго съ ними,—какимъ образомъ представляется лучшимъ, чтобы каждое изъ нихъ производило или испытывало то, что каждое испытываетъ. Я никогда не думалъ, чтобы этотъ философъ, послѣ того какъ онъ однажды призналъ, что все это устроено умомъ, сталъ бы приводить потомъ какую нибудь другую причину кромѣ той, что имъ лучше быть такъ, какъ они есть. Я думалъ, что такой философъ, объясняя мнѣ причину каждаго отдѣльнаго явленія и всѣхъ вмѣстѣ, долженъ показать то, что составляетъ самое лучшее для

каждаго изъ нихъ и для всѣхъ вообще. Я не отдалъ бы въ этомъ случаѣ моихъ надеждъ за дорогую цѣну, но принявшись со всею ревностью за эти книги, я прочелъ ихъ со всевозможной для меня скоростью, для того чтобы какъ можно скорѣе достичь познанія самаго лучшаго и худшаго.

XLVII.—Но эта чудная надежда, любезный другъ, у меня быстро исчезла. По мѣрѣ того какъ я подвигался въ чтеніи впередъ, я видѣлъ человѣка, который не дѣлалъ никакаго приложенія изъ ума и не къ нему возводилъ причины правильнаго распорядка вещей, а поставлялъ ихъ въ воздухѣ, эѳирѣ, водѣ и многихъ другихъ, также неразумно принятыхъ имъ началахъ. Мнѣ показалось, что съ этимъ философомъ случилось то же самое, какъ если бы кто нибудь сказалъ: все, что Сократъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ, руководясь умомъ. А потомъ, начавши говорить о причинахъ каждаго моего дѣйствія въ частности, сказалъ бы прежде всего, что я сижу здѣсь теперь потому, что тѣло мое состоитъ изъ костей и нервъ, что кости тверды и отдѣлены одна отъ другой суставами, что нервы способны напрягаться и ослабляться, а кости покрыты мясомъ и кожей, которая сдерживаетъ то и другое. Поэтому кости, будучи свободны въ мѣстахъ соединеній, а нервы, имѣя способность ослабляться и напрягаться, даютъ мнѣ теперь возможность сгибать мои члены, и это составляетъ причину, по которой я склонившись сижу здѣсь. Точно такую же несообразность представляло бы, если бы кто нибудь сталъ приводить въ объясненіе того, почему мы въ настоящее время бесѣдуемъ, такія причины, какъ голосъ, воз-

духъ, слухъ и тысячи другихъ подобныхъ, вмѣсто того чтобы указать на настоящія, а именно, что послѣ того какъ аѳиняне сочли за лучшее осудить меня, нашелъ лучшимъ и болѣе справедливымъ и я сидѣть здѣсь въ ожиданіи казни, къ которой они меня присудили. Потому что, клянусь собакою [64]), давно уже эти нервы и кости находились бы, я думаю, подлѣ Мегары или вблизи Беотянъ [65]), перенесенныя туда надеждой на лучшее, если бы я не считалъ болѣе справедливымъ и болѣе прекраснымъ, вмѣсто того чтобы бѣжать и стараться ускользнуть, понести наказаніе, которое опредѣлила мнѣ республика. Итакъ называть подобныя вещи причинами слишкомъ странно. Если бы кто нибудь сказалъ, что не имѣя этого — костей и нервъ и всего вообще, что я имѣю, я не былъ бы въ состояніи дѣлать того; что нахожу нужнымъ, тотъ сказалъ бы истину. Но сказать, что это составляетъ причину, по которой я дѣлаю то, что дѣлаю, что я въ этомъ случаѣ дѣйствую умомъ, а не въ выборѣ наилучшаго, значитъ сказать крайнюю нелѣпость. Это значитъ не быть въ состояніи различать, что иное дѣло —причина, а иное то, безъ чего причина не была бы причиной. Ее то, представляется мнѣ, большая часть людей изслѣдуетъ ощупью какъ бы въ темнотѣ, и называя ее чуждымъ ей именемъ, выдаетъ за причину совершенно другое. Вотъ почему одинъ окружаетъ землю приносящимся съ небесъ вихремъ и дѣлаетъ ее неподвижною, другой подпираетъ основаніе ея воздухомъ какъ будто основаніе какого то широкаго сосуда, но той силы, которая способна расположить все это наилучшимъ образомъ— такъ, какъ все это расположено,—они не ищутъ и не

думаютъ о томъ, что она представляетъ собою нѣчто божественное. Они надѣются найти для всего этого Атланта [66], болѣе сильнаго и безсмертнаго и болѣе способнаго все содержать, но ничуть не представляютъ, что только доброе и справедливое все соединяетъ и поддерживаетъ. Что касается до меня, то я, чтобы узнать эту причину, съ радостью сдѣлался бы чьимъ угодно ученикомъ. И послѣ того какъ мнѣ не удалось исканіе ея и я не могъ ни найти ее самъ, ни узнать отъ другихъ, я предпринялъ вторичное плаваніе—на поиски за этой причиной, и хочешь ли, любезный Кевисъ, сказалъ Сократъ, чтобы я разсказалъ тебѣ объ этомъ?

— Я чрезвычайно этого желаю, отвѣчалъ Кевисъ.

XLVIII.—Послѣ того какъ, началъ Сократъ, я отказался отъ изслѣдованія бытія, я счелъ нужнымъ остерегаться, чтобы не испытать того, что испытываютъ люди, созерцающіе и наблюдающіе солнечное затмѣніе, потому что нѣкоторые портятъ себѣ зрѣніе, если наблюдаютъ образъ свѣтила не въ водѣ или въ чемъ нибудь подобномъ. Нѣчто въ этомъ родѣ изслѣдовалъ и я и боялся, чтобы мое духовное зрѣніе вовсе не померкло, если я буду смотрѣть на предметы глазами или соприкасаться съ ними помощію каждаго другаго изъ тѣлесныхъ чувствъ. Вслѣдствіе этого мнѣ показалось необходимымъ, обратившись къ разумнымъ основаніямъ, въ нихъ искать объясненія истинной сущности бытія. Впрочемъ можетъ быть образъ, который я беру для сравненія, въ данномъ случаѣ не подходитъ, потому что я совершенно не согласенъ съ тѣмъ, что тотъ, кто изслѣдуетъ бытіе съ помощію разумныхъ основаній, лучше излѣдуетъ его въ образахъ.

нежели въ самыхъ предметахъ. Но однако, я устремился по этому пути, и принимая каждый разъ за основаніе начало, которое нахожу наиболѣе твердымъ, я все то, что мнѣ кажется согласнымъ съ этимъ началомъ, признаю за истинное,—будетъ ли дѣло касаться причины или чего бы то ни было, а то что несогласно съ нимъ, не признаю. Но я хочу представить тебѣ яснѣе то, что говорю, потому что, мнѣ представляется, ты этого еще не понимаешь.

— Клянусь Зевсомъ, сказалъ Кевисъ, я не понимаю этого ясно.

XLIX. — Однакожъ, сказалъ Сократъ, я не говорю ничего новаго, а то самое, что не переставалъ говорить постоянно,—прежде какъ и въ предыдущей части разсужденія. Итакъ я снова возвращаюсь къ объясненію той причины, которая составляла предметъ моихъ изслѣдованій. Я снова обращаюсь къ извѣстному уже и съ этого начинаю, принимая за основаніе, что существуетъ нѣчто прекрасное въ самомъ себѣ, доброе, великое и все другое подобное. Если ты мнѣ это уступаешь и соглашаешься, что это существуетъ, то я на основаніи этого надѣюсь показать тебѣ причину, о которой идетъ рѣчь и раскрыть, что душа безсмертна.

— Ты можешь немедленно сдѣлать выводъ, сказалъ Кевисъ, такъ какъ я тебѣ это уступаю.

— Разсмотри, сказалъ Сократъ, слѣдующее: не будешь ли и ты въ этомъ случаѣ такаго же мнѣнія, какъ и я. Мнѣ представляется, что если существуетъ что нибудь прекрасное, помимо прекраснаго въ самомъ себѣ, то оно прекрасно не черезъ что иное, какъ черезъ то, что оно причащается прекраснаго въ самомъ

себѣ, и точно также я разсматриваю все другое. Допускаешь ли ты эту причину?

— Допускаю, отвѣчалъ Кевисъ.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, послѣ этого я уже не понимаю и не могу признавать другихъ причинъ, такихъ утонченныхъ. Но если кто нибудь скажетъ мнѣ, почему что нибудь прекрасно, — будетъ ли оно имѣть прекрасный цвѣтъ, или видъ, или что нибудь подобное, то я уже не желаю искать другихъ причинъ, потому что все другое производитъ только путаницу въ моихъ понятіяхъ, но просто, безыскусственно и можетъ быть даже слишкомъ простодушно держусь той мысли, что извѣстный прекрасный предметъ дѣлаетъ прекраснымъ не что иное какъ присутствіе въ немъ прекраснаго въ самомъ себѣ,—его пріобщеніе красоты послѣдняго, какимъ бы способомъ это ни происходило. Я не утверждаю относительно этого болѣе, но утверждаю, что всѣ прекрасные предметы прекрасны по причинѣ присутствія въ нихъ прекраснаго въ самомъ себѣ. Вотъ, мнѣ кажется, самый вѣрный отвѣтъ, который я могу дать относительно этого и самому себѣ и другому, и держась такого начала, думаю, никогда не ошибусь, но могу отвѣчать съ увѣренностью и себѣ и всякому другому, что прекрасные предметы бываютъ прекрасны черезъ прекрасное въ самомъ себѣ. Не представляется ли такъ и тебѣ?

— Я думаю, что это такъ.

— Точно также большія вещи велики своею величиною, и бòльшія суть бòльшія по той же причинѣ, и меньшія — меньшія по причинѣ присутствія въ нихъ малости.

— Да.

— Итакъ ты уже не согласился бы съ тѣмъ мнѣніемъ, если бы кто нибудь сказалъ, что одинъ человѣкъ выше другаго головою, или меньшій меньше тѣмъ же самымъ, но утверждалъ бы, что ты не можешь говорить въ этомъ случаѣ иначе, какъ такимъ образомъ, что все большее больше — одно относительно другаго—не инымъ чѣмъ, какъ величиною, и по этой причинѣ есть большее, по причинѣ великости, а меньшее—меньше не другимъ чѣмъ, какъ малостью, и по этой причинѣ есть меньшее, — по причинѣ малости. Ты утверждалъ бы такъ, я думаю, опасаясь, чтобы кто нибудь не указалъ тебѣ на слѣдующее противорѣчіе. Если ты скажешь, что какой нибудь человѣкъ больше или меньше другаго головою, то во-первыхъ очевидно, что и большее—больше и меньшее—меньше тѣмъ же самымъ, а во-вторыхъ что человѣкъ большій—больше другаго головою, которая мала. Но это очевидно представляетъ странность, чтобы кто нибудь былъ большимъ черезъ малость. Не опасался ли бы ты такого возраженія?

— Конечно, отвѣчалъ засмѣявшись Кевисъ.

— Точно такимъ же образомъ, продолжалъ Сократъ, не опасался ли бы ты говорить, что десять больше восьми двумя, и что первое число превосходитъ второе именно по этой причинѣ, а не количествомъ и не черезъ количество, и что все имѣющее два локтя превышаетъ однолоктевое половиной, а не величиной? Потому что возраженіе въ этомъ случаѣ остается то же самое.

— Конечно, отвѣчалъ Кевисъ.

— Что же далѣе? Не остерегался ли бы ты говорить, что если единицу прибавить къ единицѣ, то прибавленіе составитъ причину образованія двухъ; или если единицу раздѣлить, то причиной образованія двухъ будетъ раздѣленіе? Не сталъ ли бы ты громко кричать, что ты не знаешь инаго способа образованія каждаго единичнаго бытія, кромѣ причащенія его—сущности, свойственной тому классу явленій, къ которому каждое явленіе принадлежитъ, и что вслѣдствіе этого ты не знаешь иной причины образованія двухъ, кромѣ причащенія чего нибудь природы двойственнаго числа, такъ что то, что должно сдѣлаться двумя, должно причаститься природы двойственности, а то, что должно сдѣлаться единицей,—пріобщиться природы единичности. Не оставилъ ли бы ты въ покоѣ всѣхъ этихъ раздѣленій и прибавленій и другихъ подобныхъ утонченностей, предоставивъ людямъ болѣе ученымъ чѣмъ ты дѣлать подобнаго рода отвѣты, а самъ, боясь по пословицѣ своей собственной тѣни и своего незнанія, не держался ли бы принятаго нами вѣрнаго начала и не отвѣчалъ ли бы постоянно въ такомъ смыслѣ? Если же бы кто нибудь сталъ нападать на самое начало,—не оставилъ ли бы ты этихъ нападокъ безъ вниманія и отвѣта до тѣхъ поръ, пока не разсмотрѣлъ бы всѣхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ этого начала,—согласны ли они, по твоему мнѣнію, или несогласны одно съ другимъ? Когда жъ бы тебѣ нужно было отдать отчетъ въ самомъ началѣ, то не отдалъ ли бы ты его точно такимъ же образомъ, полагая въ основу опять новое начало, лучшее по твоему мнѣнію сравнительно съ прежними, пока наконецъ не

пришелъ бы къ чему нибудь удовлетворительному? И если ты желаешь что нибудь постичь въ области бытія, то ты не будешь смѣшивать начала и вытекающихъ изъ него послѣдствій, подобно тому какъ бываетъ съ любителями преній [67]), потому что у людей этого сорта быть можетъ нѣтъ ни рѣчи ни заботы объ истинѣ, и люди эти подъ вліяніемъ своей мудрости способны смѣшивать все, оставаясь въ то же время довольны сами собою. А ты, если только ты принадлежишь къ философамъ, будешь, думаю я, дѣйствовать такъ, какъ я говорю.

— Ты говоришь вещи какъ нельзя болѣе истинныя, сказали вмѣстѣ Симмій и Кевисъ.

Эхекратъ. Клянусь Зевсомъ, любезный Федонъ, они были въ этомъ случаѣ правы, потому что Сократъ, какъ представляется мнѣ, доказывалъ предметъ удивительно ясно для каждаго, кто сколько нибудь имѣетъ ума.

Федонъ. Совершенно такъ казалось, любезный Эхекратъ, и всѣмъ присутствующимъ.

Эхекратъ. Точно также кажется и намъ, хотя насъ тамъ не было, а мы только слушаемъ теперь твой разсказъ.

L. Но что было говорено послѣ этого, Федонъ?

— Сколько могу припомнить, послѣ того когда съ нимъ согласились и признали, что каждая идея представляетъ собою нѣчто дѣйствительное и что предметы, причащаясь идей, получаютъ отъ нихъ свое имя, Сократъ кажется спросилъ:

— Если ты согласенъ съ тѣмъ, что это дѣйствительно такъ, то не утверждаешь ли ты, говоря, что Симмій больше Сократа и меньше Федона, — не

утверждаешь ли ты, что въ Симміи находится то и другое,—и великость и малость?

— Да, это такъ.

— Итакъ, сказалъ Сократъ, черезъ это ты признаешь то, что Симмій на самомъ дѣлѣ превосходитъ ростомъ Сократа не такимъ образомъ, какъ въ этомъ случаѣ выражаются, такъ какъ Симмій больше не потому, что онъ Симмій, но величиною, которая случайно выпала ему на долю. Точно также онъ выше Сократа не потому, что Сократъ—Сократъ, а потому что Сократу принадлежитъ малость сравнительно съ его великорослостью.

— Это такъ.

— Точно также и Федонъ въ свою очередь превышаетъ Симмія не тѣмъ что онъ Федонъ, но тѣмъ что Федону принадлежитъ великость сравнительно съ малостью Симмія.

— Справедливо.

— Такимъ образомъ Симмій носитъ имя и малаго и большаго, превосходя великостью малость одного и уступая малостью великости другаго. Улыбнувшись при этомъ, Сократъ продолжалъ: я кажется, выражаюсь объ этомъ предметѣ черезчуръ съ большою точностью, но это дѣйствительно такъ, какъ я говорю.

Тотъ согласился.

— Все это я говорю съ тѣмъ, продолжалъ Сократъ, чтобы ты былъ въ этомъ случаѣ одного со мною мнѣнія. Для меня очевидно, что не только великость сама въ себѣ никогда не представляетъ собою великаго и малаго вмѣстѣ, но и великость, принадлежащая намъ, никогда не принимаетъ малости и не можетъ быть

превышаема, но одно изъ двухъ: или великость убѣгаетъ и скрывается, когда къ ней приближается противное ей—малость, или когда придетъ малость, то великость перестаетъ существовать. Но оставаться и, принявъ въ себя малость, стать инымъ противъ того, чѣмъ она была, — она не можетъ. Такимъ образомъ, какъ скоро я получилъ малость, пока я остаюсь тѣмъ же, — остаюсь малымъ. Великость же не допускаетъ того, чтобы, представляя собою великое, быть въ то же время и малостью. Равнымъ образомъ и заключающееся въ насъ малое никогда не терпитъ того, чтобы сдѣлаться и быть великимъ, и вообще ничто изъ противоположныхъ, доколѣ только то или другое остается самимъ собою, не можетъ сдѣлаться и быть противоположнымъ самому себѣ, но встрѣчая противное себѣ, или удаляется или погибаетъ.

— Мнѣ рѣшительно представляется такъ, сказалъ Кевисъ.

LI. Кто то изъ присутствующихъ — не помню хорошо, кто именно,—выслушавъ это, сказалъ:

— Боги благіе, не согласились ли мы въ предыдущихъ разсужденіяхъ въ томъ, что совершенно противно высказываемому теперь, именно что большее рождается изъ меньшаго и меньшее изъ бо̀льшаго, и что вообще для противоположныхъ существуетъ именно этотъ способъ образованія, — изъ противоположныхъ же, а теперь, какъ мнѣ кажется, рѣчь ведется въ томъ смыслѣ, что этого никогда не можетъ быть.

Сократъ, склонивъ голову и выслушавъ эту рѣчь, сказалъ:

— Ты кстати [68]) вспомнилъ объ этомъ. Тѣмъ не

менѣе, ты не понимаешь различія между тѣмъ, что говорится теперь и что было говорено тогда. Тогда было говорено, что противоположныя родятся изъ противоположныхъ; а теперь мы говоримъ, что противоположное никогда не можетъ сдѣлаться противоположнымъ самому себѣ,—ни то, которое заключается въ насъ, ни противоположное въ природѣ. Тогда, любезный другъ, мы говорили о вещахъ, которыя имѣютъ себѣ противоположныя, называя ихъ именами, заимствованными отъ этихъ противоположныхъ; а теперь мы говоримъ о сущностяхъ, которыя, присутствуя въ вещахъ, сообщаютъ имъ свое имя; потому что о вещахъ этого рода мы никогда не скажемъ, что онѣ получаютъ бытіе одна отъ другой. При этомъ, взглянувши на Кевиса, Сократъ сказалъ: а тебя, любезный Кевисъ, не смутило что нибудь изъ того, что онъ сказалъ?

— Нѣтъ, теперь я уже не въ такомъ настроеніи духа, отвѣчалъ Кевисъ, хотя впрочемъ не говорю, чтобы не оставалось еще многаго, что приводитъ меня въ сомнѣніе.

— Однако, мы признали рѣшительно, сказалъ Сократъ, что противоположное никогда не сдѣлается противоположнымъ самому себѣ.

— Совершенно справедливо, сказалъ Кевисъ.

LII.—Разсмотри также и слѣдующее, сказалъ Сократъ: не согласишься ли ты со мною? Называешь ли ты что нибудь теплымъ и холоднымъ?

— Да.

— Разумѣешь ли подъ этимъ то же самое, что мы называемъ снѣгомъ и огнемъ?

— О нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

— Итакъ теплота есть нѣчто иное чѣмъ огонь, а холодъ иное, чѣмъ снѣгъ?

— Да.

— А это, я думаю, ты также признаѐшь, что снѣгъ, будучи снѣгомъ, никогда не приметъ теплоты, какъ мы говорили въ предыдущихъ разсужденіяхъ, и оставаясь тѣмъ, что онъ есть—снѣгомъ, не сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ теплымъ; но какъ скоро приблизится къ нему теплота, то онъ или удаляется или погибаетъ.

— Конечно.

— Точно также въ свою очередь и огонь, какъ скоро къ нему приближается что нибудь холодное, или удаляется или погибаетъ, но никогда не можетъ, принявши въ себя холодъ, оставаться и тѣмъ, чѣмъ онъ былъ—огнемъ и холоднымъ.

— Ты говоришь справедливо, сказалъ Кевисъ.

— Итакъ, продолжалъ Сократъ, съ нѣкоторыми вещами этого рода бываетъ такъ, что не только самая идея всегда удерживаетъ то же самое имя, но его удерживаетъ также и нѣчто другое, что, не будучи самой идеей, представляетъ нѣкоторый видъ ея, доколѣ эти вещи остаются. Впрочемъ то, что я говорю, можетъ быть будетъ яснѣе изъ слѣдующаго. Всегда ли нечетъ будетъ имѣть то имя, которое мы ему усвояемъ или нѣтъ?

— Конечно.

— Только ли онъ одинъ изъ всего—потому что я спрашиваю именно объ этомъ—или и нѣчто другое, что хотя не представляетъ того же самаго что нечетъ, однакожъ его вмѣстѣ съ его собственнымъ слѣдуетъ

называть и именемъ нечета, такъ какъ оно по природѣ своей никогда не отдѣляется отъ нечета. Я говорю о томъ, какъ бываетъ напр., съ тройственнымъ числомъ и со многимъ другимъ. Разсмотри внимательно то, что относится къ тройственному числу. Не находишь ли ты, что его слѣдуетъ называть и его собственнымъ именемъ и именемъ нечета, а между тѣмъ нечетъ не одно съ тройственнымъ числомъ. Таковы по природѣ своей числа три, пять и всякое другое непарное, такъ что, не составляя одного и того же съ нечетомъ, каждое изъ нихъ всегда будетъ нечетъ. Точно также два, четыре и всякое другое парное число, хотя и не одно и то же съ четомъ, однако каждое изъ нихъ всегда будетъ четъ. Согласенъ или нѣтъ?

— Да какъ же съ этимъ не согласиться? сказалъ Кевисъ.

— Разсмотри внимательно, продолжалъ Сократъ,— что я собственно хочу показать. Это именно то, что не только взаимно противоположныя идеи не принимаютъ одна другой, но и всѣ вообще предметы, которые, не будучи прямо противоположны между собою, всегда однакожъ имѣютъ противоположныя себѣ; и эти предметы не могутъ принимать идеи противоположной той, которая заключена въ нихъ самихъ, но когда эта идея къ нимъ приближается, то они или погибаютъ или удаляются. Не скажемъ ли мы, что число три погибнетъ или испытаетъ что угодно другое, прежде нежели сдѣлается четнымъ числомъ, оставаясь въ то же время тремя?

— Очевидно такъ, отвѣчалъ Кевисъ.

— А между тѣмъ, сказалъ Сократъ, два не составляютъ противоположности тремъ.

— Конечно нѣтъ.

— Итакъ, не только прямо противоположныя идеи не принимаютъ одна другой, когда одна къ другой приближаются, но и нѣчто другое не выдерживаетъ приближенія себѣ противоположнаго.

— Ты говоришь вещи, какъ нельзя болѣе истинныя, сказалъ Кевисъ.

LIII. — Теперь, хочешь ли, продолжалъ Сократъ, мы опредѣлимъ, если только въ состояніи будемъ это сдѣлать, какія это противоположныя?

— Хорошо.

— Не будутъ ли это, любезный Кевисъ, именно тѣ, которыя въ чемъ бы ни проявились, заставляютъ предметъ удерживать не только его собственную идею, но и носить въ себѣ идею чего нибудь противоположнаго другому? [69])

— Какъ это?

— Такъ, какъ мы сейчасъ говорили. Ты, конечно, знаешь, что то, въ чемъ проявится идея тройственнаго числа, должно быть не только тремя но и нечетомъ?

— Разумѣется.

— Къ такому предмету, говоримъ мы, идея противоположная той, которая образуетъ его, никогда не приблизится?

— Нѣтъ.

— А его образуетъ идея нечета?

— Да.

— И этой идеѣ противоположна идея чета?

— Да.

— Итакъ идея чета никогда не войдетъ въ число три?

— Конечно нѣтъ.

— Итакъ число три непричастно идеѣ чета?

— Непричастно.

— Слѣдовательно, оно нечетное?

— Да.

— Вотъ это самое я предлагалъ опредѣлить, а именно: какіе предметы, не будучи противоположны чему нибудь другому, не принимаютъ однако этого другаго, какъ напр., въ настоящемъ случаѣ число три, не будучи противоположно четному числу, тѣмъ не менѣе не принимаетъ его, потому что оно всегда приводитъ противоположное ему,—нечетъ, точно такъ какъ два приводитъ противоположность къ нечету, огонь—къ холодному и очень многое другое подобнымъ же образомъ. И такъ смотри, — не опредѣляешь ли ты этого такимъ образомъ, что не только само противоположное не принимаетъ своего противоположнаго, но и то, что приводитъ съ собой нѣчто противное тому, къ чему приходитъ, не принимаетъ ничего противнаго тому, что оно съ собой приводитъ. Остановись на этомъ еще разъ, потому что слышать много разъ одно и то же—недурно: пять никогда не приметъ идеи чета, или десять—удвоенное число пяти—идеи нечета. Это послѣднее, хотя нечетъ не составляетъ ему противоположнаго, не приметъ идеи нечета. Равнымъ образомъ полуторное число и всѣ другія того же рода, какъ напр. половина не приметъ идеи цѣлаго, точно такъ же какъ треть и всѣ другія подобныя, если

ты раздѣляешь въ этомъ случаѣ мое мнѣніе и согласенъ, что это такъ.

— Я совершенно согласенъ съ тобою и раздѣляю твое мнѣніе.

LIV. — Теперь отвѣчай мнѣ, сказалъ Сократъ, съ самаго начала, — и отвѣчай не тѣми словами, которыя заключаются въ вопросѣ, а другими, подражая мнѣ. Я предлагаю это, находя, кромѣ того безошибочнаго способа дѣлать отвѣты, который имѣлъ мѣсто прежде, еще и другой вѣрный способъ съ помощію того, что говорилось теперь. Если бы ты напр. спросилъ меня: присутствіе чего въ тѣлѣ дѣлаетъ его теплымъ, то я не далъ бы тебѣ вѣрнаго, но слишкомъ уже простаго отвѣта, что тѣло бываетъ теплымъ черезъ теплоту, но на основаніи сказаннаго теперь сдѣлалъ бы болѣе утонченный отвѣтъ, — что это бываетъ черезъ огонь. Если ты спросишь меня, — какое начало присутствуя въ тѣлѣ, подвергаетъ его болѣзни, я не отвѣчу, что это начало — болѣзнь, а горячка. Равнымъ образомъ на вопросъ: присутствіе чего въ числѣ дѣлаетъ его нечетнымъ, не скажу — присутствіе нечета, а единицы и такъ во всемъ другомъ. Смотри же, достаточно ли ты понялъ, чего я хочу.

— Совершенно, отвѣчалъ Кевисъ.

— Отвѣчай же мнѣ, продолжалъ Сократъ, присутствіе чего въ тѣлѣ дѣлаетъ его живымъ?

— Присутствіе души, отвѣтилъ тотъ.

— Всегда ли это такъ бываетъ?

— Да какъ же иначе? сказалъ Кевисъ.

— Итакъ душа, во что бы она ни вошла, всегда приноситъ съ собою жизнь тому, къ чему приходитъ?

— Да, она приноситъ съ собою жизнь, отвѣчалъ Кевисъ.

— А есть ли что нибудь противоположное жизни или нѣтъ?

— Есть, отвѣтилъ Кевисъ.

— Что?

— Смерть.

— Итакъ душа никогда не приметъ противоположнаго тому, что она всегда съ собой приноситъ, какъ мы согласились въ предыдущихъ разсужденіяхъ.

— Конечно, ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ Кевисъ.

LV.—Теперь далѣе, продолжалъ Сократъ: какъ мы называемъ то, что не принимаетъ идеи четнаго числа?

— Нечетнымъ, отвѣчалъ Кевисъ.

— А то, что не принимаетъ идеи справедливаго или музыкальнаго?

— Одно мы называемъ немузыкальнымъ [70]), а другое—несправедливымъ, отвѣчалъ Кевисъ.

— Такъ. А то, что не принимаетъ смерти,—какъ мы называемъ?

— Безсмертнымъ, отвѣчалъ Кевисъ.

— Но душа не принимаетъ смерти?

— Нѣтъ.

— Слѣдовательно, она безсмертна.

— Безсмертна.

— Хорошо, сказалъ Сократъ. Можемъ ли мы теперь сказать, что это доказано? Или какъ тебѣ кажется?

— Доказано вполнѣ удовлетворительно, любезный Сократъ.

— Ну, такъ какъ же, Кевисъ? продолжалъ Со-

кратъ. Если бы для нечетнаго числа существовала необходимость, чтобы оно было негибнущимъ, то не было ли бы точно такимъ же и три?

— Да какъ же иначе?

— И если бы существовала необходимость, чтобы было негибнущимъ все лишенное теплоты, то какъ скоро кто нибудь приблизилъ бы къ снѣгу теплое, не удалялся ли бы снѣгъ цѣлымъ и нераспустившимся? потому что онъ не уничтожился бы, а равно и оставаясь самимъ собою, не принялъ бы въ себя теплоты.

— Ты говоришь справедливо, сказалъ Кевисъ.

— Точно также, я полагаю, если бы все непринимающее холода было негибнущимъ, то какъ скоро что нибудь холодное приблизилось бы къ огню, онъ не погасалъ бы и не уничтожался, но удалялся, отходя невредимымъ.

— Это необходимо, сказалъ Кевисъ.

— А въ такомъ случаѣ, не такъ же ли необходимо сказать это самое и о безсмертномъ? Если безсмертное есть вмѣстѣ съ тѣмъ негибнущее, то невозможно чтобы душа погибала, когда къ ней приблизится смерть; потому что душа, на основаніи сказаннаго, никогда не приметъ смерти и не сдѣлается мертвою, точно такъ — о чемъ мы сейчасъ говорили — какъ число три или нечетъ не сдѣлаются четнымъ, или огонь или заключенная въ огнѣ теплота не сдѣлаются холодными. Но что мѣшаетъ, могъ бы возразить кто нибудь, чтобы нечетное число, не дѣлаясь четнымъ при приближеніи къ нему четнаго, какъ мы въ этомъ согласились, тѣмъ не менѣе не погибало бы черезъ это приближеніе, а его мѣсто не заступало бы четное? Если

бы кто нибудь сталъ это утверждать, то мы не могли бы спорить съ нимъ, что нечетное число не погибло, такъ какъ оно не есть нѣчто негибнущее; но если бъ мы признали его такимъ, то намъ уже легко было бы спорить въ защиту того мнѣнія, что нечетъ и три, при приближеніи къ нимъ четнаго числа, удаляются, и точно также мы могли бы говорить объ огнѣ, о тепломъ и обо всемъ вообще. Не такъ ли?

— Конечно.

— А слѣдовательно точно такимъ же образомъ въ настоящемъ случаѣ и о безсмертномъ. Если мы признаемъ, что все безсмертное есть вмѣстѣ и негибнущее, то очевидно, что душа при безсмертіи будетъ также негибнущею, а если мы этого не признаемъ, то нужно искать другихъ доказательствъ.

— Но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, сказалъ Кевисъ, потому что едва ли что нибудь можетъ быть неразрушимо, если безсмертное и вѣчное способно подвергаться разрушенію.

LVI. — По крайней мѣрѣ, сказалъ Сократъ, я думаю, что Богъ, идея жизни и — если есть еще что нибудь безсмертное — все это никогда не погибаетъ, какъ это признаютъ всѣ.

— Клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Кевисъ, это признаютъ всѣ люди и еще болѣе, какъ я думаю, боги.

— А такъ какъ безсмертное вмѣстѣ съ тѣмъ неразрушимо, то можетъ ли душа, будучи безсмертною, не быть при этомъ и неразрушимою?

-- Это совершенно необходимо.

— Итакъ когда къ человѣку приходитъ смерть, тогда то, что въ немъ есть смертнаго, естественно

умираетъ, а безсмертное отходитъ цѣлымъ и невредимымъ, уступая мѣсто смерти.

— Очевидно.

— Итакъ, Кевисъ, сказалъ Сократъ, душа преимущественно передъ всѣмъ другимъ безсмертна и неразрушима, и наши души дѣйствительно будутъ существовать въ аидѣ.

— Я, любезный Сократъ, отвѣчалъ Кевисъ, ничего не могу къ этому прибавить, равно какъ не могу не соглашаться почему бы то ни было съ твоими разсужденіями, но если Симмій или кто нибудь другой имѣютъ что нибудь по этому поводу сказать, то было бы хорошо не молчать объ этомъ теперь, потому что я не знаю, на какое другое время кромѣ настоящаго можно бы перенести то, что кто нибудь хочетъ сказать или услышать объ этомъ предметѣ.

— Но я съ своей стороны, сказалъ Симмій, точно такъ же не имѣю основаній не соглашаться послѣ всего сказаннаго. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе величіе предмета, о которомъ идетъ рѣчь, равно какъ и сознавая человѣческую слабость, я вынужденъ невольно хранить нѣкоторое недовѣріе къ разсужденіямъ, которыя мы вели.

Не только относительно этого, любезный Симмій, ты замѣтилъ справедливо, но и первыя основанія, какъ бы они ни казались намъ вѣрными, нужно изслѣдовать болѣе тщательнымъ образомъ, и когда вы достаточно ихъ изслѣдуете, тогда будете держаться нашего разсужденія объ этомъ настолько твердо, насколько только человѣку возможно понимать подобныя вещи,

и если это сдѣлается для васъ ясно,—вы не будете уже ничего далѣе искать.

— Ты говоришь истину, сказалъ Кевисъ.

LVII. — Итакъ, друзья мои, нужно подумать о томъ, что если душа безсмертна, то она должна быть предметомъ заботъ не только по отношенію къ тому времени, которое мы называемъ земной жизнью, но и по отношенію ко всему дальнѣйшему, и для насъ могло бы оказаться крайне опаснымъ даже теперь, если кто пренебрежетъ заботами о душѣ. Если бы смерть была полнымъ уничтоженіемъ, то для людей злыхъ было бы находкой освобождаться въ смерти отъ тѣла и вмѣстѣ съ душою—отъ своей порочности. Но такъ какъ душа безсмертна, то для нея нѣтъ другаго спасенія отъ золъ, какъ только сдѣлаться возможно болѣе лучшей и мудрой, потому что она переходитъ въ аидъ, не унося съ собой ничего, кромѣ пріобрѣтенныхъ ею навыковъ и своихъ стремленій, а это, какъ говорятъ, приноситъ умершему величайшую пользу или вредъ, при самомъ началѣ схожденія его въ аидъ. Существуетъ сказаніе, что каждаго умершаго духъ-покровитель, на попеченіи котораго онъ находился въ теченіе земной жизни [71]), отводитъ въ извѣстное мѣсто, откуда всѣ собравшіяся тамъ души, подвергшись предварительно суду, отправляются въ аидъ вмѣстѣ съ вождемъ, которому поручено провожать туда уходящихъ отсюда. Послѣ того какъ онѣ получатъ тамъ то, что должны получить и отбудутъ урочное время, другой вождь опять приводитъ ихъ въ этотъ міръ послѣ многихъ и длинныхъ періодовъ времени. А путь этотъ не таковъ, какимъ описываетъ его

Телефъ у Эсхила [72]). Онъ говоритъ, что къ аиду ведетъ прямая дорога, а мнѣ представляется—и не прямая и не одна, потому что уклониться по ошибкѣ въ какую бы то ни было сторону было бы невозможно, если бы дорога была одна. Но кажется, что она имѣетъ много раздѣленій и поворотовъ, какъ я догадываюсь объ этомъ изъ нашихъ священныхъ установленій и похоронныхъ обрядовъ. Душа благонравная и мудрая слѣдуетъ охотно за вождемъ, не оставаясь въ неизвѣстности относительно настоящаго своего положенія; а та, которая, какъ я прежде сказалъ, страстно привязана къ тѣлу, долгое время витаетъ вокругъ него и могильнаго кургана, и только послѣ долгаго сопротивленія и страданій отправляется наконецъ въ путь, увлекаемая насильно и съ трудомъ, назначеннымъ для этого демономъ. Когда же она приходитъ туда, гдѣ находятся и другія души, то души нечистой или совершавшей что нибудь въ такомъ родѣ, какъ напр. осквернившей себя убійствомъ или подобными, сродными съ этими и сродными подобнымъ душамъ дѣлами,— этой души всѣ другія души избѣгаютъ и отвращаются, и ни одна не хочетъ быть ея спутникомъ или вождемъ. Тогда она начинаетъ блуждать, испытывая всевозможныя бѣдствія, пока исполнятся опредѣленные періоды времени, по прошествіи которыхъ она увлекается силою необходимости въ приличное ей жилище. А душа, проводившая жизнь въ чистотѣ и воздержаніи, получивъ своими спутниками и вождями боговъ, водворяется въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ каждая изъ такихъ душъ должна обитать.

LVIII.—На землѣ есть много и притомъ удивитель-

ныхъ мѣстъ, и сама земля вовсе не такова по виду и по величинѣ, какою изображаютъ ее тѣ, которые привыкли о ней разсуждать [73]), какъ меня убѣдилъ въ этомъ одинъ человѣкъ.

— Какъ же ты думаешь объ этомъ Сократъ? спросилъ Симмій: я самъ много слышалъ о землѣ, но это не то, въ чемъ убѣжденъ ты; поэтому я съ удовольствіемъ послушалъ бы твой разсказъ.

— Любезный Симмій, для того чтобы разсказать объ этомъ, мнѣ кажется, не нужно искусства Главка [74]); но доказать, что это дѣйствительно такъ, — это мнѣ представляется дѣломъ такой трудности, которая превышаетъ искусство Главка. Съ одной стороны, я можетъ быть не въ силахъ былъ бы этого сдѣлать, а съ другой, если бы и могъ, то остающееся мнѣ время жизни недостаточно для продолжительной рѣчи. Тѣмъ не менѣе, мнѣ ничто не мѣшаетъ разсказать о видѣ земли, какъ я ее представляю, и разныхъ ея мѣстностяхъ.

— И этого будетъ достаточно, сказалъ Симмій.

— И такъ я убѣжденъ прежде всего въ томъ, началъ Сократъ, что если земля находится посреди небесъ и представляетъ собою сферическую форму, то она не имѣетъ нужды ни въ воздухѣ, ни въ какой нибудь подобной подпорѣ для того, чтобы не упасть; но что для поддержанія ея достаточно одинаковаго со всѣхъ сторонъ вкругъ нея свойства неба и равновѣсія самой земли; потому что каждое тѣло, находящееся въ равновѣсіи, будучи заключено среди другаго, имѣющаго то же свойство, не будетъ наклоняться ни въ какую сторону, но будетъ оставаться въ одинаковомъ

положенiи. Вотъ въ чемъ я прежде всего убѣжденъ, сказалъ Сократъ.

— И справедливо, сказалъ Симмiй.

— Сверхъ того я думаю, что земля чрезвычайно велика и что мы населяемъ только небольшую часть ея, отъ Фазиса до геркулесовыхъ столбовъ [75]), расположившись вокругъ моря какъ муравьи или лягушки вкругъ болота, и что многiе другiе живутъ во многихъ другихъ подобныхъ же мѣстахъ; потому что на землѣ, на всемъ ея пространствѣ, есть много углубленiй, различныхъ по виду и величинѣ, въ которыя стекаются вода, туманъ и воздухъ. Самая же земля покоится чистая въ чистомъ небесномъ пространствѣ, въ которомъ находятся свѣтила, и которое большинство разсуждающихъ объ этомъ предметѣ называетъ эѳиромъ, а все стекающее въ земныя углубленiя — основою эѳира Итакъ мы, живя въ углубленiяхъ земли, сами этого не знаемъ и думаемъ, что мы населяемъ ея возвышенности, подобно тому какъ если бы кто, живя въ глубинѣ морской бездны, думалъ, что онъ живетъ на поверхности моря, и созерцая сквозь водяную влагу солнце и другiя свѣтила, воображалъ бы, что море есть небо. Не поднимавшись же никогда по причинѣ тяжести и слабости своей на поверхность моря и никогда не поднимавъ головы изъ глубины волнъ, не видѣлъ бы,—насколько мѣста, занимаемыя нами чище и прекраснѣе тѣхъ, которыя занимаетъ онъ, а равно и не слышалъ объ этомъ отъ кого нибудь, видѣвшаго все это. Въ такомъ точно положенiи находимся и мы, потому что, обитая въ одномъ изъ углубленiй земли, думаемъ, что мы живемъ на ея возвыше-

ніи, и называемъ воздухъ небомъ, какъ будто бы это было настоящее небо, въ которомъ совершаютъ свое теченіе свѣтила. И это оттого что мы, по причинѣ нашей слабости и тяжести, не въ состояніи подняться вверхъ,—на оконечную высоту воздушнаго пространства. Если жъ бы кто взошелъ на эту высоту или поднялся туда на крыльяхъ, то такой человѣкъ, вынырнувъ изъ воздуха, увидѣлъ бы то, что находится тамъ, подобно тому какъ рыбы, вынырнувъ изъ морской глубины, видятъ то, что находится здѣсь, у насъ; и если бы это былъ человѣкъ отъ природы способный къ продолжительному созерцанію, онъ узналъ бы, что тамъ находится истинное небо, истинный свѣтъ и настоящая земля; потому что наша земля,—эти камни и вся вообще здѣшняя мѣстность повреждены и изъѣдены, подобно тому какъ повреждено и изъѣдено морскою солью все находящееся въ морѣ. На днѣ морскомъ нѣтъ ничего, что имѣло бы цѣну и стоило бы упоминовенія, словомъ сказать—ничего совершеннаго: тамъ трещины, песокъ, глубокая грязь и нечистота всюду, гдѣ только есть земля, такъ что все это не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ красотами нашихъ мѣстъ. Если нужно изложить прекрасное сказаніе объ этомъ, то стоитъ послушать, другъ Симмій, каковы предметы на той землѣ, которая находится подъ небесами.

— Но, любезный Сократъ, сказалъ Симмій, мы съ удовольствіемъ выслушали бы этотъ разсказъ.

LIX.—Итакъ прежде всего, любезный другъ, началъ Сократъ, разсказываютъ, что настоящая земля, если бы кто нибудь посмотрѣлъ на нее сверху, по виду такова какъ шары, сдѣланные изъ двѣнадцати кожъ,—

пестрая, разцвѣченная разными цвѣтами, составляющими первообразъ тѣхъ, которые употребляютъ живописцы здѣсь, у насъ. Вся находящаяся тамъ земля состоитъ изъ подобныхъ цвѣтовъ, но несравненно болѣе блестящихъ и чистыхъ чѣмъ наши. Въ одномъ мѣстѣ она имѣетъ видъ пурпура удивительной красоты, въ другомъ—цвѣтъ золота, въ иномъ она бѣлѣе гипса или снѣга; точно также представляетъ она другіе цвѣта, и притомъ болѣе многочисленные и прекрасные чѣмъ тѣ, которые мы когда нибудь видѣли. Самыя впадины земли, занимаемыя нами, будучи наполнены водою и воздухомъ, представляютъ свои особенные цвѣта, блистающіе въ разнообразіи другихъ, такъ что видъ земли представляетъ непрерывное ихъ измѣненіе. На этой землѣ, представляющей такой видъ, произрастаютъ, въ соотвѣтствіи съ ея красотой, растенія, деревья, цвѣты и плоды; ея горы и камни представляютъ также, въ такомъ же соотвѣтствіи съ нею, гладкость, прозрачность и восхитительные цвѣта; наши камешки, такъ высоко цѣнимые здѣсь, у насъ— сердоликъ, яшмы и изумруды и другіе подобные—суть только малыя ихъ частицы; а тамъ нѣтъ ничего, что не было бы точно такое же и даже еще прекраснѣе. Причина этому та, что тамошніе камни чисты, не изъѣдены и не повреждены, какъ наши, гнилыми осадками, морскою солью и всѣмъ другимъ, что стекаетъ въ наши низменности и причиняетъ обезображеніе и болѣзни камнямъ, землѣ, животнымъ и растеніямъ. Настоящая же земля украшена всѣми этими драгоцѣнными камнями и, сверхъ того золотомъ, серебромъ и всѣмъ другимъ подобнымъ: тамъ всѣ эти драгоцѣнные камни ле-

жатъ открыто, разсѣянные въ огромномъ количествѣ и огромными массами по всему ея пространству, такъ что созерцаніе этой земли составляетъ блаженство для душъ. На землѣ этой находится много различныхъ породъ животныхъ и много людей, изъ которыхъ одни занимаютъ ея середину, другіе живутъ вкругъ предѣловъ воздушнаго пространства, какъ мы вокругъ моря, иные на островахъ, которые обтекаетъ воздухъ, близь твердой земли; однимъ словомъ, что у насъ вода и море относительно нашихъ нуждъ, то тамъ воздухъ, а что для насъ воздухъ, то для нихъ—эѳиръ. Ихъ времена года отличаются такимъ благорастворенiемъ, что они не знаютъ болѣзней и живутъ гораздо долѣе, чѣмъ живущіе здѣсь: и зрѣніемъ и слухомъ и способностями ума и всѣмъ другимъ подобнымъ превосходятъ насъ въ той же степени, въ какой воздухъ превосходитъ чистотой воду, а эѳиръ—воздухъ. Они имѣютъ святилища и храмы, въ которыхъ дѣйствительнымъ образомъ обитаютъ боги, такъ что люди слышатъ ихъ голоса, прорицанія, видятъ ихъ чувственнымъ образомъ и вообще имѣютъ личное общеніе съ ними. Солнце, луну и звѣзды люди тамъ видятъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, и блаженство ихъ въ другихъ отношеніяхъ сообразно съ этимъ.

LX.—Вотъ какова земля и то, что ее окружаетъ. А во впадинахъ ея расположены кругомъ, по всему ея пространству, многочисленныя мѣстности, изъ которыхъ однѣ болѣе глубоки и болѣе открыты нежели мѣста, на которыхъ живемъ мы, а есть такія, которыя болѣе глубоки но менѣе открыты сравнительно съ нашими мѣстностями, и есть менѣе глубокія и болѣе плоскія относительно нашихъ. Всѣ эти мѣстности соединены

подъ землей одна съ другою отверстіями, изъ которыхъ одни уже а другія шире, и имѣютъ проходы, черезъ которые льются изъ однихъ мѣстъ въ другія огромныя массы воды какъ въ котловины. Сверхъ того тамъ несчетное множество неизсякающихъ подземныхъ потоковъ, источники горячихъ и холодныхъ водъ, много огня и большія огненныя рѣки, много другихъ рѣкъ, наполненныхъ жидкой грязью, изъ которыхъ однѣ чище, а другія грязнѣе, наподобіе того какъ текутъ грязныя рѣки въ Сициліи впереди потока лавы и какъ самая лава. Изъ этихъ теченій наполняется порознь каждая мѣстность, смотря по тому какой поворотъ принимаетъ каждый разъ тотъ или другой потокъ; и всѣ они движутся вверхъ и внизъ, какъ будто бы въ самой землѣ заключалось нѣкоторое колебаніе. Это колебаніе совершается слѣдующимъ образомъ. Одна изъ пропастей земныхъ превосходитъ огромностью всѣ другія и проходитъ насквозь черезъ всю землю. Это самое отверстіе разумѣетъ Гомеръ, когда говоритъ:

„Въ даль необъятную, гдѣ подъ водой глубочайшая бездна“,

которую и онъ самъ въ другомъ мѣстѣ и многіе другіе поэты называютъ Тартаромъ. Въ эту бездну стекаются всѣ рѣки и изъ нея же вытекаютъ опять, при чемъ каждая становится такой или другой, смотря потому черезъ какую проходитъ землю. А причина, почему всѣ эти потоки вытекаютъ отсюда и втекаютъ сюда снова, та, что влага не имѣетъ ни дна ни основанія. Она колеблется въ висячемъ положеніи и воздымаетъ волны свои вверхъ и внизъ, а воздухъ и вѣтеръ вокругъ нея дѣлаютъ то же самое, потому что они слѣдуютъ за ней и тогда, когда она устремляется къ тѣмъ и

когда—къ этимъ странамъ земли. Подобно тому какъ у дышащихъ дыханіе выходитъ и постоянно входитъ опять, такъ тамъ воздухъ, приводимый въ движеніе сотрясеніемъ влаги, производитъ страшные, неизобразимые вихри и въ то время когда входитъ и когда выходитъ. Итакъ, когда вода, ринувшись устремится на мѣсто, называемое низшимъ, тогда она проходитъ сквозь землю и изливается въ подземныя теченія, наполняя ихъ какъ будто бы съ помощію насоса. Когда же она покинетъ тѣ мѣста и устремится сюда, — она наполняетъ снова наши потоки, а эти послѣдніе, наполнившись, протекаютъ черезъ подземные проходы и сквозь землю, куда каждый проложитъ себѣ путь, и тогда образуютъ моря, озера, рѣки и ключи. Скрываясь затѣмъ снова подъ землю и протекая пространства — одни большія по протяженію и числу, а другія меньшія числомъ и кратчайшія — снова изливаются въ Тартаръ, одни гораздо ниже того мѣста, гдѣ наполняются, а другіе — нѣсколько ниже, но всѣ вообще ниже своего истока; и при этомъ нѣкоторые впадаютъ со стороны противоположной той, откуда берутъ начало, а другіе — съ той же самой. Есть и такіе, которые описываютъ въ движеніи своемъ полный кругъ, обвиваясь однажды или много разъ вокругъ земли какъ змѣи, и какъ скоро достигнутъ возможно большей низменности, низвергаются въ Тартаръ. Но каждое изъ такихъ теченій можетъ спускаться къ одной и другой сторонѣ только до середины а не далѣе, потому что съ этого мѣста каждое уже восходитъ.

LXI. Есть и многія другія обширныя и разнообразныя теченія, и въ числѣ этихъ многихъ — четыре из-

вѣстныхъ, изъ которыхъ самое бо́льшее, обтекающее кругомъ крайніе предѣлы земли, есть такъ называемый Океанъ. На противоположной сторонѣ и въ противоположномъ направленіи течетъ Ахеронъ, который, проходя черезъ пустынныя мѣста и протекая подъ землею, низвергается въ ахерузійское озеро, куда сходятъ души большей части умершихъ, и откуда онѣ, пробывъ тамъ назначенное имъ время,—однѣ болѣе а другія менѣе продолжительное—высылаются опять для образованія живыхъ существъ. Третья рѣка принимаетъ начало посреди этихъ двухъ теченій и неподалеку отъ истока проходитъ обширную мѣстность, пылающую сильнымъ огнемъ, образуя озеро обширнѣе нашего моря, кипящее водою и грязью. Отсюда она кругообразно течетъ далѣе, мутная и грязная, и обвиваясь вокругъ земли, достигаетъ границъ ахерузійскаго озера, не смѣшиваясь однако съ его водами, а поворотивъ много разъ подъ землей, впадаетъ въ самой низменной части Тартара. Это та рѣка, которую называютъ Пирифлегетономъ и которой огненные потоки выбрасываютъ по мѣстамъ изверженія на землю. На противоположной сторонѣ стремится четвертая рѣка въ страшное и дикое мѣсто, которое, какъ говорятъ, все темносиняго цвѣта и которое называютъ стигійскимъ, а озеро, образуемое изліяніемъ рѣки — Стиксомъ. Излившись въ это озеро и почерпнувъ въ водахъ его страшныя силы и скрывшись потомъ подъ землю, она продолжаетъ извилистое, кругообразное теченіе въ направленіи къ Пирифлегетону и встрѣчаетъ его въ ахерузійскомъ озерѣ, съ противной стороны. И этой рѣки вода не смѣшивается ни съ какою другою; и эта

рѣка, извиваясь въ теченіи своемъ кругомъ, впадаетъ въ Тартаръ, насупротивъ Пирифлегетона. Имя этой рѣки, какъ говорятъ поэты, Коцитъ.

LXII. При такомъ, самою природою образованномъ характерѣ подземнаго пространства, умершіе, какъ скоро каждый придетъ на то мѣсто, куда ведетъ его его демонъ, подвергаются суду,—сначала тѣ, которые вели добродѣтельную, богобоязненную жизнь, а потомъ тѣ, которые жили иначе. А тѣ, которыхъ жизнь окажется чѣмъ-то среднимъ,—ни вполнѣ добродѣтельною, ни вполнѣ порочною—отправляются къ Ахерону, всходятъ на приготовленныя для нихъ заранѣе ладьи, плывутъ на нихъ въ озеро и живутъ тамъ, подвергаясь очищенію и неся наказаніе за совершенныя ими несправедливыя дѣла, если какая нибудь душа совершала что нибудь такое, и освобождаются, а за дѣла добрыя душа получаетъ честь, смотря по заслугѣ. Тѣ же души, которыя по великости преступленій окажутся неисцѣлимыми, какъ напримѣръ совершившія многочисленныя и важныя святотатства или много несправедливыхъ и противузаконныхъ убійствъ или что нибудь другое подобное, — всѣ такія души приличествующая имъ судьба повергаетъ въ Тартаръ, откуда онѣ никогда не выходятъ. А души, хотя и исцѣлимыя, но такія, за которыми будутъ признаны тяжелыя преступленія, какъ напримѣръ тѣ, которыя въ гнѣвѣ совершили насиліе противъ отца или матери и проводили остальную жизнь въ раскаяніи, или же тѣ, которыя такъ или иначе сдѣлались человѣкоубійцами,— эти души, хотя по необходимости попадаютъ также въ Тартаръ, но попавши туда и пробывъ тамъ годъ, вы-

брасываются волной, — человѣкоубійцы въ Коцитъ, а отцеубійцы и матереубійцы—въ Пирифлегетонъ. Какъ скоро онѣ, уносимыя теченіемъ, достигнутъ ахерузійскаго озера, то начинаютъ кричать тамъ и зовутъ,—убійцы тѣхъ, которыхъ они убили, а обидчики—обиженныхъ ими, и призвавъ ихъ просятъ и умоляютъ позволить имъ войти въ озеро и принять ихъ. Если убѣдятъ, —входятъ и освобождаются отъ страданій; а если нѣтъ — уносятся обратно въ Тартаръ и оттуда опять въ тѣ же рѣки, и эти страданія ихъ не прекращаются до тѣхъ поръ, пока онѣ не упросятъ обиженныхъ ими, потому что такое наказаніе наложено на эти души судьями. Души, относительно которыхъ будетъ признано, что онѣ жили преимущественно передъ другими богобоязненно,—эти души, освободившись отъ нашихъ земныхъ мѣстностей, какъ будто бы изъ темницъ, возносятся въ горнія пространства, — въ чистое жилище и живутъ на настоящей землѣ. Между ними души, достаточно очищенныя съ помощью философіи, будутъ существовать совершенно безъ тѣлъ и войдутъ въ жилища еще болѣе прекрасныя чѣмъ эти, которыя нелегко описать, и для чего при настоящихъ обстоятельствахъ у насъ нѣтъ достаточно времени.

LXIII. Итакъ, имѣя въ виду изложенное нами, любезный Симмій, нужно употреблять все, чтобы усвоить въ жизни добродѣтель и мудрость; награда за подвигъ прекрасна и надежда на нее велика. Утверждать, что все это дѣйствительно такъ, какъ я описалъ, — это не идетъ человѣку, обладающему умомъ. Тѣмъ не менѣе нужно принять или это или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ. Если душа дѣй-

ствительно безсмертна, то мнѣ представляется и приличнымъ и заслуживающимъ того, чтобы рисковать довѣриться подобной вѣрѣ, потому что рискъ этого рода прекрасенъ и нужно какъ бы очаровывать себя, напѣвая себѣ такія волшебныя пѣсни. Поэтому-то я и продлилъ такъ свой разсказъ.

Итакъ, въ силу этого долженъ имѣть твердую надежду за свою душу тотъ человѣкъ, который пренебрегалъ въ теченіе жизни удовольствіями и украшеніями тѣла, какъ чуждымъ душѣ и въ томъ убѣжденіи, что это производитъ зло, а стремился къ наслажденіямъ, которыя сообщаетъ знаніе и, украшавши душу не чуждымъ, но свойственнымъ ей украшеніемъ,—воздержаніемъ, справедливостью, мужествомъ, свободой и истиной—ожидаетъ въ такомъ настроеніи сошествія въ аидъ, какъ готовый сойти туда, когда позоветъ судьба. И вы, - продолжалъ онъ, Симмій и Кевисъ, какъ и другіе, сойдете туда когда нибудь,—каждый въ свое время. Меня же судьба уже теперь зоветъ, сказалъ бы трагическій поэтъ, и мнѣ почти пора приступить къ омовенію, потому что мнѣ представляется лучше выпить ядъ, напередъ вымывшись, и не безпокоить женщинъ омовеніемъ мертваго тѣла.

LXIV. Когда онъ окончилъ, Критонъ спросилъ:

— Добро Сократъ! Что же ты приказываешь имъ или мнѣ относительно ли дѣтей или чего нибудь другаго, исполненіемъ чего мы могли бы оказать тебѣ наиболѣе пріятную для тебя услугу?

— То самое, что я всегда говорилъ, любезный Критонъ, отвѣчалъ Сократъ,—ничего новаго, именно то, что вы, заботясь о себѣ, сдѣлаете услугу и мнѣ и мо-

имъ близкимъ и самимъ себѣ, хотя бы теперь вы этого не обѣщали. Но если вы пренебрежете заботами о себѣ и не будете жить, придерживаясь какъ стези и того, что сказано нами теперь, и того, что было говорено въ прежнее время, то хотя бы въ настоящее время вы обѣщали мнѣ много и рѣшительно,—это ни къ чему не поведетъ.

— Мы постараемся поступать именно такъ, отвѣтилъ Критонъ. Но какъ мы тебя похоронимъ?

— Какъ вамъ будетъ угодно, отвѣтилъ онъ, если только вы овладѣете мной и я не ускользну отъ васъ. При этомъ тихо улыбнувшись и взглянувъ на насъ, онъ сказалъ: — Я все таки, друзья мои, не могу убѣдить Критона въ томъ, что Сократъ—это я, ведущій въ настоящее время съ вами бесѣду и дающій правильное теченіе каждой ея части. Онъ думаетъ, что тотъ, кого онъ черезъ нѣсколько времени увидитъ мертвымъ, буду я, и спрашиваетъ — какъ меня похоронить? [76]) А то, о чемъ я давно уже веду долгую рѣчь, что я не останусь съ вами, послѣ того когда выпью ядъ, но перейду къ несказаннымъ радостямъ блаженныхъ душъ,—объ этомъ я кажется безъ пользы бесѣдовалъ съ нимъ, утѣшая только васъ и себя. Поручитесь же за меня, сказалъ онъ, передъ Критономъ, но въ смыслѣ противномъ тому, какъ онъ самъ ручался за меня передъ судьями. Онъ ручался, что я останусь, а вы поручитесь, что я не останусь, послѣ того когда умру, но уйду отъ васъ; поручитесь для того, чтобы онъ легче могъ все это перенести, и когда увидитъ тѣло мое сожигаемымъ или погребаемымъ, чтобы онъ не сокрушался обо мнѣ, точно претерпѣ-

вающемъ что—то ужасное. Пусть онъ не говоритъ на похоронахъ, что онъ выставляетъ Сократа, что онъ провожаетъ его къ могилѣ или погребаетъ его. Да будетъ тебѣ извѣстно, мой дорогой Критонъ, прибавилъ Сократъ, что неточно выражаться — не только дурно само по себѣ, но и причиняетъ нѣкотораго рода зло душамъ. Нужно въ этомъ случаѣ быть спокойнымъ и говорить, что ты погребаешь мое тѣло. Похорони же его такъ, какъ тебѣ будетъ угодно и какъ ты найдешь наиболѣе согласнымъ съ законами.

LXV. Сказавъ это, онъ всталъ и ушелъ въ другую комнату, чтобы совершить омовеніе. Критонъ послѣдовалъ за нимъ, а намъ онъ предложилъ остаться. Мы остались и начали между собою бесѣду о томъ, что было говорено, провѣряя снова все сказанное и снова разсуждая о нашемъ несчастіи, какъ оно было для насъ велико. Мы именно смотрѣли на дѣло такъ, что мы теряли отца и что намъ придется проводить сиротами остальную жизнь. Когда Сократъ окончилъ омовеніе и къ нему были приведены его дѣти — у него было два маленькихъ сына и одинъ взрослый — и когда вошли принадлежавшія къ его дому женщины, онъ поговоривши съ ними въ присутствіи Критона и приказавши то, что хотѣлъ приказать, выслалъ женщинъ и дѣтей, а самъ возвратился къ намъ. Уже было близко къ солнечному закату, потому что онъ долго промедлилъ во внутренней комнатѣ. Возвратившись послѣ омовенія, Сократъ сѣлъ и послѣ этого мало уже говорилъ. Тогда вошелъ служитель одиннадцати и, подошедши къ нему, сказалъ:

— Сократъ, ты конечно не будешь обвинять меня,

какъ обвиняютъ другіе, которые раздражаются и осыпаютъ меня проклятіями, когда я по приказанію одиннадцати требую, чтобы они пили ядъ. Я въ теченіе этого времени зналъ тебя, какъ человѣка самаго благороднаго, самаго кроткаго и лучшаго изъ всѣхъ, которые когда нибудь входили въ эту темницу, а потому хорошо знаю и теперь, что ты негодуешь не противъ меня,—потому что ты знаешь виновниковъ дѣла—а противъ нихъ. Теперь, такъ какъ ты знаешь, что̀ я пришелъ тебѣ объявить, —прощай и старайся перенести какъ можно легче то, что неизбѣжно.

При этомъ онъ заплакалъ, отвернулся въ сторону и вышелъ. Сократъ, взглянувъ на него, сказалъ.

— И ты прощай: мы же сдѣлаемъ свое дѣло. А затѣмъ, обратившись къ намъ, прибавилъ: какой превосходный человѣкъ! Все это время онъ иногда навѣщалъ меня и бесѣдовалъ со мною, обнаруживая при этомъ въ себѣ одного изъ лучшихъ людей, и теперь какъ благородно онъ меня оплакиваетъ! Ну, Критонъ, исполнимъ же его требованіе; пусть мнѣ принесутъ ядъ, если онъ приготовленъ, а если нѣтъ, — пусть человѣкъ приготовитъ.

— Но я думаю, любезный Сократъ, возразилъ Критонъ, что солнце стоитъ надъ горами и не зашло еще; да кромѣ того другіе принимаютъ ядъ очень поздно, послѣ того когда имъ прикажутъ, а пиршествуютъ и пьютъ, сколько только пожелаютъ; нѣкоторые же наслаждаются съ своими возлюбленными и удовольствіями любви; итакъ не спѣши: у тебя есть еще время.

Сократъ на это возразилъ:

— Тѣ, о которыхъ ты говоришь, любезный Кри-

тонъ, имѣютъ основаніе такъ поступать: они думають, что, поступая подобнымъ образомъ, они остаются въ выигрышѣ; а я имѣю свое основаніе, почему такъ не сдѣлаю. Я думаю, что выпивши ядъ немного позже, я не выиграю ничего, кромѣ того что сдѣлаюсь смѣшнымъ въ собственныхъ глазахъ, такъ пламенно желая жить и стараясь сохранить то, чего уже нѣтъ. Итакъ поди, прибавилъ онъ, слушайся и не поступай иначе.

LXVI. Критонъ, выслушавъ это, сдѣлалъ знакъ подлѣ стоявшему слугѣ. Слуга вышелъ и, промедливъ долгое время, возвратился, ведя съ собой человѣка, который долженъ былъ дать Сократу ядъ, принесенный имъ приготовленнымъ въ чашѣ. Сократъ, увидя его, сказалъ:

— Хорошо, мой дорогой; тебѣ знакомы эти вещи: что нужно дѣлать?

— Ничего другаго,—отвѣтилъ тотъ, какъ выпивши ходить, пока у тебя явится тяжесть въ ногахъ, потомъ лечь; такимъ образомъ ядъ самъ собою сдѣлаетъ свое дѣло.

При этихъ словахъ, онъ подалъ Сократу чашу. Сократъ, принявши ее съ веселымъ видомъ, любезный Эхекратъ, безъ малѣйшаго страха, нисколько не измѣнившись ни въ лицѣ, ни во взорѣ, но взглянувъ, по своему обычаю, пристально на тюремщика, спросилъ:

— Что ты думаешь относительно возліянія изъ этого питья въ честь какого нибудь божества: можно или нѣтъ?

— Мы приготовили, Сократъ, столько, отвѣтилъ тотъ, сколько считали необходимымъ.

— Понимаю, сказалъ Сократъ. Но конечно и поз-

волительно и должно помолиться богамъ о томъ, чтобы переселеніе мое отсюда туда совершилось благополучно; объ этомъ именно я молюсь, и — о если бы это было такъ!

Сказавши это, онъ поднесъ чашу къ устамъ, и выпилъ ее легко и спокойно. До сихъ поръ большинство изъ насъ еще находило въ себѣ достаточно силъ удерживать слезы; но когда мы увидѣли, что онъ пьетъ и уже выпилъ, то долѣе удерживаться не могли; у меня противъ воли ручьемъ хлынули слезы; закутавъ голову въ плащъ, я плакалъ о себѣ самомъ: не его, а свое собственное несчастіе оплакивалъ я, терявши въ немъ такого друга. Критонъ, который еще раньше меня не могъ удержать своихъ слезъ, вышелъ. Аполлодоръ и прежде не переставалъ плакать, а тогда разразился рыданіями и своими стонами и криками отчаянія потрясалъ души всѣхъ присутствующихъ, кромѣ души Сократа.

Что вы дѣлаете, чудные люди? сказалъ онъ. Я главнымъ образомъ по этой причинѣ выслалъ женщинъ, что бы онѣ не сдѣлали чего нибудь подобнаго. Я слышалъ, что умирать должно въ благоговѣйномъ молчаніи. Итакъ успокойтесь и будьте мужественны.

Услышавъ это, мы устыдились и перестали плакать. А онъ, походивши и сказавъ, что у него тяжелѣютъ ноги, легъ на спину, потому что такое наставленіе далъ ему служитель, принесшій ядъ. Тогда этотъ послѣдній, притрогиваясь къ нему время отъ времени, пробовалъ его ноги и голени, и сильно сжавъ ему одну ногу, спросилъ: чувствуетъ ли онъ это? Сократъ отвѣчалъ: „нѣтъ“. Потомъ онъ снова пробовалъ голени и, восходя выше,

показывалъ намъ, что онъ уже холодѣлъ и коченѣлъ. Затѣмъ онъ прикасался къ его тѣлу и сказалъ, что какъ скоро холодъ достигнетъ до сердца,—онъ отойдетъ. Холодъ почти уже коснулся нижней части живота, когда онъ раскрывшись — потому что онъ былъ накрытъ—сказалъ свое послѣднее слово:

— Критонъ, мы должны пѣтуха Асклепію [77]; принесите этотъ даръ и не пренебрегите этой обязанностью.

— Будетъ исполнено, отвѣтилъ Критонъ. Но не имѣешь ли ты еще чего нибудь сказать?

На этотъ вопросъ Сократъ уже ничего не отвѣтилъ, а спустя немного времени сдѣлалъ судорожное движеніе, послѣ чего служитель раскрылъ его. Взоръ его уже былъ неподвиженъ. Видя это, Критонъ смежилъ ему уста и глаза.

LXVII. Таковъ былъ, любезный Эхекратъ, конецъ нашего друга—человѣка, котораго мы смѣло могли бы назвать лучшимъ изъ людей того времени, какихъ только мы знали, и вообще самаго мудраго и правдиваго изъ людей.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчанія.

1 Τῶν πολιτῶν Φλιασίων — изъ флiунтскихъ граждан. Флiунтъ былъ небольшой вольный городъ въ пелопонесской области Сикiонiи; прилежавшiй къ нему округъ назывался Φλιασία. Самый городъ находился въ разстоянiи 12-ти миль отъ Аѳинъ, по прямому пути.

2. Πολλῷ ὕστερον — ἀποθανών—приговоръ былъ исполненъ спустя долгое время.

Промежутокъ времени между произнесенiемъ приговора и исполненiемъ его составляетъ тридцать дней. Объ этомъ обстоятельствѣ мы знаемъ изъ Ксенофонта, Xen. Memor. III, 8, 2.

3. 'Εστεμμένη—увѣнчивали и проч.

Увѣнчивали лавромъ; лавръ — дерево, посвященное Аполлону.

4. Εἰς Δῆλον — въ Делосъ.

Делосъ—нынѣшнiй Дили, островъ на эгейскомъ морѣ, представляющiй не болѣе пяти миль въ окружности, но свято почитавшiйся въ цѣлой Грецiи, какъ мѣсто рожденiя Аполлона и Дiаны. Вокругъ него расположены цикладскiе острова.

5. 'Εν ᾧ Θησεύς—ἐσώθη—на которомъ Ѳезей—спасъ ихъ и себя.

Миносъ, критскiй царь, предпринялъ войну противъ аѳинянъ, съ цѣлiю отмстить имъ за смерть сына своего Андрогея, умерщвленнаго на паноѳенейскомъ праздникѣ. Потомъ согласился оставить Аѳины въ покоѣ съ условiемъ, чтобы

аѳинскіе граждане каждые девять лѣтъ присылали на островъ Критъ въ видѣ дани семь юношей и семь дѣвицъ (οἱ δὶς ἑπτὰ ἐκεῖνοι), которые были запираемы въ лабиринтъ и дѣлались тамъ добычей пожиравшаго ихъ чудовища—Минотавра. Ѳезей, сынъ аѳинскаго царя Эгея и Этры, добровольно предложившій себя въ число жертвъ, когда срокъ отправленія этой дани наступилъ въ третій разъ, убилъ Минотавра и вышелъ изъ лабиринта при помощи дочерей Миноса Аріадны и Федры, изъ которыхъ первую онъ оставилъ въ Наксосѣ, а на второй спустя немного времени женился, и потомъ вмѣстѣ съ спутниками благополучно возвратился въ Аѳины.

6. Θεωρίαν ἀπάξειν — отправлять священное посольство. Ѳеоріями у грековъ назывались торжественныя священныя посольства, которыя были отправляемы на всѣ великія народныя игры, въ Делосъ и другія священныя мѣста. Первоначальная цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы соединеніемъ отдѣльныхъ республикъ въ общихъ религіозныхъ празднествахъ поддерживать воспоминаніе о первоначальномъ единствѣ происхожденія. Ближайшею задачею каждой ѳеоріи было принесеніе отъ имени государства жертвы тому или другому божеству, а также вопрошеніе оракула. Обыкновенно въ составъ ѳеорій входило большое число лицъ, желавшихъ принять участіе въ праздникѣ, или же отправлявшихся съ политическими и торговыми цѣлями. Всѣ эти лица назывались однимъ общимъ именемъ θεωροί и состояли подъ нѣкотораго рода надзоромъ главы посольства — ἀρχιθέωρος, ближайшею обязанностію котораго было заботиться о томъ, чтобы отправленное посольство явилось на празднествѣ, не уронивъ ни въ какомъ отношеніи своего достоинства. О пышности и блескѣ, съ которыми они иногда были отправляемы, мы находимъ свѣдѣніе у Плутарха, въ жизнеописаніи Никія. Здѣсь подробно описана ѳеорія, которую Никій, послѣ жестокой неудачи аѳинскихъ полководцевъ въ Сициліи, отвелъ на островъ Делосъ. Вотъ это мѣсто: Никій высадился на берегъ съ хоромъ, жертвенными животными и прочимъ экипажемъ (παρασκευή) и навелъ ночью пригото-

вленный въ Аѳинахъ мостъ, великолѣпно украшенный позолотой, живописью, вѣнками и коврами. Мостъ этотъ длиною въ четыре стадіи (= 490 футовъ) былъ положенъ черезъ небольшой проливъ, отдѣляющій Ренію отъ Делоса. Съ разсвѣтомъ онъ перевелъ черезъ него торжественную процессію, при чемъ хоръ въ богатомъ убранствѣ исполнялъ гимны въ честь бога. Послѣ жертвоприношенія, игръ и праздничнаго пиршества, онъ принесъ въ даръ Аполлону мѣдную пальму, а потомъ, купивши за 10,000 драхмъ (2,800 талеровъ) участокъ поля, посвятилъ его ему же съ тѣмъ, чтобы доходы съ этого участка были обращаемы делосцами на жертвоприношенія и пиршества въ честь бога. Знаменитѣйшею изъ ѳеорій была аттическая, ежегодно отправляемая на островъ Делосъ. Объ этой самой и говоритъ здѣсь Платонъ.

7. Οἱ ἄρχοντες—начальники.

Подъ именемъ: οἱ ἄρχοντες разумѣются начальственныя лица вообще и въ частности, въ данномъ случаѣ, οἱ ἔνδεκα. (У Карпова ошибочно переведено архонты). Это были важныя должностныя лица въ Аѳинахъ, которыя имѣли надзоръ за тюрьмами и приведеніемъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, почему ихъ обыкновенно сравниваютъ съ римскими triumviri capitales. На ихъ обязанности лежало имѣть наблюденіе надъ заключенными и тѣхъ изъ нихъ, которые содержались подъ стражей, въ видахъ обезпеченія явки ихъ въ судъ, представлять въ надлежащее время въ судилище, а за тѣми, которые содержались въ тюрьмѣ для наказанія, наблюдать, чтобы они не были освобождаемы ни раньше ни позже опредѣленнаго времени. Они также должны были заботиться о правильности въ исполненіи смертныхъ приговоровъ. Οἱ ἔνδεκα дѣлали опись конфискованнымъ имуществамъ, старались приводить въ извѣстность то, что было изъ нихъ утаиваемо, назначали ихъ къ продажѣ и возникавшія отсюда тяжбы представляли въ судъ.

8. Ἀλλὰ μὴν—τοιούτους ἑτέρους ἔχεις — тѣ, которые приготовились слушать тебя, не меньше чѣмъ и ты любятъ Сократа.

Я измѣнилъ выраженіе подлинника, желая яснѣе пере-

дать внутренній смыслъ рѣчи Эхекрата. Въ тонѣ, которымъ Эхекратъ это высказываетъ, слышится ревность его къ Федону, который, присутствовавъ при послѣднихъ минутахъ Сократа, видимо гордится преимуществомъ своего положенія передъ слушателями и старается выставить при каждомъ удобномъ случаѣ любовь свою къ учителю.

9. Οὗτός τε — παρῆν — изъ согражданъ его былъ и пр.

Изъ числа упоминаемыхъ въ настоящемъ мѣстѣ лицъ наибольшею извѣстностью пользуется ученикъ Горгія, а послѣ другъ и почитатель Сократа — *Антисѳенъ*, основатель цинической школы. Именами Критона и Менексена Платонъ озаглавилъ два своихъ діалога. Остальныя лица менѣе извѣстны.

10. Πλάτων δέ, οἶμαι, ἠσθένει—Платонъ же, какъ я думаю, былъ боленъ.

Штальбаумъ считаетъ не лишенною правдоподобія догадку Форстера, что Платонъ разумѣетъ подъ этимъ скорбь, произведенную въ немъ мыслью о близкой смерти ихъ великаго учителя. А что онъ ничего не упоминаетъ о Ксенофонтѣ, то это обстоятельство приводятъ обыкновенно въ числѣ доказательствъ зависти и вражды, существовавшей между Платономъ и Ксенофонтомъ. Но противъ этого давно уже было замѣчено, что Ксенофонтъ за годъ до смерти Сократа отправился въ походъ въ Азію, и слѣд. не могъ присутствовать при смерти учителя.

11. Ἐν Αἰγίνῃ etc.—въ Эгинѣ.

Эгина—островъ на сароническомъ заливѣ, между Арголидой и Аттикой, около двухсотъ стадій въ окружности, по большей части гористый, а во внутренности — необыкновенно плодоносный, богатый прекрасною глиною, которая употреблялась какъ матеріалъ для драгоцѣнныхъ сосудовъ.

12. τὴν δὲ Ξανθίππην—Ксантиппу etc.

Имя Ксантиппы, какъ злой и корыстолюбивой женщины, обратилось въ пословицу; на дѣлѣ однако, она была далеко лучше своей репутаціи. Добрая хозяйка и заботливая мать, она естественно имѣла причины быть недовольною мужемъ, который слишкомъ мало заботился о домѣ и семействѣ. Со-

кратъ, какъ извѣстно, не отличался семейными добродѣтелями, и Штейнгардтъ положительно идеализируетъ въ этомъ отношеніи его характеръ, приписывая ему качества хорошаго мужа и отца.

13. τινες τῶν τοῦ Κρίτωνος — слуги Критона.

Богатые и знатные Аѳиняне никогда не выходили изъ дому одни, но всегда имѣли при себѣ много рабовъ.

14. Αἴσωπος — Эзопъ.

Баснописецъ Эзопъ представляетъ въ греческой литературѣ переходную ступень отъ миѳическаго къ историческому времени; его обыкновенно считаютъ современникомъ Солона и семи мудрецовъ. Разсказываютъ, что онъ находился въ услуженіи въ качествѣ раба у многихъ господъ, а потомъ получилъ свободу. Совершивъ путешествіе къ лидійскому царю Крезу, онъ былъ посланъ имъ въ Дельфы, гдѣ за богохуленіе былъ свергнутъ съ гіампейской скалы. Справедливѣе можно сказать, что обстоятельства его жизни намъ мало извѣстны; біографія его, написанная византійскимъ монахомъ Максимомъ Планудомъ, скорѣе романъ нежели біографія.

15. ἀτὰρ καὶ Εὔηνος πρώην—и—въ недавнее время Эвенъ.

Эвенъ, уроженецъ острова Пароса,—поэтъ и софистъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ былъ учителемъ Сократа въ стихотворномъ искусствѣ; но это, судя по той ироніи, съ которою Сократъ говоритъ о немъ какъ въ нашемъ діалогѣ такъ и въ апологіи, представляется невѣроятнымъ. Онъ писалъ элегіи, изъ которыхъ нѣкоторые отрывки дошли до насъ, но стихотворенія его какъ по содержанію такъ и по формѣ не представляютъ ничего замѣчательнаго.

16. εἰς τὸν 'Απόλλω προοίμιον—и написавъ гимнъ Аполлону.

προοίμιον — гимнъ. Первоначально подъ этимъ разумѣлось поэтическое вступленіе, которое рапсодъ предпосылалъ своему стихотворенію. Обыкновенно оно содержало въ себѣ похвалу божеству, праздникъ котораго воспѣвался въ похвальной пѣсни большого объема или въ стихотвореніи эпическаго содержанія. Такія поэтическія вступленія сохранились для насъ въ небольшихъ гомерическихъ гимнахъ. Между пи-

сателями проэмій упоминаются Терпандръ и Аріонъ. Позже проэміи были смѣшиваемы съ собственно такъ называемыми гимнами. Это προοίμιον Діонъ Хризостомъ называетъ пеаномъ—имя сдѣлавшееся впослѣдствіи времени общимъ названіемъ для всякаго лирическаго стихотворенія въ честь божества вообще, и по преимуществу въ честь Аполлона.

17. μουσικὴν ποίει καὶ ἐργάζου—посвяти себя искусству музъ и упражняйся въ немъ.

Μουσικὴ sc. τέχνη — собственно музыкальное искусство вообще, но древніе соединяли съ понятіемъ музыки гораздо болѣе обширное значеніе, разумѣя подъ ней не одно только то искусство, которое мы разумѣемъ. Музыка обнимала у нихъ все духовное образованіе вообще, — научное такъ же какъ и художественное, но попреимуществу философію, поэзію, мимику, танцовальное искусство и искусство прорицаній. Вслѣдствіе этой древней связи мудрости съ музыкой мудрѣйшимъ изъ боговъ былъ владѣвшій лирою Аполлонъ, а изъ героевъ — Орѳей. Музыка вмѣстѣ съ гимнастикой составляла вторую необходимую принадлежность свободнаго воспитанія—παιδεία; отдѣленіе ея отъ поэзіи впервые послѣдовало во времена Платона и не было имъ одобряемо. Такъ какъ у древнихъ грековъ всѣ искусства и науки состояли подъ покровительствомъ музъ, то я думаю, что передача μουσικὴ выраженіемъ — «искусство музъ» составляетъ самый близкій переводъ; содержаніе же рѣчи ясно показываетъ, какое именно искусство разумѣется здѣсь.

18. Φιλολάῳ συγγεγονότες—отъ Филолая, когда были его учениками.

Филолай, одинъ изъ знаменитѣйшихъ пиѳагорейцевъ, по Платону—современникъ Сократа, уроженецъ Кротона, или Тарента. Въ молодости онъ былъ ученикомъ Пиѳагора. Онъ первый началъ излагать письменно распространявшееся дотолѣ изустно ученіе своего учителя.

19. διασκοπεῖν τε καὶ μυθολογεῖν—разсуждать и вспоминать существующіе разсказы и проч.

Суземиль справедливо видитъ въ этихъ словахъ выраженіе

двоякаго способа разсужденій Платона — діалектическаго и миѳическаго.

20. σαφὲς δὲ — οὐδὲν ἀκήκοα — но яснаго объ этомъ не слышалъ—ничего и ни отъ кого.

Намекъ на темноту ученія и загадочный способъ выраженія пиѳагорейцевъ.

21. ὁ μὲν οὖν ἐν ἀπορρήτοις λεγόμενος περὶ αὐτῶν λόγος—то, что содержится объ этомъ предметѣ въ таинствахъ и въ ученіи, сообщаемомъ только посвященнымъ.

Τὰ ἀπόρρητα различно объясняются комментаторами. Одни видятъ въ этомъ мѣстѣ указаніе то на орѳическія то на элевзинскія мистеріи, но Шталльбаумъ рѣшительно отвергаетъ это объясненіе на томъ основаніи, что у Платона мистеріи никогда не называются этимъ именемъ — ἀπόρρητα. Шталльбаумъ и вслѣдъ за нимъ большая часть изслѣдователей новаго времени разумѣютъ подъ этимъ внутреннюю, эсотерическую, сторону пиѳагорейскаго ученія (interior pythagoreorum doctrina). Этого послѣдняго мнѣнія держались и древніе (хотя впрочемъ позднѣйшіе), какъ это видно изъ Цицерона. Cato maj. c. 20. Мнѣ представляется гораздо основательнѣе мнѣніе Бишофа, который думаетъ, что выраженіе ἐν ἀπορρήτοις заключаетъ въ себѣ то и другое,—и указаніе на мистеріи и на тайное ученіе пиѳагорейцевъ. Für welche Erklärung soll man sich nun entscheiden? говоритъ онъ. Für keine ausschliesslich. Denn Socrates konnte sich auf alle jene Quellen beziehen. Ihm lag nur daran, seine mythische Darstellung an eine Tradition anzuknüpfen; je ausgebreiter diese war, desto besser. Бишофъ, Plat. Phaed. p. 32.

22. παρὰ θεοὺς ἄλλους—къ другимъ богамъ

Земля, небо и подземный міръ состояли, по ученію грековъ, въ вѣдѣніи особенныхъ божествъ, подъ управленіемъ верховнаго божества. Такъ въ концѣ Критона законы, какъ верховныя силы, говорятъ о своихъ братьяхъ,—законахъ въ подземномъ мірѣ.

23. ἀποθνήσκειν τε καὶ τεθνάναι—умереть и быть для всего мертвыми.

Одинъ и тотъ же глаголъ употребленъ въ двухъ разныхъ значеніяхъ. Первое выраженіе—ἀποθνήσκειν имѣетъ буквальный смыслъ, т. е. означаетъ обыкновенную физическую смерть, а второе—смыслъ метафорическій. Люди, преданные философіи, стараются подавить въ себѣ всякое влеченіе чувственности и стремленіе ко внѣшнимъ благамъ; живя исключительно въ мірѣ идей—они мертвы для всего ихъ окружающаго.

24. Οἱ φιλοσοφοῦντες θανατῶσι — философы дѣйствительно желаютъ смерти.

θανατῶσι schol. θανάτου ἐπιθυμοῦσι—mori cupiunt. У Карпова, переводъ котораго представляетъ къ сожалѣнію весьма много невѣрностей, въ этомъ мѣстѣ непостижимо странная и ничѣмъ необъяснимая ошибка. Вмѣсто того, чтобы перевести согласно значенію глагола θανατῶ—«истинные философы желаютъ смерти», онъ переводитъ: «умрутъ ли (?!) истинные философы». Замѣчательно, что этотъ непонятный промахъ сдѣланъ Карповымъ во 2-мъ, исправленномъ изданіи Платона. (Соч. Плат. СПБ. 1863 г., Ч. II, стр. 69). Въ Пропилеяхъ, гдѣ онъ напечаталъ свой переводъ въ первый разъ, это мѣсто передано вѣрно. (Проп. кн. Ѵ, стр. 25). Чѣмъ объяснить такую странность, не знаю.

25. ἱματίων διαφερόντων κτήσεις καὶ ὑποδημάτων—обладаніе красивымъ платьемъ, обувью и проч.

Аѳиняне, какъ извѣстно, любили щеголять роскошью нарядовъ, при чемъ обувь играла непослѣднюю роль. Сократъ тѣмъ съ большимъ правомъ могъ порицать эту суетность своихъ согражданъ, отъ которой не были свободны даже философы, какъ напр., Аристотель, что самъ онъ обыкновенно носилъ очень простую и недорогую одежду.

26. τί δὲ—τῆς φρονήσεως κτῆσιν—ну, а въ пріобрѣтеніи знанія и пр.

Я не согласенъ въ настоящемъ случаѣ съ мнѣніемъ Шталльбаума, который, основываясь на различіи σοφία и φρόνησις, находящемся у Цицерона (Cic. Off. 43, 153) придаетъ послѣдней въ данномъ случаѣ значеніе чисто нравственной добро-

дѣтели. Смыслъ дальнѣйшей рѣчи ясно показываетъ, что φρόνησις нужно понимать въ этомъ мѣстѣ въ болѣе обширномъ значеніи, — въ значеніи знанія вообще, а не одного только пониманія вопросовъ этики и приложенія выработанныхъ нравственныхъ правилъ къ жизни. Итакъ Фишеръ объясняетъ это мѣсто совершенно правильно, говоря: φρόνησις est sapientia, quae posita est in scientia naturae rerum.

27. Οἱ ποιηταὶ ἡμῖν ἀεὶ θρυλοῦσιν—поэты правы, постоянно твердя.

Οἱ ποιηταί — подъ этимъ разумѣются: Парменидъ, Эмпедоклъ и Эпихармъ; какъ философы такъ, и сицилійскій комикъ отрицали возможность достиженія точнаго знанія посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ.

28. τὶ τῶν ὄντων — что нибудь въ бытіи.

Разумѣются идеи, которыя однѣ, по ученію Платона, представляютъ постоянное, неизмѣнное бытіе, потому что міръ видимыхъ явленій есть нѣчто преходящее и измѣняющееся.

29. τοῦ γνῶναι ἕκαστον—каждой (сущности).

Разумѣются не предметы и явленія видимаго міра, а чистыя идеи.

30. ἀλλ' αὐτῇ καθ' αὑτὴν—τῶν ὤντων—но отдаваясь чистой мысли, мысли въ самой себѣ—каждую отдѣльную чистую сущность въ ней самой.

Чистое – εἰλικρινές т. е. неизмѣняемое, потому что идеи, о которыхъ идетъ рѣчь, исключаютъ всякую возможность видоизмѣненій въ своемъ бытіи.

31. κινδυνεύει—ἀτραπός—ἐν τῇ σκέψει—при мысленномъ изслѣдованіи насъ ведетъ какъ будто бы какая то тропинка.

Греческій текстъ этого мѣста довольно труденъ и составляетъ предметъ споровъ между комментаторами. Я не буду останавливаться на разборѣ и сравнительной оцѣнкѣ различныхъ мнѣвій по этому вопросу, такъ какъ для большинства читателей это не можетъ представлять интереса. Замѣчу только, что при переводѣ этого мѣста я имѣлъ прежде всего въ виду логическое развитіе мысли, чѣмъ и опредѣлился выборъ принятаго мною чтенія. Признавши единственно вѣрнымъ способомъ изслѣдованія чисто мысленное созерцаніе, при ко-

торомъ совершенно устраняется дѣйствіе тѣлесныхъ чувствъ, Сократъ естественно долженъ былъ смотрѣть на этотъ избранный имъ путь какъ на просторный и широкій, и, слѣд., выраженіе ἀτραπός здѣсь повидимому неумѣстно. «Но употребляя выраженіе узкая тропинка» (ἀτραπός) для обозначенія пути, который, по его идеѣ, составляетъ просторную, широкую дорогу, онъ разумѣетъ: во 1 хъ то, что этимъ путемъ идутъ очень немногіе,—только истинные философы; во 2-хъ, что его не всѣ видятъ и знаютъ: масса, толпа идетъ дорогой обыкновенной, всѣмъ извѣстной; въ 3-хъ наконецъ,—и это по моему мнѣнію самое главное,—то, что какъ бы человѣкъ ни усиливался при изслѣдованіи отрѣшаться отъ тѣла,—совершенное устраненіе вліянія внѣшнихъ чувствъ и вообще условій жизни тѣлесной—невозможно. Очевидно слѣд., что этотъ путь просторный и широкій въ идеѣ, есть путь узкій въ дѣйствительности.

32. μετὰ τιούτων — съ такими же сущностями.

Карповъ переводитъ: съ подобными намъ существами. Неточно. Не существами, а сущностями. Шталльбаумъ дополняетъ τιούτων словомъ: καθαρῶν, а Виттенбахъ переводитъ cum talibus versabimur; p. 164. Подъ τιούτων не разумѣются исключительно божества и философствовавшія въ земной жизни души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чистыя идеи, которыя будетъ созерцать по смерти во всей полнотѣ и совершенствѣ душа истиннаго философа.

33. οὐκ—φιλόσοφος—ἀλλά τις φιλοσώματος—любитъ не мудрость, а тѣло.

Въ подлинникѣ игра созвучіемъ словъ, которой нѣтъ возможности передать по русски: «не другъ мудрости (φιλό—σοφος), а другъ тѣла» (φιλο—σώματος).

34. ἆρ'—οὐ καὶ ἡ ὀνομαζομένη ἀνδρεία—то, что называютъ мужествомъ и проч.

Раздѣленіе добродѣтели (ἀρετή) на четыре вида (φρόνησις, ἀνδρεία, σωφροσύνη, δικαιοσύνη) принадлежитъ пиѳагорейцамъ, какъ это доказалъ на основаніи пиѳагорейскихъ отрывковъ Виттенбахъ. Φρόνησις = prudentia et sapientia, понѣмецки vernünftige Einsicht, Weisheit. ἀνδρεία=fortitudo,

perseverantia; по-нѣмецки Muth, Tapferkeit. Σωφροσύνη= sanitas animi, temperantia vel moderatio; по-нѣмецки Besonnenheit, Selbstbeherrschung. У Платона, впрочемъ σωφροσύνη имѣетъ болѣе обширный смыслъ чѣмъ нѣмецкое Besonnenheit и иногда совпадаетъ съ понятіемъ φρόνησις. Какъ трудно передать σωφροσύνη однимъ словомъ на другой языкъ видно изъ того, что первый художникъ латинскаго языка—Цицеронъ переводитъ σωφροσύνη—modestia, moderatio и temperantia. Δικαιοσύνη=justitia, probitas, по-нѣмецки Gerechtigkeit, Richtigkeit. По-русски наиболѣе близкій и точный переводъ можно принять слѣдующій: φρόνησις—мудрость, благоразуміе; ἀνδρεία—мужество, твердость духа; σωφροσύνη—здравый умъ, воздержаніе, умѣренность; δικαιοσύνη—справедливость, честность.

35. καθαρμός τις ᾖ—не что иное, какъ религіозное очищеніе.

Что подъ этимъ разумѣть: орфическія или элевзинскія мистеріи? Большинство комментаторовъ разумѣетъ первыя, такъ какъ они по преимуществу были sacra lustralia; къ элевзинскимъ же таинствамъ, хотя опи совершались при извѣстныхъ очищеніяхъ, люди, оскверненные преступленіями, вовсе не допускались. Первое мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что слѣдующее непосредственно затѣмъ выраженіе о блаженствѣ посвященныхъ, равно какъ и стихъ: ναρθηκοφόροι μὲν πολλοί etc—орфическіе. Въ орфическихъ мистеріяхъ различалось пять степеней очищенія.

36 ναρθηκοφόροι μέν πολλοί, βάκχοι δέ τε παῦροι—много носящихъ тирсъ, но мало истинно вдохновенныхъ.

Орфическій стихъ, о которомъ упомянуто въ предыдущемъ примѣчаніи. Употреблявшійся какъ пословица онъ здѣсь имѣетъ метафорическій смыслъ. Значеніе его въ этомъ мѣстѣ весьма хорошо объясняетъ Фишеръ слѣдующими словами: multi prae se ferunt amorem et studium philosophiae sed pauci sunt veri philosophi. Pl. Paedo, p. 291. Климентъ Александрійскій, приводя этотъ стихъ, сближаетъ его съ евангельскимъ изреченіемъ: «много званныхъ, но мало избранныхъ».

37. πάντ' ἂν λῆρον τὸν Ἐνδυμίωνα ἀποδείξειεν—разсказъ объ Эндиміонѣ потерялъ бы всякое значеніе.

Эндиміонъ—Ἐνδυμίων—извѣстный по миѳологіи вѣчнымъ сномъ любимецъ луны. Преданія о немъ указываютъ частію на Элиду, частію на Карію. Эндиміонъ имѣлъ отъ Селены пятьдесятъ дочерей, которымъ даютъ аллегорическое значеніе пятидесяти мѣсяцевъ между одной Олимпіадой и другой. Селена любитъ прекраснаго юношу и каждую ночь сходитъ къ нему съ небесъ, чтобы его поцѣловать и подлѣ него отдохнуть. Непробудный сонъ Эндиміона былъ даромъ, полученнымъ имъ отъ Зевса, такъ какъ онъ самъ пожелалъ покоиться вѣчнымъ сномъ въ неувядающей юности и красотѣ.

38. ταχὺ ἂν τὸ τοῦ Ἀναξαγόρου γεγονὸς εἴη—то скоро исполнилось бы, о чемъ говоритъ Анаксагоръ и проч.

Анаксагоръ по духу ученія составляетъ ступень перехода отъ іонійцевъ къ Сократу. Его называютъ ученикомъ Анаксимена. Онъ родился въ Клазоменѣ, въ Лидіи, около 70-й Олимпіады, или за 500 лѣтъ до Р. Х., и былъ почти современникомъ философовъ Демокрита, Эмпедокла, Парменида и Зенона. Отказавшись отъ общественныхъ должностей онъ посвятилъ себя занятію науками. Послѣ многочисленныхъ путешествій на тридцатомъ или, по другимъ извѣстіямъ, на сорокъ пятомъ году жизни, Анаксагоръ прибылъ въ Аѳины, въ самую блестящую эпоху аѳинской жизни,—въ правленіе Перикла, съ которымъ вошелъ въ дружескія отношенія. Эврипидъ и Ѳукидидъ были его учениками. Обвиненный въ безбожіи (ἀσέβεια) онъ избѣжалъ казни, благодаря краснорѣчивой защитѣ Перикла: смертный приговоръ былъ замѣненъ изгнаніемъ. Оставивъ Аѳины, онъ поселился въ Лампсакѣ, гдѣ и кончилъ жизнь около 73-хъ лѣтъ отроду. Жители Лампсака воздвигли ему гробницу съ слѣдующею надписью: «Эта гробница вмѣщаетъ въ себѣ великаго Анаксагора, котораго умъ изслѣдовалъ небесные пути истины». Основа его философской системы заключается въ слѣдующемъ положеніи: πάντα χρήματα ἦν ὁμοῦ, εἶτα νοῦς ἐλθὼν αὐτὰ διεκόσμησε—„всѣ вещи находились въ смѣшеніи; потомъ пришелъ умъ и привелъ ихъ въ порядокъ».

39. *δέομαι παθεῖν ἀναμνησθῆναι*—мнѣ необходимо припомнить.

Вмѣсто *παθεῖν* во всѣхъ кодексахъ—*μαθεῖν*. *Παθεῖν*—поправка Серрана, принятая Шталльбаумомъ, несмотря на то, что большинство комментаторовъ (Фишеръ, Виттенбахъ, Шмидтъ) держится текста манускриптовъ. Я перевелъ по чтенію Шталльбаума, которое защищаетъ и Бишофъ (Pl. Phaed. p. 81 sq.) Согласно этому чтенію Шталльбаумъ переводитъ: sed hoc ipsum, de quo sermo est (h. e. *τὴν ἀνάμνησιν*) cupio experiri, hoc est commonefieri a vobis *πῶς ἡ καλουμένη μάθησις ἀνάμνησίς ἐστίν*. Платонъ играетъ выраженіемъ *ἀναμνησθῆναι*: Симмій проситъ *припомнить* ему, —что значитъ *припоминать?*

40. *αὐτὰ τὰ ἴσα ἔστιν ὅτε ἄνισά σοι* etc.—равное—неравенствомъ?

Платонъ обозначаетъ обыкновенно отвлеченныя сущности (равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ) прилагательными средняго рода въ числѣ единственномъ—*αὐτὸ τὸ ἴσον, αὐτὸ τὸ καλόν*, а соотвѣтствующія имъ понятія конкретныя—прилагательными средняго рода во множественномъ. *Τὸ ἴσον, τὸ καλόν* = равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ; *τὰ ἴσα, τὰ καλά* = равные, прекрасные предметы. Но въ этомъ мѣстѣ *τὰ ἴσα* обозначаетъ не предметы равные, а идею равенства Такъ какъ равенство, отвлеченное отъ многихъ равныхъ, но разнородныхъ предметовъ, само заключаетъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ понятіе множественности, то Платонъ употребилъ *τὸ ἴσον* во множеств. числѣ вм. *ἰσότης*.

41. *ἐπᾴδειν αὐτῷ*—напѣвать ему — очарованную пѣснь.

Глаголъ *ἐπᾴδειν* собственно значитъ напѣвать волшебную, чародѣйственную пѣснь, которая присутствіемъ въ ней тайной, сообщенной ей мнимо всемогущими, суевѣрными средствами силы покоряла бы всецѣло умы и сердца людей и заставляла бы ихъ невольно вѣрить тому, о чемъ она поетъ. Противоположный по значенію глаголъ *ἐξεπᾴδειν*—уничтожать что нибудь въ комъ нибудь съ помощію волшебной пѣсни, исцѣлять кого нибудь отъ чего нибудь посредствомъ пѣсни.

42. τῷ μὲν δουλεύειν καὶ ἄρχεσθαι ἡ φύσις προστάττει, τῇ δὲ ἄρχειν καὶ δεσπόζειν —тѣлу природа указываетъ повиноваться и находиться подъ управленіемъ, а душѣ начальствовать и повелѣвать.

Почему? Отвѣтъ на это находимъ въ Тимеѣ. Душа есть ранѣе явившееся и высшее начало, а потому и господствующее; душа сотворена раньше, а тѣло позже; вслѣдствіе этого тѣло по естественному закону должно подчиняться душѣ.

43. ἡ δὲ ψυχὴ - τὸ ἀειδές - εἰς Ἅιδου ὡς ἀληθῶς—душа, невещественное по природѣ начало - переходя въ міръ невещественный — носитъ поэтому имя міра невидимаго.

Въ подлинникѣ игра словъ, непереводимая по-русски. Душа, начало невидимое (τὸ ἀειδὲς), отправляется въ невидимое мѣсто (Ἀΐδης—аидъ). Прибавка ὡς ἀληθῶς указываетъ на то, что подъ этимъ нужно разумѣть не подземный міръ, какъ обыкновенно представляютъ, а то мѣсто, гдѣ живутъ τὰ ἀειδῆ, τὰ ὄντως ὄντα—невидимыя идеи.

44. περὶ τὰ μνήματά τε—φαντάσματα—вблизи надгробныхъ памятниковъ - мрачныя привидѣнія и проч.

Народное вѣрованіе о блужданіи нѣкоторыхъ душъ вокругъ своихъ гробницъ было, какъ извѣстно, очень распространено въ древности. Лактанцій, Institut. 11, 2, 6: vulgus existimat animas circa tumulos et corporum suorum reliquias aberrare. См. Виттенб. p. 208.

45. ὁμότροπός τε καὶ ὁμότροφος — пріобрѣтаетъ и свойства тѣла, начинаетъ питаться одною съ нимъ пищею и проч.

Непереводимая по-русски игра словъ: ὁμότροπος = qui eisdem est moribus; ὁμότροφος=qui eisdem rebus pascitur, vel idem appetit (Lex. Ast.)

46. ἀνήνυτον—μεταχειριζομένην - производить и проч.—станка Пенелопы.

Другими словами: уничтожать то, что сдѣлано. Пенелопа, извѣстная своею вѣрностью жена Одиссея, желая отклонить своихъ жениховъ отъ ихъ настойчивыхъ исканій, начала ткань и три года сряду распускала по ночамъ то, что успѣвала соткать въ теченіе дня. Предварительно

ею дано было обѣщаніе выдти замужъ по окончаніи работы. Какъ Пенелопа сначала производила, а потомъ уничтожала ткань, такъ противуположнымъ этому образомъ (ἐναντίως) колеблющійся въ своихъ правилахъ человѣкъ сначала уничтожалъ бы въ себѣ съ помощію философіи то, что явилось въ немъ какъ результатъ жизни чувственной, а потомъ, возвращаясь къ прежнему, возсоздавалъ бы въ себѣ вновь стремленія, уничтоженныя въ немъ вліяніемъ философіи. Очевидно, что работа философіи надъ душой человѣка была бы въ этомъ случаѣ ἔργον ἀνήνυτον.

47. τὸ ἀδόξαστον — неизмѣнное для мысли. т. е. безусловно истинное. Точное опредѣленіе понятія, которое Платонъ соединяетъ съ словомъ δόξα представляетъ величайшую трудность и можетъ быть предметомъ цѣлаго изслѣдованія. Опредѣленіе это тѣмъ труднѣе, что у самого Платона оно представляетъ различные оттѣнки. (См. Скворцова, Платонъ о знаніи, стр. 180 и слѣд.) Но вообще понятіе δόξα — opinio, sententia (нѣм. Uorstellung) у него противополагается понятію ἐπιστήμη — s ientia, cognitio. (нѣм. das Verstehen) δόξα — мнѣніе – имѣетъ мѣсто въ области видимаго бытія, — предметовъ, о которыхъ мы составляемъ понятіе помощію внѣшнихъ чувствъ; ἐπιστήμη - знаніе въ точномъ и строгомъ значеніи слова, потому что предметъ его - идеи, представляющія вѣчное, неизмѣнное бытіе.

48. οἵ, ἐπειδὰν—ᾄδουσι—которые - поютъ и проч.

Поэтическое сказаніе о пѣсни умирающей лебеди составляло предметъ всеобщаго вѣрованія у древнихъ Извѣстіе объ этомъ мы находимъ у многихъ греческихъ и римскихъ писателей. Нѣкоторые натуралисты новаго времени засвидѣтельствовали вѣрность наблюденія, сдѣланнаго древними, и утверждаютъ положительно, что лебеди (изъ породы cygnus melanorhynchus, у Линнея anas cygnus), предчувствуя приближеніе смерти, поютъ жалобныя, но въ то же время самыя нѣжныя и прекрасныя свои пѣсни. Другіе впрочемъ отрицаютъ этотъ фактъ.

49 τοῦ Ἀπόλλωνος ὄντες какъ птицы Аполлона.

Ἀπόλλων—Apollo - Аполлонъ, по миѳологіи сынъ Зевса и

Леты—Λητώ. Ни у Гомера ни у Гезіода нѣтъ свѣдѣній о мѣстѣ его рожденія; только гимнъ указываетъ его родину—островъ Делосъ. Аполлонъ—свѣтлый (φοῖβος), - богъ порядка, защитникъ закона, всего добраго и прекраснаго въ природѣ и родѣ человѣческомъ. Высокое преимущество его передъ другими божествами (кромѣ одного Зевса)—даръ прорицаній, предвѣдѣнія будущаго. Онъ получилъ этотъ даръ отъ самого Зевса для того, чтобы предостерегать людей отъ несчастій и возвѣщать имъ волю отца боговъ и людей. Онъ по преимуществу μάντις. Одаренный предвѣдѣніемъ будущаго самъ, онъ можетъ сообщать этотъ даръ и другимъ, — богамъ и смертнымъ (Гермесъ, Калхасъ) Изъ деревъ ему посвященъ лавръ, а изъ птицъ—лебеди. Сократъ въ настоящемъ мѣстѣ объясняетъ поэтически предчувствіе умирающей лебеди и ея послѣднюю, прощальную пѣснь предвѣдѣніемъ, которое она какъ птица Аполлона получаетъ непосредственно отъ этого бога.

50. ἐγὼ δὲ—τοῦ δεσπότου - но я полагаю и проч.—чѣмъ онѣ.

По вѣрованіямъ древнихъ душа умирающаго обладала предвѣдѣніемъ будущаго. Такъ умирающій Патроклъ предсказываетъ въ Иліадѣ своему побѣдителю Гектору смерть отъ руки Ахилесса. (Il, XVI, v. 851 sqq.) а Гекторъ въ томъ же положеніи - смерть Ахиллесу отъ Париса. (Il. XXII, 358 sqq.) Дидона у Виргилія умирая предсказываетъ Энею несчастія въ Италіи, погибель въ битвѣ и вражду между потомками его и ея. Сократъ называетъ въ настоящемъ мѣстѣ Аполлона своимъ повелителемъ (δεσπότης) а себя сослужителемъ (ὁμόδουλος) лебедей именно въ этомъ смыслѣ. Какъ человѣкъ умирающій, онъ обладаетъ предвѣдѣніемъ будущаго и знаетъ, что ожидаетъ его по смерти. Въ эти минуты онъ таинственно посвященъ Аполлону и раздѣляетъ предвѣдѣніе съ его вѣщей птицей—лебедью.

51. τὰς καλὰς—ἀποκερεῖ—ты—обрѣжешь себѣ эти прекрасные волосы.

Греки, какъ и многіе другіе народы древняго востока, имѣли обыкновеніе въ знакъ траура обрѣзывать себѣ волосы. Такъ поступаетъ Ахиллесъ по смерти Патрокла, Александръ—

по смерти Гефестіона; точно такимъ же образомъ выражали свою скорбь о потерѣ Александра Персы, а восточные цари — о потерѣ Германика. Иногда обрѣзанные въ знакъ траура волосы были полагаемы на могильномъ курганѣ оплакиваемаго лица. Совершенно противоположный обычай существовалъ у Римлянъ и вообще у народовъ западныхъ, которые во время траура отращали себѣ волосы. Законодательство евреевъ запрещало выраженіе скорби посредствомъ обрѣзыванія волосъ, въ отличіе отъ обыкновеній сосѣднихъ язычниковъ.

52. ὥσπερ Ἀργεῖοι—какъ дѣлали Аргивяне.

Историческій фактъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь Сократъ, сохраненъ Геродотомъ (I, 82). Аргивяне, будучи побѣждены въ двухъ сраженіяхъ лакедемонянами и потерявъ городъ Тирею, обрѣзали себѣ свои длинные волосы и, подъ угрозой проклятія за неисполненіе, постановили слѣдующій законъ: ни одинъ гражданинъ не долженъ растить себѣ волосъ, равно какъ и женщины не должны носить золотыхъ украшеній, прежде нежели потерянный городъ не будетъ вновь завоеванъ. Въ противуположность этому лакедемоняне установили обратный законъ, и съ этихъ поръ носили длинные волоса, чего не дѣлали прежде.

53. πρὸς δύο οὐδ' Ἡρακλῆς etc.—говорятъ, что съ двумя и Геркулесу трудно бороться.

Историческое происхожденіе этой, совершенно понятной по мысли и часто употреблявшейся у древнихъ пословицы неодинаково объясняется схоліастами, комментирующими это мѣсто Федона. Наиболѣе впрочемъ удовлетворительнымъ считаютъ слѣдующее объясненіе. Въ то время, когда Геркулесъ по сказанію миѳа сражался съ лернейскою гидрой, Гера выслала противъ него огромнаго рака и Геркулесъ, будучи не въ силахъ одновременно бороться съ двумя чудовищами, призвалъ на помощь Іолая. Этотъ послѣдній часто раздѣлялъ съ Геркулесомъ его подвиги.

54. τὸν Ἰόλεων—Іолая.

Іолай или Іолей, сынъ Ификла, постоянный спутникъ и оруженосецъ Иракла. Въ сраженіи Геркулеса съ тысячеглавою лернейскою гидрой онъ оказалъ ему помощь, выжигая

горящими головнями въ туловищѣ змѣя тѣ мѣста, на которыхъ находились отсѣкаемыя Геркулесомъ головы. (Иначе трудъ Геркулеса былъ бы безполезенъ, потому что вмѣсто каждой отсѣкаемой головы мгновенно выростало двѣ новыхъ). Съ помощію Іолая Геркулесу удалось такимъ образомъ овладѣть безсмертной головой змѣя. Зарывъ ее въ землю и наваливъ на это мѣсто тяжелый камень, онъ этимъ способомъ побѣдилъ и умертвилъ гидру.

55. ὥσπερ ἐν Εὐρίπῳ—какъ въ Эврипѣ.

Пословица, выражающая непостоянство, вѣчную измѣняемость чего нибудь. Эврипъ—названіе бурнаго пролива между Беотіей, Аттикой и Эвбеей; волны его, по причинѣ безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ, каждыя сутки семь разъ перемѣняли мѣста. Ливій изображаетъ его еще болѣе бурнымъ.

56. τὰ μὲν Ἁρμονίας – теперь ѳиванская гармонія и проч.

Игра словъ, каламбуръ. Симмій доказывалъ, что душа есть гармонія. Такъ какъ оба философа, Симмій и Кевисъ, были ѳиванцы, то Сократъ шутливо называетъ изложенную Симміемъ теорію гармоніи именемъ личности, извѣстной въ ѳиванской исторіи,—Гармоніи, дочери Ареса и Афродиты и жены Кадма. Продолжая тотъ же шутливый тонъ, Сократъ даетъ и Кевису имя Кадма, намекая можетъ быть на то, что Кевисъ поставилъ весьма сильное возраженіе противъ безсмертія души и слѣд. представляетъ нѣкоторое сходство съ Кадмомъ, заложившимъ крѣпость Кадмею.

57. μὴ μέγα λέγε, μή τις ἡμῶν βασκανία — не выражайся такъ высокомѣрно, чтобы чья нибудь зависть и проч.

Μὴ μέγα λέγει – ne magna loquaris; βασκανία-invidia, fascinatio. Гордыя, высокомѣрныя рѣчи, заключающія въ себѣ самовосхваленіе, оскорбляютъ божество и вызываютъ его мщеніе. Сократъ боится, чтобы похвалы, которыя дѣлаетъ ему другъ, не возбудили зависти со стороны божества.

58. ὥς τινες ἔλεγον – какъ утверждали нѣкоторые.

Іонійскіе философы — Анаксагоръ (Diog. Laert. 11, 9) и ученикъ его Архелай. (D. L. 11, 16).

59. τὸ αἷμά ἐστιν – кровь та сила и проч.

Мнѣніе Эмпедокла. (D. L. VII, 159).

60. ἢ ὁ ἀὴρ—или воздухъ.

Ученіе Анаксимена.

61. ἢ τὸ πῦρ—или огонь.

Ученіе Гераклита.

62. ὁ δὲ ἐγκέφαλος — а мозгъ.

Мнѣніе это было сильно распространено въ древности.

63. εἰ ἐν μέσῳ etc.—въ центрѣ міра.

Ученіе іонійцевъ и элеатовъ.

64. νὴ τὸν κύνα—клянусь собакой.

Употребленная Сократомъ клятва часто встрѣчается у Платона и въ другихъ діалогахъ, равно какъ у Атенея и Лукіана. Какой ея смыслъ? Кажется, что ей не должно придавать другого значенія кромѣ того, какое имѣютъ иногда шуточныя выраженія подобнаго рода и у насъ. По крайней мѣрѣ, едва ли можно думать, что Сократъ опирался въ этомъ случаѣ на сомнительный примѣръ Радаманта и употреблялъ шуточную форму клятвы, желая избѣгать по религіозному чувству призыванія въ разговорахъ имени боговъ; мы встрѣчаемъ примѣры, что онъ клянется Герою (νὴ τὴν Ἥραν). Въ Горгіи формула клятвы, о которой идетъ рѣчь, встрѣчается съ прибавкою: τόν Αἰγυπτίων θεόν. Разумѣется, и эта прибавка не что иное какъ шутка, и нѣкоторые церковные писатели (Лактанцій) совершенно несправедливо обвиняютъ по этому поводу Сократа въ нечестіи.

65. ἢ περὶ Μέγαρα ἢ Βοιωτοὺς—подлѣ Мегары или вблизи Беотянъ.

Мегара и Беотія—области, пограничныя съ Аттикой. Сократъ называетъ здѣсь именно эти области потому, что ему было легко, по близости ихъ къ Аѳинамъ, найти себѣ убѣжище въ которой нибудь изъ нихъ, если бы онъ захотѣлъ послѣдовать совѣту своихъ друзей и спастись бѣгствомъ.

66. ἀλλὰ ἡγοῦνται τούτου Ἄτλαντα etc.—надѣются найти Атланта.

Именемъ Атланта здѣсь обозначается универсальная всесозидающая творческая сила. Атлантъ — Ἄτλας — титанъ, сынъ титана Япета и Климены или Азіи, братъ Прометея и Эпиметея. Hesiod. Theog. 507. Это мудрый богъ, который

знаетъ морскія глубины и поддерживаетъ столбы, подпирающіе небо и землю. По Гезіоду (Theog 517) Атлантъ долженъ былъ носить на головѣ и плечахъ небесный сводъ въ наказаніе за участіе, которое онъ принималъ въ борьбѣ титановъ съ олимпійцами. По объясненію нѣкоторыхъ толкователей миѳовъ, Атлантъ представляетъ олицетвореніе горы, которую народныя вѣрованія дѣлали опорою небесъ, а по объясненію другихъ это былъ математикъ и астрономъ, изобрѣтатель небеснаго глобуса.

67. *οἱ ἀντιλογικοὶ* etc.—съ любителями преній и проч.

Софисты. Черта, на которую указываетъ въ настоящемъ мѣстѣ Сократъ, составляетъ ихъ отличіе отъ философскихъ школъ другихъ направленій. Характеръ софистовъ съ этой стороны такъ извѣстенъ, что имя ихъ обратилось въ пословицу. Тѣмъ не менѣе установившійся по преданію взглядъ на значеніе софистовъ отвергается, какъ извѣстно, очень многими изслѣдователями. Платонъ, не любившій софистовъ, говоритъ о нихъ вездѣ съ ироніей. (См. Льюиса, Ист. филос. стр. 103 и дал.).

68 *Ἀνδρικῶς — ἀπεμνημόνευκας* -- ты кстати вспомнилъ объ этомъ и проч.

Буквальный переводъ—„мужественно". Щталльбаумъ переводитъ: znauiter — rem retulisti, замѣчая при этомъ, что выраженія, употребляемыя относительно сраженій и битвъ (pugnae et certamina) переносятся часто на философскія разсужденія. Нѣсколько выше Сократъ выражался объ этомъ своемъ диспутѣ съ друзьями философами такъ, какъ будто бы рѣчь шла о настоящемъ боѣ.

Πρὶν ἂν νικήσω ἀναμαχόμενος - не прежде, чѣмъ я одолѣю, ***возобновивъ бой***, и проч. стр. 73; *ὁμηρικῶς ἐγγὺς ἰόντες*—мы сошедшись другъ съ другомъ, ***какъ герои Гомера***, и проч. стр. 86. Шлейермахеръ переводитъ: Daran hast du gut erinnit; Миллеръ: Sehr waker hast du Das in Erinnerung gebracht; у Кузена: tu a raison de rappeler ce qui s'est dert.

69. *ἆρ' οὖν, ἔφη, ὦ Κέβης τάδε εἴη ἂν*—не будутъ ли это, любезный Кевисъ, именно тѣ (вещи) и проч.

Все это мѣсто, а особенно слѣдующее послѣ словъ — οὐ γὰρ χεῖρον πολλάκις и проч. представляетъ чрезвычайную трудность, въ чемъ соглашаются рѣшительно всѣ комментаторы. Perobscura sunt, говоритъ Штальбаумъ, quae deinceps sequuntur. Я при переводѣ этого мѣста удержалъ то объясненіе, которое обыкновенно даетъ ему большая часть комментаторовъ. Приведу полный переводъ его, сдѣланный извѣстнымъ нашимъ эллинистомъ П. М. Леонтьевымъ (переводъ, составленный, какъ говоритъ самъ переводчикъ, при дружественномъ содѣйствіи М. Н. Каткова). Вотъ его примѣчаніе. «Слѣдующее за симъ (приведеннымъ въ началѣ нашего примѣчанія греческимъ текстомъ) мѣсто представляетъ въ подлинникѣ важныя затрудненія относительно смысла, происходящія по всей вѣроятности отъ вставки въ текстъ не относящихся къ нему словъ. Шлейермахеръ перевелъ его буквально, но непонятно и даже несогласно съ его очевиднымъ смысломъ». Затѣмъ слѣдуетъ переводъ. «Не то ли это, Кебетъ, сказалъ онъ, что овладѣвая вещью, вынуждаетъ ее имѣть не только свою собственную идею, но и идею чего-либо всегда чему-либо противоположнаго?—Какъ ты это говоришь?—А такъ какъ сейчасъ говорили; ты вѣдь знаешь конечно, что все, овладѣваемое идеею трехъ вынуждено быть не только тремя, но и нечетомъ?—Конечно —Ко всѣмъ стало быть подобнымъ вещамъ не подойдетъ идея, противная той формѣ, которая производитъ въ нихъ это качество.—Нѣтъ, не подойдетъ.—Здѣсь же производится оно вѣдь формою нечета.—Да.—Но вѣдь нечету противоположна идея чета?—Да.—Стало-быть къ тремъ никогда не подойдетъ идея чета?—Очевидно никогда.—Поэтому число три не имѣетъ ничего общаго съ идеей чета?—Ничего общаго.—Итакъ число три есть нечетное?—Да.—А я намѣренъ былъ опредѣлить, что̀ такое, не будучи чему-либо противоположно, не принимаетъ однако его, подобно троицѣ, которая хотя и не противна чету, однакожъ все таки не принимаетъ его (ибо всегда несетъ съ собою нѣчто противоположное чету), или подобно двоицѣ, не принимающей нечета, огню, не принимающему холода, и такъ далѣе. Посмотри же теперь, не опредѣлишь ли этого вотъ

какъ: «не только противоположное не принимаетъ своего противоположнаго, но и то, что вноситъ во все, во что ни входитъ, одну изъ противоположностей, само это, вносящее противоположность, отнюдь не принимаетъ противнаго вносимому имъ. Повторимъ еще разъ (ибо не худо и нѣсколько разъ выслушать): число пять не приметъ образа чета, а образа нечета не приметъ число десять, въ которомъ пять удвоено. Да и само двойное, хотя противоположно не нечету, а иногда чему-нибудь, однакожъ не приметъ образа нечета, равно не приметъ цѣлаго числа часть полуторная и ничто подобное, наприм., половина или треть и такъ далѣе. (Пропил. кн. V, стр. 63 и слѣд.).

70. Ἄμουσον — немузыкальнымъ.

Ἄμουσος — a musica alienus, musicae imperitus, a musica vel poesi et in univ. a doctrina alienus, inelegans, turpis. (Lex. Ast), противополагается понятію — μουσικός. Я перевелъ буквально — немузыкальный, желая избѣжать перифраза. (Точно такъ переводитъ и англійскій переводчикъ Платона Кэри — unmusical.) Но «немузыкальный» не нужно принимать въ нашемъ значеніи слова. Что разумѣли древніе греки подъ музыкой (ἡ μουσική), объ этомъ см. примѣч. 16.

71. ὁ ἑκάστου δαίμων ὅσπερ ζῶντα εἰλήχει — каждаго умершаго духъ-покровитель, на попеченіи котораго онъ находился въ теченіе земной жизни и проч.

Δαίμων — Daemon, духъ-покровитель. У Гомера еще нѣтъ существеннаго различія между словами δαίμων и θεός. Только у Гезіода впервые являются демоны, какъ второй разрядъ существъ, стоящихъ выше человѣка. Въ Opera et dd. онъ говоритъ, что люди золотаго вѣка, по окончаніи земной жизни, сдѣлались демонами, — благими, превышеземными существами, хранителями людей. Невидимо обтекая всю землю, они оберегаютъ права и собственность ихъ. Каждый человѣкъ получаетъ на все время земной жизни своего демона, который служитъ ему спутникомъ и руководителемъ, — представленіе, близко подходящее къ христіанскому ученію объ ангелахъ-хранителяхъ.

72. ὡς ὁ Αἰσχύλου Τήλεφος — Телефъ у Эсхила.

Τήλεφος — Телефъ, аркадянинъ сынъ Геракла и Авге,

дочери аркадскаго царя Элеоса. По приказанію царя, мальчикъ былъ брошенъ на пареенійской горѣ (in monte parthenio) и вскормленъ ланью, откуда получилъ и имя Телефа. (отъ глаг. θηλάζειν —lactare и ἔλαφος - cerva). Когда онъ въ послѣдствіи времени является при дворѣ мизійскаго царя Тевтранта, то Авге, на которой этотъ послѣдній женился, сдѣлалась снова его матерью, а Тевтрантъ, который обходился съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ, сдѣлалъ его наслѣдникомъ мизійскаго престола. Трагедія Эсхила, о которой здѣсь упоминаетъ Платонъ, такъ же какъ и эврипидовская подъ тѣмъ же названіемъ, до насъ не дошли.

73. ὑπὸ τῶν περὶ γῆς εἰωθότων λέγειν—которые привыкли о ней разсуждать.

Трудно сказать, какую именно философскую школу разумѣетъ здѣсь Платонъ. Изслѣдованіемъ вопроса о видѣ и положеніи земли занимались многіе философы — Θалесъ, Анаксимандръ, Анаксагоръ, Пиеагоръ и друг. Кажется однако, что здѣсь разумѣются пиеагорейцы.

74. οὐχ ἡ Γλαύκου τέχνη γέ μοι δοκεῖ εἶναι —мнѣ кажется, не нужно искусства Главка.

Пословица, употреблявшаяся о дѣлѣ, не представляющемъ особенной трудности. Историческое происхожденіе ея объяснить довольно трудно, такъ какъ грамматики противорѣчатъ въ этомъ случаѣ другъ другу. Главкъ—полумиеическое имя художника, въ дѣйствительности лица котораго сомнѣвались уже древніе. Одни комментаторы разумѣютъ подъ этимъ именемъ Главка изъ Хіоса, о которомъ упоминаетъ Геродотъ (1, 25) а другіе—соименнаго ему музыканта.

75. μέχρι Ἡρακλείων στηλῶν ἀπὸ Φάσιδος—отъ Фазиса до геркулесовыхъ столбовъ.

Рѣка, извѣстная подъ именемъ Фазиса въ позднѣйшія времена, есть безспорно нынѣшній Ріонъ; но Фазисъ Эсхила, по мнѣнію ученыхъ, нынѣшняя Кубань. Крайнюю противуположность ея отъ востока къ западу Европы составляютъ—Ἡράκλειοι στῆλαι—Геркулесовы столбы (гибралтарскій проливъ). По миеическому преданію скалы, соединявшія нѣкогда Африку

съ югомъ Испаніи, были раздвинуты Геркулесомъ, откуда и древнее названіе пролива.

76. πῶς με θάπτῃ—какъ меня похоронить.

Глаголъ θάπτω употребляется какъ о погребеніи, такъ и сожженіи тѣлъ. Слѣдов. ближайшій смыслъ вопроса: желаетъ ли Сократъ, чтобы его тѣло предано было землѣ или сожжено? Но можно также разумѣть и объ обрядахъ погребенія, такъ какъ въ Аѳинахъ съ древнѣйшихъ временъ существовалъ обычай погребать.

77. τῷ 'Ασκληπιῷ ὀφείλομεν ἀλεκτρυόνα - мы должны пѣтуха Асклепію.

Асклепій—богъ врачебной науки. Кромѣ козы, совы и змѣи, ему былъ посвященъ и пѣтухъ. По выздоровленіи отъ болѣзни ему обыкновенно приносили въ жертву пѣтуха. Сократъ проситъ друзей исполнить это послѣ его смерти, выражая этимъ взглядъ на земную жизнь, какъ на больше или меньше продолжительную болѣзнь, отъ которой излѣчиваетъ человѣка смерть. Послѣдняя слѣдовательно, по взгляду Сократа, есть выздоровленіе, переходъ къ истинной, желанной жизни.

